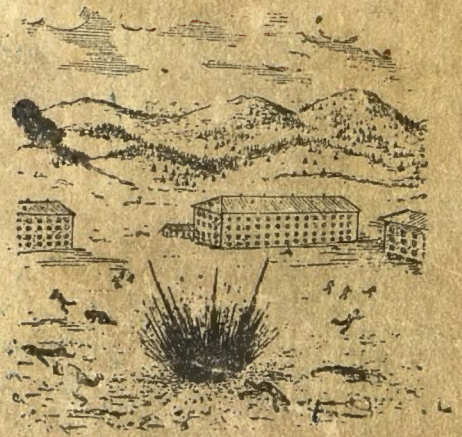
П. КАРЕВ

ЛБ10
8/15

НАС НЕ УКРОТИЛИ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

П. КАРЕВ

Л610
845

НАС НЕ УКРОТИЛИ

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

На 19 стр. в 12 строке снизу вместо: **отдельные** следует читать: **отделенные**

На 44 стр. 4-ю строку снизу следует читать так:
лись обойти где-либо стороной. Этим мы заставили их пре-

Первая опечатка произошла по вине издательства, вторая — по вине типографии.

П. Карев—Нас не укротили.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ИВАНОВО 1937

П. КАРЕВ

Л610
845

НАС НЕ УКРОТИЛИ

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ИВАНОВО 1937

К — 22

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
530601 Vm

П. КАРЕВ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор книги „Нас не укротили“ — бывший солдат царской армии. В 1916 г. он был отправлен в числе нескольких тысяч других солдат во Францию в обмен на снаряды, которые русский царь, русская буржуазия получили от президента Франции Пуанкаре.

Отборные русские солдаты не захотели, однако, воевать во имя интересов международных капиталистов. И при первом известии о революционных событиях в России они, несмотря на все меры, предпринятые правительством Керенского, совсем отказались воевать. Они потребовали возвращения на родину, освободившуюся от ига самодержавия и боровшуюся под руководством партии большевиков за свержение буржуазии и установление власти трудящихся.

Солдат объявили бунтовщиками, Русская буржуазия совместно с французской расстреливала их в лагере ля-Куртин, сажала в военные тюрьмы, ссылала на каторгу в знойную Африку, но все это не сломило боевого духа русских людей, никакими мерами не смогли укротить их классовую ненависть к угнетателям.

Настоящая книга — воспоминания автора о тяжелых мытарствах и борьбе русских солдат во Франции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

— Здорово, Сорока!

— Сто сорок два ряда, ваше благородие!

— Дурак глухой!

— Рад стараться, ваше благородие! — так отвечал глуховатый фельдфебель третьей роты, 147 пехотного запасного батальона Сорока на приветствие ротного командира, прапорщика Смирнова.

Двести восемьдесят четыре солдата, выстроенные в две шеренги, хихикнули на ответ фельдфебеля.

— Смирно — закричал прапорщик Смирнов. — Что за смех?

Рота притихла.

Пройдя вдоль фронта и осмотрев всех с ног до головы, Смирнов повернулся обратно. Дойдя до середины, он неожиданно поздоровался с ротой. Рота, не ожидавшая приветствия, ответила недружно. Командир закусил ус. Это был признак того, что он сегодня чем-то озлоблен, а в такие минуты от него многим попадало ни за что, ни про что.

Повернув роту, Смирнов подал команду: «Влево по отделениям стройсь!» Рота выстроилась.

— Вдоль дороги, равнение направо, шагом... — рота насторожилась... — марш!

По команде двести восемьдесят четыре ноги, обутые в тяжелые сапоги, грузно опустились на мостовую, и рота пошла полным широким шагом по улице города.

Командир шел впереди роты, обернувшись лицом к ней и подсчитывая:

— Ать, два, три! Запевалы на середину, — вдруг закричал он и, передав командование ротой фельдфебелю Сорока, свернул с шоссе на тротуар.

Запевалы вышли на середину роты. Высокий, красивый Григорий Макаров затянул:

Взвейся, соколы, орлами,
Полно горе горевать...

Рота дружно подхватила:

То ли дело под шатрами,
В поле лагерем стоять.

Под эту песню мы шли по улицам небольшого города Кузнецка, раскачиваясь плавно из стороны в сторону. Был февраль 1915 года.

Наша рота состояла из новобранцев, призванных в январе по первому досрочному призыву.

Выйдя в поле, на учебный плац, рота была остановлена. Мороз в этот день доходил до тридцати градусов. Солдаты были одеты в старые гимнастерки и новые шинели, у некоторых на головах серые вязаночные папахи, а у некоторых фуражки, на ногах — кожаные сапоги. Мороз и легкий ветер сердито пощипывали солдат за уши, носы и щеки.

Остановив роту, Смирнов подал команду:

— Направо равняйсь! — Когда рота подравнялась, — сказал:

— Смирно!

Шум прекратился, люди застыли, не смея пошевельнуться, устремив глаза на командира. Смирнов стоял перед ротой и взглядом скользил по рядам. Не подавая команды «вольно», ротный прошелся несколько раз вдоль строя, а потом, вызвав полуротных командиров и фельдфебеля, начал с ними о чем-то тихо разговаривать. Офицеры вначале стояли спокойно, а затем стали на месте подпрыгивать, их примеру последовал и фельдфебель. Мы продолжали стоять смирно. Кто-то на левом фланге переставил ногу, снег захрустел. Услышав хруст снега, ротный злобно крикнул.

— Смирно! Какая там сволочь ворочается!

Хруст прекратился.

Застывали ноги, замерзали руки, державшие винтовки. Все ждали команду: «вольно», «оправиться», но она не подавалась. Солдаты шевелили в сапогах пальцами ног, стараясь их согреть движением, однако это не помогало. Некоторые в задних рядах потихоньку переминались с ноги на ногу и терли рука об руку. Сапоги от мороза стали как чугунные и в носках не сгибались.

Офицеры продолжали разговаривать. Они курили и подпрыгивали на месте.

Люди мерзли, но крепились, стараясь не шевелиться. А ротный продолжал наблюдать и при каждом услышанном звуке или замеченном движении среди солдат густой матерщиной восстанавливал порядок.

Младшие офицеры — прапорщики Борисевич и Патковский — просили Смирнова дать роте возможность стоять вольно и покурить. Смирнов ничего им не ответил. Это был упрямый человек. Издевательства и наказания сыпались от него на головы солдат каждый день. Целыми отделениями и взводами ставил он под винтовку. В летние дни гонял бегом до упаду, заставлял ложиться в самых грязных местах и болотах, а зимой держал солдат на морозе под командой «смирно» до тех пор, пока они не обмерзнут.

Так было и на этот раз. У некоторых солдат появились белые полоски на щеках, носах и ушах, пальцы ног не ворочались. Не выдержав издевательства и как-то сразу, точно по команде, схватив в руки снег, мы начали оттирать отмороженные места, кружиться на месте, топая ногами, чтобы согреться.

Увидав это, Смирнов хотел было прекратить самовольный топот ног и оттирание обмороженных лиц. Приказание его выполнено не было. Тогда Смирнов выхватил из ножен шашку и бросился на солдат, они разбежались в разные стороны.

Рассвирепевший командир гонялся за нами с обнаженной шашкой, но ударить ему никого не удалось. Рота хохотала над его безумством на сотни ладов. Хохот и топот ног раздавались по всему учебному плацу. Смирнов задыхался от погони, свирепел. Вдруг, сделав кошачий прыжок, он со всего размаха ударил шашкой не успевшего отскочить рядового Колесникова. Колесников с тяжелым стоном упал в снег. Из рассеченного плеча показалась кровь.

Смирнов остановился и, сняв фуражку, вытер с лица пот. Глаза его бессмысленно блуждали.

Ротные санитары раздели Колесникова и, перевязав рану, понесли его на носилках в город. Прошло несколько минут, Смирнов, как будто бы ничего не случилось, подал команду:

— Становись!

Солдаты нехотя выстроились. До города шли без песен.

Весь день были разговоры о том, что за ранение Колесникова будет ротному командиру? Все мы ждали приказа по батальону об отстранении от командования ротой прапорщика Смирнова. Но прошло много времени, роту и поправившегося Колесникова отправили на фронт, а приказа о Смирнове так мы и не дождались.

В УЧЕБНОЙ КОМАНДЕ

Я, Макаров и несколько других солдат третьей роты не были отправлены на фронт. Мы, как люди грамотные, были направлены в учебную команду. В марте все намеченные в учебную команду были откомандированы из своих рот и явились к начальнику, подпоручику Сытину. Начальник команды произвел вторичный экзамен всем явившимся и, несколько человек забраковав, отправил обратно. В учебную команду отобрали 120 человек наиболее грамотных и здоровых.

В командном составе значились: начальник Сытин и его двое помощников, подпоручик Новиков и Энгенталлер; фельдфебелем команды был назначен Авдонин, а взводным командиром первого взвода — старший унтер-офицер Лоптаков.

Не успели новые ученики переступить порог казармы учебной команды, как на них уже набросился фельдфебель.

— Что, серые дьяволы, как идете? — кричал Авдонин.— Набили пузо казенной кашей и идете, как брюхатые бабы! Это вам не рота, а учебная команда! Живо поворачивайся! Занимай свои места! Чтобы через два счета все было в порядке!

Мы представляли себе учебную команду совершенно не такой. Мы думали, что учебная команда — это школа, где стоят парты и люди сидят за ними и занимаются изучением военного дела; что в учебной команде будем избавлены от нар, а будем спать на отдельных койках с чистой постелью, будут обращаться с нами более вежливо.

Но первая же встреча с фельдфебелем показала совершенно обратное. Некоторые сейчас же раскаялись в том, что пошли в учебную команду.

Авдонин был очень высокого роста, сухой, подвижный человек. Он ни одной минуты не стоял на месте. Под густыми бровями быстро бегали злые серые глаза, голос был резкий, сильный. Говорил он быстро, отчеканивая каждое слово. Лоптаков, наоборот, был неподвижный, среднего роста, с маленькими хитрыми глазами и редкими усами. Говорил он редко, всегда с ехидством и двусмысленно, любил подтрунить над неопытными молодыми учениками. Но в службе, так же как и фельдфебель, был очень строг и взыскателен. Он каждый день был полупьян, пил денатурат и политуру на деньги учеников, а кто ему отказывал или не имел денег, того он ставил под винтовку или заставлял вне-очереди чистить уборную.

В казарме была образцовая чистота. Спать на соломен-

ных матах не разрешали, но и постели казенной тоже не давали. Каждый должен был иметь матрац. или какую другую подстилку, привезенную из дома. Нары были только двухэтажные. Команда помещалась в одном частном хорошем доме с большим двором и садом. Рядом с командой была бакалейная лавочка, принадлежащая Ларионой, которая бойко торговала разными съестными продуктами, напитками, табаком и папиросами.

Когда все мы были размещены и каждому выдана винтовка, повели в баню. После бани, пообедав, вся команда выстроилась в одном зале и фельдфебель прочел первое нравоучение. Начал он так:

— Слушай сюда, ребята! Вы будущие унтер-офицеры, а поэтому должны забыть, что было в роте. Здесь не рота, а учебная команда. Все мои распоряжения, а также взводных и отделенных командиров, исполнять быстро и без разговоров. Как кого замечу в чем-либо провинившимся, не проси пощады, в бараний рог согну, век будет помнить! Взводные и отделенные, если что заметят, буду немедленно докладывать мне. За покупками ходить только вот в эту лавочку, што рядом. Если кого увижу в другой лавочке — шкуру спущу! Понятно?

— Так точно, понятно, господин фельдфебель, — рявкнула дружно команда.

В этот день никаких занятий не производилось. Ученики устраивались в казарме, наводили порядок; составляли списки по отделениям и взводам, распределяли обязанности, устанавливали очередь дневальных, уборных, носильщиков обеда и ужина, раздатчиков и посыльных. В десять часов вечера была поверка и после нее улеглись спать. В двенадцать часов ночи, когда вся команда спала, по приказанию фельдфебеля горнист заиграл тревогу — подъем. Разбуженные сигналом, мы сидели на своих постелях и смотрели друг на друга в недоумении. Фельдфебель стоял посредине казармы с ремнем в руках и бросал сердитые взгляды на все четыре взвода поочередно.

Видя, что люди все проснулись, фельдфебель, скомандовав «смирно», начал объяснять:

— Слушай сюда, ребята! Вы еще серые, не знаете, что нужно делать. Это — тревога. По моей команде вы должны одеться в три счета. Как скажу «разз!» — начинай одеваться! После команды: «три!» — умри! Кто зашевелится — запорю ремнем!

Фельдфебель ждал. В казарме была ночная тишина. Вдруг раздался пронзительный крик фельдфебеля:

— Разз!

Сто двадцать человек, как один, бросились за брюками. В момент они были надеты, и в руках солдат завертелись портянки, после портянок — сапоги.

— Два! — командовал фельдфебель.

Наши руки действовали с молниеносной быстротой. Некоторые уже надели сапоги и надевали гимнастерки. Многие не успели еще надеть и первого сапога. Более расторопные, одевшись и подпоясавшись, стояли «смирно» около своих постелей.

— Три! — раздалась команда. — Умри! — добавил Авдонин.

Многие после этой команды как будто бы действительно умерли: одни стояли, держа в руках пояски; другие сидели на нарах и, натягивая сапог, замерли; третьи, натянув на голову гимнастерку, стояли, застыв в этой позе.

Однако некоторые продолжали двигаться, украдкой застегивали последние пуговицы, подтягивали пояски, желая закончить сборы, чтобы не отстать от других.

Все, кто после команды «три» не стояли или не сидели «смирно», были замечены фельдфебелем. После небольшой паузы он начал подходить к каждому и стегать ремнем, приговаривая:

— Вот тебе! Будешь знать команду, серый чорт!

Ни один человек не был пропущен.

Фельдфебель так хорошо запоминал всех неаккуратных, как будто бы они были отмечены особой пометкой.

Когда все провинившиеся были наказаны, Авдонин скомандовал:

— Кончай одеваться! — Все опоздавшие быстро закончили одевание.

— В ружье!

Люди бросились к пирамидам. Второпях многие схватили чужие винтовки, думая, что на это не обратят внимания.

— Выходи, стройся, — покрикивал Авдонин. Команда с винтовками бросилась на улицу.

— Становись! Равняйсь!

Команда построилась и выровнялась.

— Смирно! Замри! Не дыши!

Команда стояла как мертвая.

— Взводные и отделенные командиры! Проверьте по списку номера винтовок. Живо! — приказал фельдфебель.

Унтер-офицеры с фонарями в руках стали по спискам проверять, у кого какая винтовка. У большинства команды винтовки были не за своими номерами. Всех, у кого были чужие винтовки, выстроили отдельно. Фельдфебель подошел к ним и скомандовал:

— Равняйсь! Смирно! На первый-второй — рассчитайсь!

—Первый, второй! Первый, второй,— быстро перекликались солдаты.

— Напра-во! Ряды — вздвой! На пле-чо!

Винтовки взметнулись и тяжело опустились на плечи.

— Руки — на бег!

Люди согнули правые руки в локтях.

— Бегом — марш!

Около сотни человек побежали по улице. Пробежав до конца квартала, повернулись и побежали обратно мимо казармы и стоявших товарищей. И так много раз. Бег продолжался более получаса. Уставшие солдаты тяжело и отрывисто дышали. Около казармы раздалось:

— Команда — стой! К но-ге!

Винтовки опустились с плеч к ногам.

— В казарму бегом — марш! — приказал Авдонин.

Люди сорвались с мест и бросились в казарму. Поставив винтовки в пирамиды, мы выстроились около нар. Фельдфебель был уже в казарме без шинели и опять с ремнем в руках.

— Смирно! — скомандовал он. — Раздеваться по команде. Разз!..

Люди быстро начали снимать пояски, гимнастерки, сапоги.

— Два! — руки заработали быстрей. Кто снимал брюки, кто разматывал портянки и развешивал их на стоявшие рядом с нарами сапоги, а кто успел раздеться, ложился в постель и укрывался одеялом.

— Три!.. Не шевелись!

Фельдфебель подходил к каждому солдату, не успевшему лечь в постель, усердно награждал ударами ремня.

Так шли дни за днями...

Однажды во время вечерней поверки Авдонин, кончив читать обычное нравоучение, добавил:

— Слушай сюда, ребята. С завтрашнего дня ни один ученик в эту лавочку ни ногой! Ларина дорого торгует, будете покупать в другой лавочке, там дешевле. Наружному дневальному вменяю в обязанность строго следить за тем, чтобы ни один человек не заходил в лавочку к Лариной. Если кого залапаю, пять дней подряд будет уборную чистить. Поняли?

— Так точно, господин фельдфебель.

Утром все мы проходили мимо лавки Лариной, шли в другую, которая была в следующем квартале. Распоряжение фельдфебеля хотя и не нравилось ученикам, но ослушаться боялись и бежали лишний квартал за табаком,

спичками или съестными продуктами. Торговля у Лариной прекратилась. Она стояла у дверей лавки и зазывала учеников, но те не обращали на нее внимания.

Два дня мы проходили мимо лавки Лариной, не смея к ней заглянуть ни под каким предлогом. Дневальные строго исполняли распоряжение фельдфебеля и никого в лавку к Лариной не допускали. На третий день фельдфебель получил от Лариной закрытое письмо и в этот же вечер во время поверки сказал:

— Слушай сюда, ребята! Завтра с утра можете ходить в эту лавочку. Ларина будет торговать дешевле.

Утром все ученики опять покупали все необходимое у Лариной, хотя цены оставались прежними как до письма, так и после него. За три месяца пребывания учеников в команде фельдфебель несколько раз запрещал и вновь разрешал ходить в лавку к Лариной, получая от нее закрытые письма. Оказывается, ларчик просто открывался: несмотря на то что Ларина ежедневно угощала Авдонина пивом, закуской и папиросами, он, кроме всего этого, занимался еще вымогательством у нее денег.

И когда Ларина в назначенный срок не присылала их, аккуратный Авдонин в этот же вечер говорил свое обычное:

— Слушай сюда, ребята. Если кого в этой лавочке залапаю...

И грозил увесистым кулаком.

Ларина с некоторыми учениками была откровенна, а через них узнали и все мы о взятках фельдфебеля, но это не смутило его. Он продолжал брать деньги. Кто-то из учеников написал начальнику команды, подпоручику Сытину, анонимное письмо, подробно описав проделки фельдфебеля. Получив письмо, Сытин выстроил команду и, показывая письмо, спросил, кто написал жалобу на фельдфебеля. Конечно, никто не сознался. Сытин начал упрекать нас в нехорошем поведении, говоря, что будущие унтер-офицеры не должны жаловаться на своих начальников. Такие жалобы может писать только самый паршивый солдат, не желающий служить и учиться. От таких солдат нечего ждать хорошего и их нужно выгонять из учебной команды.

— За эту жалобу ты, Авдонин, покажи им, где раки зимуют, — обратился Сытин к фельдфебелю.

— Слушаюсь, ваше благородие! — рявкнул Авдонин, щелкнув каблуками.

И действительно Авдонин показал команде, «где раки зимуют». Если раньше он бил трех-четырех солдат в день, то после жалобы стал избивать человек по пятнадцать. Из

120 человек не избитыми никто не оставался. Он бил да приговаривал:

— Вот вам жалоба! Вот вам прошение! Вот вам заявление! Я вам покажу, как на меня жаловаться, сукины сыны!

Он стал проводить ночные тревоги все чаще и чаще. Дело дошло до того, что в некоторые ночи фельдфебель делал даже по две тревоги: одну в час ночи, вторую в три или четыре утра. После же четырех часов спать было некогда.

Дорого обошлась первая и последняя жалоба учебной команде. Это событие еще раз напомнило нам, что никаких жалоб на начальников подавать нельзя было, что бы они ни сделали. Солдаты оставались бесправными, находясь во власти произвола офицерства.

Наконец настал день экзамена. Все мы были рады тому, что скоро избавимся от истязаний фельдфебеля Авдонина, пьяницы и вымогателя взводного Лоптакова. В жаркий майский день казарма учебной команды была вымыта и вычищена, нигде нельзя было найти паутины, соринки. На экзамен приехал командир 147 запасного пехотного батальона, генерал Лебедев. Экзамен проходил два дня: один день был отдан теории, а второй — практическим занятиям в поле. Все сто двадцать человек экзамен выдержали и были направлены по своим ротам...

СМОТР

Я и Григорий Макаров через три с половиной месяца очутились опять в третьей роте, командиром которой, как и раньше, был прапорщик Смирнов, а фельдфебелем — все тот же глуховатый Петро Филиппович Сорока. Вместе с нами в третью роту вернулись из учебной команды и Камышев с Непоклоновым. Непоклонов был житель Кузнецка и часто из роты и из учебной команды самовольно отлучался домой. За это ему от начальства частенько попадало. Непоклонов был здоровый, сутулый блондин, с хитрым лицом, всегда улыбающийся и очень упрямый, с сильным характером.

В июле, после проверки знаний, все четверо мы были произведены в ефрейторы, а в сентябре в младшие унтер-офицеры и назначены отделенными командирами. При проверке знаний присутствовал начальник гарнизона генерал Фиолковский, — высокий, худой, злой старик. Не проходило ни одного дня, чтобы он кого-либо из рядовых не наказал. Одевался он скромно, как простой солдат, золотых погон не носил.

Молодые солдаты, не знавшие его в лицо, часто принимали его за собрата.

Нередко во время его проезда по городу какой-либо солдат не отдавал чести. Генерал сейчас же останавливал солдата и, узнав какой он части, имя и фамилию, приказывал ему бежать за своей пролеткой или санками, в которых был запряжен чистокровный рысак. И если солдат до канцелярии батальона поспевал бежать за рысаком, то наказание этим и ограничивалось, если же отставал, то генерал останавливал рысака и, подождав солдата, приказывал ему доложить ротному командиру, что начальник гарнизона наказал его двумя или четырьмя часами под винтовку.

Однажды в декабре, будучи уже унтер-офицером, Непоклонов шел из батальонной канцелярии в свою роту. Навстречу ему ехал генерал Фиолковский. Не заметив генерала, Непоклонов прошел мимо, не встав, как полагалось, во фронт. Генерал сейчас же обратил на это внимание и приказал своему кучеру повернуть рысака обратно и догнать унтер-офицера.

При окрике кучера Непоклонов обернулся и узнав Фиолковского бросился бежать. Генерал погнался за ним. Непоклонов, добежав до первого угла, на котором был трактир, нырнул в дверь трактира и встал между двойными дверьми. Генерал, заметив куда скрылся солдат, остановил рысака и, выйдя из санок, пошел в трактир. Двери открывались во внутрь, и когда генерал открыл первую дверь, то ей он закрыл Непоклонова и прошел в помещение.

Войдя в полутемный от табачного дыма зал, генерал не мог сразу отыскать среди пальто и полушубков серую солдатскую шинель. Не найдя того, кого искал, он направился дальше в соседний зал. Передвигался он медленно старческими маленькими шажками и, чтобы пройти во второй еще более темный зал, ему нужно было затратить также несколько минут.

В это время Непоклонов, выйдя из-за двери на улицу и обратившись к генеральскому кучеру, сказал:

— Его превосходительство приказал мне сейчас же съездить в канцелярию и вызвать сюда адъютанта.

Непоклонов быстро сел в генеральские санки, кучер расправил вожжи, и через две-три минуты Непоклонов уже выходил из саней около батальонной канцелярии. Приказав кучеру от имени генерала ждать его с адъютантом, он скрылся во дворе батальонной канцелярии, а со двора, пройдя в задние ворота, вышел на следующую улицу и спокойно пошел в свою роту.

Генерал, не найдя в трактире ни одного солдата, набросился на буфетчика, требуя от него, чтобы сказали, куда девался только что вошедший молодой солдат в серой шинели и серой папахе. Буфетчик, узнав, с кем имеет дело, испугался. Он божился, уверяя, что никакой солдат в трактире не был, и вообще солдаты к нему никогда не заходят. Генерал топал ногами, кричал на буфетчика, потрясал кулаком и грозил арестом. И только тогда, когда несколько прилично одетых посетителей подтвердили слова буфетчика и убедили генерала, что не было солдата, Фиолковский пошел из трактира. Но выйдя на улицу, генерал был поражен отсутствием его рысака. Он посмотрел на одну улицу, потом на другую и не найдя нигде своего кучера, потихоньку поплелся к батальонной канцелярии. Дойдя до канцелярии, генерал увидел кучера, сидящего, как и всегда, на козлах санок. Кучер в ожидании седока держал натянутые вожжи. Генерал подошел к кучеру и посмотрел на него сердитым взглядом.

— Ты, болван, что здесь стоишь! — вдруг закричал он.

Увидев генерала, кучер растерялся. Он не сразу нашел, что ответить. Он смотрел на генерала испуганными глазами и молчал. Генерал повторил:

— Болван, чего молчишь!

— Я, я, ваше превосходительство... по вашему приказанию... унтер-офицер сказал... ехать...

— Куда ехать, зачем ехать? — перебил кучера генерал.

— Ехать за адъютантом в канцелярию, ваше превосходительство.

— В какую канцелярию, какой адъютант, какой унтер?

Наконец кучер пришел в себя и рассказал генералу все по порядку, как он очутился здесь. Выслушав кучера, генерал сказал:

— Я думал, что только я старый дурак, а оказывается ты хотя и молодой, но оказался глупее меня. Сукин сын! — выругался генерал и с этими словами он направился от кучера в батальонную канцелярию.

На следующий день командир 147 запасного батальона, генерал Лебедев получил приказ Фиолковского. В приказе предлагалось выстроить 14 декабря весь батальон на плацу за железной дорогой для смотра. В день получения приказа все было поднято на ноги. Копии приказа начальника гарнизона были разосланы всем шестидесяти двум ротам. Занятия были прекращены. Начиная с командира батальона и кончая последним солдатом, всем нашлась другая работа.

Командиры рот приходили в эти дни за час раньше обыкновенного и следили за приведением казармы в надле-

жащий порядок. Фельдфебели вставали чуть свет, подымали на ноги солдат, требовали от взводных командиров чистоты и порядка во взводах. Взводные в свою очередь тянули отделенных, отделенные — ефрейторов, а ефрейторы — рядовых.

С утра до поздней ночи в казармах была суетня: все бегали, скребли, мыли полы, потолки и стены, чистили коридоры, дворы и уборные, от казарм отвозили снег.

Проверяли у солдат обмундирование. Негодные шинели, папахи, сапоги, гимнастерки и брюки сейчас же заменяли новыми. Если находили у солдат плохо пришитые у шинелей крючки или пуговицы у хлястиков, немедленно приказывали перешить. Хозяйственная часть также готовилась к назначенному смотру. На батальонной кухне все блестело, везде был наведен порядок, порции мяса увеличены, в кашу масла лили больше обыкновенного. Вместо двух кусков сахара в день стали выдавать три. Выдали задержанное двухмесячное жалование, — каждый солдат получил целый рубль.

Тринадцатого декабря с утра все роты вышли в поле. Генерал Лебедев выехал в поле, произвел предварительный смотр. Ротные командиры до позднего вечера оставались в ротах, проверяли подготовку, давали указания, последние распоряжения. Несколько десятков раз они здоровались со своими ротами, приказывая отвечать как генералу. Целый вечер во всех ротах только и слышалось:

— Здравь-желаем, ваш-дитс-тво.

С улицы казалось, что в казарме происходит какое-то гавканье промадной своры собак.

Наконец наступило утро четырнадцатого числа. Только что начало светать, как все роты уже были подняты. Фельдфебели еще раз просмотрели своих солдат и распустили на утренний чай.

С восьми часов роты одна за другой потянулись по городу, к месту смотра. К девяти часам все были в сборе. Помощник командира батальона капитан Сперанский, проверив все шестьдесят две роты, скомандовал:

— Стоять вольно. Оправиться...

Командиры рот приказали составить винтовки в козлы и разрешили курить. Смотр назначался на десять часов!

В девять часов сорок пять минут приехал командир батальона Лебедев. Это был старик среднего роста, очень полный, с седой окладистой бородой. В седле он сидел некрасиво, все время держась левой рукой за луку седла. Лебедев был сравнительно мягкий человек, либерал, на солдат не кричал. Летом часто приезжал в лагерь, запрещая дежурному офицеру вызывать батальон на линию. Он схо-

дил с пролетки, садился на стул, останавливал проходивших мимо него солдат и подолгу с ними разговаривал, разрешал во время разговора стоять вольно.

Подъехав к батальону, Лебедев громко крикнул:

— Здорово, братцы!

Батальон ответил дружно.

Прослушав ответ, он отдал команду:

— Вольно. Продолжай курить. — И с помощью двух офицеров сошел с седла.

День был солнечный. Мороз крепко пощипывал солдат за уши и носы. Солдаты подпрыгивали на месте, курили, разговаривали, а некоторые, чтобы согреться, награждали друг друга крепкими тумаками. В десять часов пятнадцать минут показался серый рысак Фиолковского, запряженный в санки, сзади скакали два офицера верхом. Недоехав до расположения батальона, Фиолковский сошел с санок и сел на ожидавшую его верховую лошадь. В седле он сидел хорошо, бодро и ровно. В это время генерал Лебедев с помощью офицеров с трудом сел на свою лошадь. Вынув шашку из ножен и скомандовав: «Батальон, смирно!» — он мелкой рысью поехал навстречу начальнику гарнизона, чтобы отдать рапорт.

Подъехав к батальону, Фиолковский поздоровался. Батальон дружно ответил зазубренным:

— Здравь желаем, ваш-дитс-тво!

Батальон, имеющий шестьдесят две роты, а в каждой роте по двести пятьдесят человек, занимал почти всю промадную площадь плаца. Фиолковский проехал вдоль фронта первой роты. Вернувшись с левого фланга, он остановился на середине. Все ожидали, что он проедет вдоль фронта каждой роты, но кроме первой роты, он никуда не поехал. Постояв минуту, он приказал подойти к нему всем ротным командирам. Когда ротные собрались, Фиолковский сказал:

— Господа офицеры, в ваших ротах есть младший унтер-офицер, который позволил себе надсмехаться и издеваться надо мной, начальником гарнизона. Принятыми мерами мне удалось установить, какой он роты и как его фамилия. Но назвать его вам я не хочу. Мне желательно узнать, сознательный этот унтер или нет. Если он честный солдат и добровольно сознается, то я прощу ему его проступок, если же не сознается, я прикажу его здесь же арестовать и отдать под суд. Передайте по своим ротам все сказанное мною.

Командиры рот разошлись по своим местам и каждый передал все, что было сказано начальником гарнизона.

530601 ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Пятнадцать тысяч с лишним солдат стояли, как мертвые, каждый думал из нас: «Кто же это такой смельчак?» Все ждали, из какой роты выйдет виновник. Но прошло несколько минут, виновный не выходил. Генерал вторично передал приказ ротам, — результат тот же.

— Последний раз обращаюсь! — закричал генерал. — Или прощу или в тюрьме сгною!..

Батальон молчал.

Прошло еще несколько томительных минут. Фиолковский проехал вдоль фронта и снова остановился посредине батальона. Поднял руку. Батальон насторожился в ожидании услышать что-то грозное.

— Молодец, сукин сын! — вдруг закричал генерал, потрясая в воздухе кулаком. Он повернул лошадь и поскакал к ожидавшему его кучеру. Он легко и быстро соскочил с седла, бросив поводья одному из офицеров, сел в санки и уехал. На этом и закончился смотр.

На обратном пути со смотра мы смеялись над сумашедшим генералом, виновником трехдневной суматохи и необычного смотра.

МУЧЕНИЯ НАЧАЛИСЬ

В конце 1915 года в 147 и 148 запасных батальонах был произведен отбор солдат. Из всего гарнизона, насчитывавшего около тридцати тысяч человек, было отобрано 260 человек рядовых и унтер-офицеров. Отбирали высоких, красивых, грамотных. Особенное внимание обращалось на вероисповедание: кроме православных, никого не принимали. После отбора был произведен тщательный медицинский осмотр, и всех, у кого были обнаружены хотя бы незначительные болезни, браковали и заменяли другими.

Все отобранные, в том числе я и Григорий Макаров, были сформированы в отдельную роту и, получив новое обмундирование, отправлены в Самару. В Самаре роту разместили в кавалерийских казармах, где в это время было уже много солдат из разных концов России: из Харькова, Киева, Одессы, Воронежа, Саратова, Пензы и других городов. На следующий день всех прибывших из Кузнецка выстроили около казармы и новое начальство произвело вторичный осмотр. Из двести шестидесяти человек двести четыре были забракованы и отправлены обратно. Отобранные пятьдесят шесть человек были зачислены в первую роту второго особого пехотного полка. В эту роту был зачислен и я с Макаровым, моим близким по солдатчине другом.

Командовал полком полковник генерального штаба Дьяконов, командиром первого батальона был подполковник Иванов и командиром первой роты — капитан Юрьев-Пековец, участник русско-японской войны в 1904 — 1905 году. Он только что приехал с германского фронта, где командовал полком. Для чего предназначался второй особый полк — низший командный состав и рядовые не знали, ходили разные слухи: одни говорили, что полк направят в Петроград царя охранять; другие доказывали, что направят на турецкий фронт; третьи предсказывали, что повезут в Салоники, но точно никто ничего не знал. Официально же об этом не объявлялось.

Весь январь 1916 года полк ежедневно занимался отданием чести, постановкой во фронт начальству, хождением гвардейским маршем по улицам Самары, а вечером и ночью учили нас, как нужно отвечать на приветствия и петь песни. Никаких тактических занятий не производилось, не занимались даже изучением устава полевой службы. Во второй половине января полку был произведен смотр командующим Московским и Казанским военным округом генералом Сандецким, который также очень многих забраковал и солдат и унтер-офицеров. Когда все забракованные были заменены солдатами Самарского гарнизона, полк получил, наконец, приказ о том, что он направляется во Францию. Около двух недель мобилизованные из Самарского поселения портные и фуражечники производили перешивку шинелей, брюк, гимнастерок и фуражек, подгоняя их по плечам и росту солдат. Закончив перешивку, обмундирование уложили в ящики и сдали в хозяйственную часть полка, а солдаты остались опять в том, в чем приехали из своих прежних частей.

Второго февраля полк был погружен в вагоны и отправлен по направлению к Сибири. В каждой теплушке было по два отделения, или по тридцать два человека. Старшими вагонов были взводные унтер-офицеры, а не отдельные командиры. При отправке из Самары полковой поп дал каждому солдату по евангелию и строго наказал, что евангелие нужно читать каждый день по два часа, с таким расчетом, чтобы до Харбина все евангелие было прочитано. Там поп обещал произвести каждому солдату экзамен. Во время посадки в вагоны поп добавил, что если евангелие будут читать не все или менее двух часов в день, то дорогой обязательно будет крушение поезда.

Вечером при громадной толпе провожающих поезд отошел от станции Самара. Полк был размещен в четырех эшелонах, следовавших один за другим с небольшими проме-

жутками. Головным эшелоном шел первый батальон под командой подполковника Иванова.

До Челябинска солдаты все-таки читали евангелие, так как кроме него читать было нечего. Другие случайно попавшие в вагон книги отбирались и владельцы обнаруженных книг наказывались вне очередными нарядами или битьем по морде. В Челябинске были выданы программы, устанавливающие часы занятий. В программах было указано, что на читку евангелия полагается ежедневно два часа, остальное время распределялось на то, как и кому отдавать честь, на изучение титулования начальства, начиная с «царя-батюшки» и кончая ефрейтором. На этом и заканчивалась вся знаменитая программа воспитания солдат. Несмотря на то что в полку была установлена строгая дисциплина, поддерживаемая частыми посещениями офицерства вагонов, солдаты не хотели заниматься по программе и читать евангелие. Как только поезд трогался, жизнь в вагонах буквально преображалась. К чорту летели и программа и евангелие, их заменяли карты. Вначале о картежной игре начальство не знало, но среди старших вагонов нашлись ретивые служаки и по секрету доложили об этом высшему начальству.

По приезде на станцию Иннокентьевскую, что в нескольких километрах от Иркутска, несмотря на ужасный сорокапятиградусный мороз, все солдаты были выстроены вдоль состава поезда. Через несколько минут из офицерского вагона вышел командир батальона Иванов, его сопровождали все ротные и полуротные командиры и другие офицеры. Поздоровавшись с солдатами, Иванов сейчас же сделал распоряжение младшим офицерам, подпрапорщикам и фельдфебелям произвести тщательный обыск в вагонах всего эшелона. Для определения, кому принадлежат те или другие вещи, при обыске присутствовали старшие вагонов и отделенные командиры. Все найденные карты, книги были отобраны и владельцы обнаруженных запрещенных вещей были выстроены отдельной группой против батальона. После команды «смирно» Иванов вызвал к себе несколько подпрапорщиков и фельдфебелей, известных полку особенной жестокостью и мордобойством. Иванов сделал им распоряжение: дать каждому «виновнику» за хранение книг и карт по шесть пощечин.

Ухари немедленно приступили к исполнению приказа. Стоявшие первыми с правого фланга получили точно по шести пощечин, но потом, когда ухари от успехов вошли в раж и, желая доказать начальству свою безграничную преданность, стали бить солдат до тех пор, пока не уставали руки. Это издевательство продолжалось около часа. Все

солдаты обморозили себе ноги, уши, щеки и носы, стоя во время мордобития под командой «смирно». На наказанных было жутко смотреть: с разбитыми лицами, с выбитыми зубами, с рассеченными губами, измазанными кровью, они стояли, не имея права даже стереть кровь.

Когда солдаты были избиты, у кого были обнаружены книги или карты, для завершения кровавого побоища Иванов подал команду:

— По вагонам, бегом — марш! — Люди, не помня себя, бросились по местам. Около вагонов получилась давка, каждый старался скорей спрятаться в тепло, более слабые были сбиты с ног, образовалась живая лестница, по которой остальные проходили в вагоны.

По окончании посадки были внесены в вагоны пострадавшие от побоев и давки, им была оказана товарищеская помощь. Солдаты загудели, как пчелы. Каждый из нас ломал себе голову: кто мог сообщить начальству о картежной игре? Но узнать этого было невозможно. Всю ненависть и злобу готовы были обрушить на Иванова и фельдфебелей, выполнявших кровавое дело.

Макарова Григория за то, что в его отделении и у него самого было найдено несколько книг, подпрапорщик Кучеренко так избил, что после этого Григорий долго болел.

На второй день, помывшись в бане, эшелон двинулся дальше. Проехали Иркутск, Байкал, Читу и вскоре доехали до станции Маньчжурия. На этой станции китайцы приносили и продавали спирт. Не видя вина с самого начала войны, некоторые с жадностью набрасывались на спирт. Спирт развязал языки и часто слышались угрозы по адресу начальства. Однако несмотря на это офицеры к нам не заглядывали. Солдаты смелели и продолжали пить и веселиться целую ночь.

Но вот наступило утро, и ровно в восемь часов горнист заиграл подъем. После подъема фельдфебелями была подана команда:

— Выходи, стройся!

Когда батальон был построен, Иванов, так же как и на станции Иннокентьевской, вышел из вагона со своей свитой. Поздоровавшись с солдатами, Иванов приказал всем старшим вагонов выдать всех тех, кто вчера пил спирт и ругал офицеров и фельдфебелей. Старших было около сорока человек, но ни один из них на приказ командира батальона не ответил. После небольшой паузы Ивановым распоряжение было повторено. Это распоряжение тоже осталось без ответа.

Иванов сказал в третий раз. Старшие молчали. Прошло

несколько минут тягостного ожидания. Иванов подошел к выстроенной отдельной группе старших вагонов и с правого фланга начал отсчитывать:

— Пятый — выходи, десятый — выходи, пятнадцатый — выходи!

Из группы старших было выделено семь человек. Иванов предложил им в последний раз назвать всех пивших спирт. Некоторые старшие молчали, а некоторые старались доказать, что у них в вагонах ни один солдат спирта не пил. После опроса сейчас же была неизвестно откуда принесена скамья и явился один фельдфебель с пучком лозы.

Стоявшему с правого фланга старшему вагона Чинякову Иванов приказал раздеться и лечь на скамью. Чиняков разделся и лег. Два подпрапорщика, взявши в руки по лозине и встав по обеим сторонам лежащего, принялись наносить ему поочередно удары по спине и бедрам. Стоявший рядом Иванов подсчитывал. На двадцатом ударе кровь струйками потекла из рассеченного тела Чинякова. Он кричал диким голосом и просил о помиловании, клялся богом и всеми святыми, что у него в вагоне спирт не пили и офицеров не ругали. Крики и просьбы его не остановили гнусного издевательства, и назначенные тридцать ударов были нанесены полностью.

Такая же участь постигла и второго унтер-офицера, Емельянова. Он спокойно лег, без крика и мольбы перенес все тридцать ударов и по окончании встал, надел белье, брюки и гимнастерку на окровавленное тело и, заскрипев зубами, молча отошел от скамьи, встав на свое прежнее место. Третьим был Сидоров. Прежде чем лечь на скамью, он подошел к батальонному командиру, вытянулся в струнку и, попросив разрешения говорить, сказал:

— Ваше высокоблагородие, докладываю вам, как честный солдат русской армии, что у меня в вагоне ни одной капли спирта не было, а также не было ни одного пьяного солдата моего отделения. Меня вы наказываете без всякой вины, это может подтвердить наш взводный командир, господин Молчанов.

Иванов, выслушав Сидорова, обратился к Молчанову. Тот подтвердил сказанное отделенным Сидоровым. И все же после этого Сидорову было приказано лечь на скамью и он также получил тридцать ударов. Одеваясь, Сидоров потерял сознание, ноги у него подкосились и он упал. Иванов и другие, стоявшие здесь, офицеры, взглянув на него, не сказали ни слова.

Когда был избит последний унтер-офицер Евсеев, все облегченно вздохнули, думая, что ужасная экзекуция закон-

чена. Но из строя был вызван Ивановым старший унтер-офицер Молчанов. Ему было приказано раздеться и лечь на окровавленную скамью. Молчанов разделся и лег. Иванов приказал двум подпрапорщикам взять самые тонкие и прочные лозины.

Скомандовав «смирно», Иванов обратился к выстроенному батальону:

— Семь мерзавцев получили по тридцати ударов розгами за то, что они не выдали пьяниц и хулиганов, а вот этот негодяй старался защищать одного из мерзавцев. И это называется старший унтер-офицер, взводный командир! Таким негодяям не только не должно быть места среди взводных командиров, но не должно быть места и в полку. Такие люди являются внутренними врагами отечества, а поэтому я его разжалываю в рядовые и наказываю пятьюдесятью ударами розог.

Вооруженные лозами, подпрапорщики по приказу Иванова приступили к исполнению обязанностей палачей. Тонкие и гибкие, как змеи, лозины со свистом опускались на вздрагивающее тело Молчанова. Кровь стекала на скамью и землю. А лозины с каждым ударом мелькали в воздухе все чаще и чаще. После двадцати пяти ударов Молчанов потерял сознание, руки его безжизненно повисли, тело перестало вздрагивать. Но битье продолжалось. Оно закончилось только на пятидесятом ударе.

Зверское избиение солдат на станции Иннокентьевской и унтер-офицеров в Манчжурии еще теснее сплотило весь батальон и озлобило его против офицерского состава, против подпрапорщиков и фельдфебелей.

Приехав в Харбин, в первый же день в доме терпимости был сильно избит солдатами фельдфебель четвертой роты Гук, особенно прославившийся своим мордобитием. В другом доме был избит поручик Бибиков. Несмотря на все принятые Ивановым меры, установить личности солдат, избивавших Бибикова и Гука, не удалось.

На станции Куачензы нас пересадили в японский поезд. Товарные японские поезда не были приспособлены к перевозке людей, и солдаты расположились на полу вагонов, на разостланных циновках. По ночам в вагонах было очень холодно, и мы дрожали как в лихорадке. В этих условиях был пройден путь через Мукден и Ляо-Янь до самого порта Дайрена.

Во время переезда от станции Куачензы до порта Дайрена офицеры вели себя вежливо, не кричали, не ругались, не избивали, часто заглядывали в вагоны, следили за порядком и чистотой, иногда даже перекидывались с некоторыми

солдатами несколькими словами. Кормили лучше, чем обыкновенно, старались показать японцам, что у нас все гладко и все в порядке.

Вот порт Дайрен. Кончен железнодорожный переезд.

Солдаты сбились кучами в дверях вагонов и жадно всматривались в бушующие волны Желтого моря. Многие еще ни разу в жизни не видели моря и с удивлением смотрели на бесконечную водную равнину. Старшие вагонов сдерживали напирающих любопытных солдат. По перону был выстроен для встречи русских почетный военный караул японцев.

Поезд остановился. Японский военный оркестр заиграл марш. Солдаты с закинутыми за спины ранцами по команде ротных командиров быстро выскакивали из вагонов и выстраивались в колоннах по-ротно.

По команде «смирно!» — полк замер. С правого фланга показалась группа русских и японских офицеров во главе с полковником Дьяконовым и Дайренским генерал-губернатором.

Маленький, плюгавый, с выпяченными вперед большими желтыми зубами, с лицом мопса, генерал-губернатор остановился перед развернутым полковым знаменем, которое держал знаменщик Сабанцев Василий.

Голова Сабанцева была на одном уровне с древком знамени и трудно было понять на что смотрит генерал-губернатор, на знамя или на знаменщика.

Богатырская фигура Сабанцева, рост которого равнялся трем аршинам и двум вершкам, удивляла всех. Японский генерал был просто ошеломлен гигантским ростом солдата.

Подойдя вплотную к Сабанцеву, генерал приподнялся на носках и долго смотрел в подбородок вытянувшегося в струнку знаменщика. Генерал запрокинул голову назад, так что фуражка еле-еле держалась на голове, а поднявшийся вверх козырек фуражки был на одном уровне с ремнем, охватывающим талию Сабанцева.

Посмотрев на приподнятый подбородок Сабанцева, генерал, постепенно опуская голову, тщательно начал осматривать шинель знаменщика, сшитую в Самаре по особому заказу, так как ни одна готовая шинель, имеющаяся на военном складе, Сабанцеву не годилась.

Осмотрев шинель Сабанцева, генерал долго смотрел на сапоги знаменщика. Длина следа у Сабанцева, без всякого преувеличения, была равна сорока сантиметрам. Сапоги, с которыми хозяйственной части полка не мало было хлопот, были сшиты для него, как и шинель, по специальному заказу. Прежде чем сшить сапоги, пришлось делать специальные

колодки, так как ни одни колодки, имеющиеся в магазине и у самарских сапожников, к ногам Сабанцева не подходили.

Осмотрев сапоги знаменщика и покачав от удивления головой, генерал рассмеялся. Он снова приподнялся на носках и, вытянув вверх руку, хотел потрепать за подбородок великана, но вытянутая рука генерала могла дотянуться только до второй сверху пуговицы на шинели Сабанцева. И несмотря на все попытки, японец не мог достать не только подбородка, но и воротника Сабанцева. Сопровождавшие генерала японские офицеры, осматривая Сабанцева, от удивления улыбались во всю ширь громадных ртов, оскаливая широкие и желтые зубы.

Официальная часть встречи русских с японцами окончена. Все русские офицеры полка вместе с японскими офицерами на автомашинах уехали в город.

Русские солдаты, разминая ноги, бродили по порту с японскими солдатами, которые также удивлялись громадному росту Сабанцева. Солдаты-японцы подходили к нему целыми группами и тщательно рассматривали.

Некоторые японцы старались достать руками руки Сабанцева, которые он, вытягивая широко в стороны, держал на уровне своих плеч, но это ни одному японцу сделать не удалось.

Японские офицеры и гражданские фотографы, стараясь заснять Сабанцева, беспрерывно щелкали фотоаппаратами и в конце концов так надоели ему, что он плюнул и ушел, спрятавшись между походными кухнями.

В Дайрене полк был посажен на французский океанский пароход «Сантай». Над морем зычно разнеслись гудки. Мощно заработал винт, вздымая клубы пены. Медленно разрезая покойную гладь моря, двинулся пароход в далекий путь. Началась новая полоса издевательств, избиений над солдатами, проданных царем за снаряды французским капиталистам.

ЖИЗНЬ ПОЛКА НА «САНТАЕ»

На судно было погружено много быков, овец и кур; ими была занята половина верхней палубы. Первый батальон был размещен в трюме носовой части. Коек не было, деревянных нар нехватало. Многим солдатам пришлось разместиться на полу трюма и под нарами. На второй день по выходе из Дайрена в трюмах образовалась такая жара, что дышать стало нечем. Более предприимчивые солдаты начали выбираться и устраиваться на верхней палубе, на открытом воз-

духе. Над палубой был натянут брезент, бояться дождя не приходилось. И вот спустя некоторое время все, кто имели возможность найти свободное место на верхней палубе, выбрались из трюма. Каждый старался сделать себе что-либо в роде койки, используя все предметы, какие имелись на пароходе.

Несмотря на то что солдаты задыхались от жары, пресной воды давали очень ограниченное количество и всех мучила жажда. Однако ежедневно производились строевые занятия. Больше всего учили отданию чести, как нужно держать руку под козырек во время встречи или разговора с начальством, и как нужно становиться во фронт, с какой стороны от начальства и на сколько шагов. Всех, кто вяло или плохо исполнял, ставили под винтовку, давали внеочередные наряды, били по лицу или заставляли ходить гусиным шагом.

Строевые занятия чередовались со словесностью. Словесность представляла из себя все те же программы, по которым занимались в вагонах: зубрили титулование начальства, изучали, кто признается «внешним и внутренним врагом царя и отечества». Ежедневно два часа уходило на читку евангелия. А вечером заставляли петь песни и плясать.

Когда вышли в Индийский океан, жара стала еще невыносимее. Но дурацкие, никому не нужные занятия продолжались. Люди начали слабеть и болеть. Питание было недостаточное и недоброкачественное, кормили соленым негодным мясом и соленой рыбой. Чай был только утром. От соленой пищи пить хотелось еще сильней. Однако пресной воды выдавали все меньше и меньше. Солдаты были вынуждены пить соленую морскую воду. Начались массовые желудочные заболевания. Судовой лазарет был битком набит больными. Те, кто за неимением места не могли попасть в лазарет, валялись на палубе без всякой медицинской помощи, изнывая от жары и жажды. К тому же качка у многих вызывала рвоту. Люди не находили себе места, метались по судну с одного конца на другой... А занятия продолжались. Многие солдаты падали в строю от слабости. На это офицеры не обращали внимания. Упавших выносили, остальные должны были заниматься.

Полковой врач, видя изнуренных солдат, просил командира полка Дьяконова отменить занятия. Полковник отказал. Он ежедневно был пьян. Каждый вечер выходил из каюты, садился на балконе за стол, уставленный бутылками с пивом и вином, вызывал к себе первую роту, выстраивал ее и заставлял петь ему любимые песни и плясать под гармошку. Для командира полка песни и пляска представляли

удовольствие, а для солдат эти песни были мучением. От этих песен первая рота недосыпала, а за каждую плохую пляску, плохо спетую песню утром подпрапорщик Кучеренко бил солдат, ставил под винтовку.

На одиннадцатый день по выходе из Дайрена судно прибыло в Сингапур. К берегу пристали вечером, часов в шесть. Та часть берега, против которой остановился «Сантай», была заблаговременно огорожена передвижными деревянными щитами, кроме того были выставлены английские полисмены.

Начальство разрешило солдатам сойти лишь на огороженный участок берега. Если кто попытается удрать в город, то будет строго наказан. Английские полисмены были заменены своими солдатами, вооруженными берданами с громадными штыками.

Солдаты, сойдя с парохода, ходили по берегу, покачиваясь из стороны в сторону как пьяные. У всех была только одна мысль: как бы улизнуть в запрещенный город. Тем более, что спустя час после прибытия в Сингапур, все офицеры полка в сопровождении английских офицеров уехали на автомашинах в город. На судне остался только дежурный офицер по полку с дежурным подпрапорщиком. Более смелые солдаты начали изыскивать способы пробраться в город. Они собирались в группу и затевали мнимую ссору. Этой ссорой отвлекались караульные постов. Когда караульные уходили узнать, почему ссорятся, — в этот момент другая группа, стоявшая у оставленных постов, бросалась к проходу и таким образом удирала в город. Так повторялось несколько раз.

На другой день нам разрешили выйти в город.

Как только солдаты показались за стеной порта, к ним бросилась толпа менял с предложением обменять русские деньги на сингапурские доллары.

Солдаты не имели представления о том, каким образом, и на каких условиях производится обмен денег, выменивали сингапурские доллары на предложенных менялами условиях: за каждый доллар платили полтора русских рубля, значительно дороже, чем надо было. С деньгами солдаты старались поскорей уйти в город. После мы узнали, что за доллар надо было бы платить не полтора рубля, а один рубль семнадцать копеек.

При отходе из Сингапура все были предупреждены, что сингапурские доллары в следующем порту приниматься не будут, а поэтому тем, у кого они остались, пришлось обменивать их на русские рубли. При повторном обмене менялы уплачивали за доллар не полтора рубля, а один рубль.

Целый день шла погрузка, брали уголь. Черные рабочие

на коромыслах из бамбука в корзинах носили уголь на судно. Они были нагие, если не считать кушака, подвязанного у пояса, и широкой соломенной шляпы. Во время погрузки они и с углем и с пустыми корзинами не ходили, а бегали. Жара стояла невыносимая. Черный от угля пот катился с них градом. Более слабые рабочие под непосильным грузом падали на ходу. Английские наблюдатели, одетые в легкие белые костюмы и в белые широкополые шляпы, падающих рабочих подымали ударами бамбуковых палок по голым спинам.

К вечеру пароход отчалил от берега и под оркестр английских войск стал уходить в океан.

СНОВА ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

Прошло несколько дней, наши предположения, что самовольные отлучки в город Сингапур пройдут безнаказанно, разлетелись в прах. Полковник Дьяконов неожиданно приказал выстроить полк на палубе для смотра. А до этого было наказано нам побриться, подчиститься и подтянуться по всем правилам воинской дисциплины. В десять часов утра все сборы и приготовления были окончены и полк был выстроен по-ротно. Полковник со всеми командирами, офицерами штаба начал смотр с первого батальона. Обойдя полк, вся свита снова вернулась к первому батальону. После команды «смирно» адъютант начал читать приказ. В приказе говорилось, что такие-то унтер-офицеры разжаловаются в ефрейторы, в рядовые; некоторым, кроме перевода в рядовые, было назначено двадцать, тридцать или сорок розог. За унтер-офицерами были вычитаны наказания для ефрейторов и рядовых. Наказанию подвергались человек сто сорок.

После прочтения приказа было быстро приготовлено все необходимое для проведения его в исполнение. Заработали ножницы, срезая с унтер-офицеров и ефрейторов нашивки на погонах. На середине рот были выставлены ящики или бычьи кормушки, заменившие скамейки. У некоторых фельдфебелей и подпрапорщиков появились в руках просмоленные веревки, заменявшие лозу. Начальство, видимо, упустило из вида и не захватило с берега необходимое количество прутьев. Когда у «виновных» нашивки были срезаны и все приготовления к порке закончены, ротные командиры начали вызывать по спискам подлежащих наказанию и строить их в отдельную группу впереди рот и батальонов.

Через десять минут по всему судну раздались душу раз-

дирающие крики. Пороли солдат почти в каждой роте. Потерявших сознание отливали морской водой из брандсбойта. Приведя в чувство, их били снова.

Во время этой кровавой расправы полковник Дьяконов сидел на балконе против офицерской столовой, откуда ему было видно все истязание. Окруженный офицерством, он смотрел на это жуткое зрелище и ехидно улыбался, а при каждом, особенно сильном крике избиваемого или ловком ударе палача, громко хохотал. Офицеры подражали ему.

Французские моряки судна, с капитаном во главе, с ужасом смотрели на эту необычайную картину. Они что-то ворчали себе под нос, хмуря брови. По их лицам было заметно, что они возмущены до глубины души и с трудом переносят, видя иссеченных, окровавленных русских солдат. После расправы всех нас избитых собрали в одно место и обмыли из брандсбойта морской водой, которая только увеличила наши боли.

Я и Макаров были разжалованы в рядовые.

Потом, как будто бы ничего и не случилось, продолжались строевые занятия, а вечером первая рота была вызвана к пьяному полковнику петь песни и плясать.

Ночью во всех углах судна слышались среди солдат шопоты. Все возмущались зверской расправой, думали, как отомстить офицерам, но мстить было невозможно. Весь полк был без оружия, а несколько имеющихся допотопных берданок выдавались только караулу по охране полкового знамени и кассы, да и те были без патронов.

Путь до острова Цейлона мы провели в тяжелом состоянии. Вслух почти не разговаривали, боялись шпионов и предателей, которые были предусмотрительно одеты в солдатское платье.

Не было слышно ни хохота, ни песен, ни плясок, кроме тех обязательных, что веселили по ночам пьяного полковника. Солдаты ходили как тени. Питание снова ухудшилось, пресной воды стали выдавать еще меньше.

Французский боцман корыстно воспользовался этим. Он продавал больным и здоровым солдатам лед чуть ли не на вес золота.

В судовой лазарет наказанных по приказу полковника не принимали. Ротные фельдшеры их также не лечили, а если некоторые и оказывали помощь больным, то делали это под большим секретом. Всем ротным фельдшерам было официально приказано не ухаживать за избитыми. Здоровые солдаты принимали все меры к тому, чтобы облегчить страдания больных товарищей. Всевозможными путями они доставали из судового лазарета иод и другие ме-

дикаменты. Рылись по ночам в сумках фельдшеров и все, что находили, забирали. Французские моряки также помогали чем могли. Из своей судовой аптеки и от своих фельдшеров они приносили разные мази и передавали потихоньку русским товарищам. Но вылечить их всех не удалось. Дня через три после избиения опустили на дно океана солдата девятой роты Сергеенко. На следующий день опустили двоих: Кривопалова и Васильева. В последующие дни опускали за борт по два по три человека. Всего, пока доехали до острова Цейлона, было скинуто за борт парохода одиннадцать человек. Во всех случаях погребения солдат ни один из офицеров не присутствовал, не участвовал и полковой поп.

Накануне приезда на остров Цейлон солдат первой роты второго взвода Карпачов, изнывая от жажды, бродил по всему судну в поисках воды. Проходя мимо каюты боцмана, Карпачов увидел в открытую дверь стоявшее под столом ведро, полное льда; боцмана в каюте не было. Мучительная жажда соблазнила Карпачова зайти в каюту и взять из ведра кусочек льда. Руки его дрожали от радости, он не догадался даже при выходе из каюты спрятать этот дорогой для него кусочек в карман, а вышел с довольным видом, открыто посасывая живительную холодную влагу льда.

В этот момент к каюте приближался боцман. Увидя, что оттуда вышел русский солдат с куском льда, боцман быстро снял с ноги башмак на деревянной подошве и, подбежав к Карпачову, ударил его по голове. Боцман был здоровый человек и от его удара Карпачов, взмахнув в воздухе руками, упал на палубу, как сноп. Лед выпал из его руки. Из рта, от прикушенного языка, и из носа потекла кровь. Боцман, не обращая внимания на упавшего Карпачова, нагнулся, поднимая лед, выпавший из рук солдата. Но разогнуться боцману не пришлось. Он был сбит с ног сильным ударом по толстой шее Петрыкиным, товарищем и земляком Карпачова. Когда боцман встал, Петрыкин со всего размаха ударил его второй раз. Боцман, качнувшись, отскочил в сторону, но там стояли густой толпой уже сбежавшиеся русские солдаты. Один из них, размахнувшись, нанес такой ловкий встречный удар, что боцману снова пришлось отскакивать в сторону поджидавшего его Петрыкина. Петрыкин, не допуская боцмана до себя, ударил его с удвоенной силой, и боцман опять был отброшен в другую сторону, где встретил теперь сразу несколько ударов. Били его озлобленно. За все время пути по Индийскому океану каждый солдат снес боцману последние гроши за лед и обоб-

раненые им солдаты старались ему отплатить за обман чем могли.

Боцман ревел, как бык, он напрягал все силы, стараясь вырваться из тесного кольца солдат. Жилы на его шее вздулись от натуги, глаза горели, но освободиться ему не удалось.

Намяв как следует боцману бока, солдаты, подняв с палубы Карпачова и оказав ему необходимую помощь, под свист и хохот разошлись. Все это так быстро произошло, что ни один офицер полка и ни один из офицеров судна не заметили этого.

Боцман, после неожиданно полученной им бани, быстро переоделся и направился к своему капитану доложить обо всем случившемся. Через полчаса полковник Дьяконов с несколькими офицерами и капитаном судна были в первой роте, выясняя, как и почему это произошло. Боцман старался доказать, что он прав и его избили напрасно. Русские солдаты доказывали обратное. Для начальства полка и судна, не видя этого случая, установить кто прав, а кто виноват было очень трудно. Как и о чем полковник договорился с капитаном, это осталось неизвестным, но солдат по этому поводу больше не спрашивали и никого не наказали.

ЦЕЙЛОН — ДЖИБУТИ

На двадцать третий день по выходе из Дайрена и на десятый по выходе из Сингапура судно прибыло на остров Цейлон, в порт Коломбо. Глазам трех тысяч людей представилась невиданная картина. Сотни военных и торговых океанских судов были разбросаны по огромному порту. Баркасы и моторные лодки шныряли по морю с молниеносной быстротой. Порт Коломбо был очень мелок, большие океанские суда не подходили близко к берегу, как в Сингапуре, а останавливались на расстоянии одного километра от берега.

Около каждого парохода стояли баржи, груженные бочками, ящиками, тюками, живым скотом и углем. На баржах было по несколько чернокожих рабочих, почти голых. Спины их блестели от солнца и пота. Слышен был крик надсмотрщиков — англичан, подгонявших бамбуковыми палками рабочих. Взбираясь с тяжелым грузом на спине по крутой лесенке с баржи на пароход и не дойдя до палубы, некоторые грузчики срывались. Тогда надсмотрщики сталкивали рабочих с баржи в море ловить упавший груз, не обращая внимания на человека. Но после того как упав-

ший сам выбирался на баржу, его подвергали жестокому избиению.

«Сантай», крупное океанское судно, также остановился далеко от берега. К нему подошел баркас, на котором было человек десять англичан военных и штатских. Все они быстро поднялись на палубу судна и любезно приветствовали полковника Дьяконова и других русских офицеров. Переговорив между собой, англичане и большинство русских старших офицеров отправились на берег.

После отъезда офицеров к «Сантаю» подошел второй баркас, ведя за собою девятнадцать громадных барж. По приказанию начальства мы сошли на баржи, чтобы отправиться на берег, где стояло много хорошо одетых мужчин и женщин. Они смотрели на русских солдат, как на что-то невиданное, странное. Высадившийся на берег полк был построен взводными колоннами. Подали команду:

— Смирно! Равнение на право!..

Подошел полковник Дьяконов. С ним был английский генерал. Генерал что-то сказал на английском языке. Но предупрежденные заранее солдаты ответили стройно на приветствие.

Пройдя вдоль фронта полка, Дьяконов и английский генерал сели в автомобиль и поехали тихо. Вслед за машиной пошел и весь полк.

Гул тяжелых сапог трех тысяч отборных русских солдат, шедших по гладко вымощенной мостовой, громко раздавался по улицам города.

Пальмовые улицы были забиты любопытствующими жителями.

По приказу командира в первой роте грянула веселая песня. Ее подхватили другие роты и через мгновение город был полонен русской солдатской песней.

Жара стояла невозможная. От жары и поднятой пыли мы быстро утомились. Песни петь становилось все труднее и труднее, но из автомобиля, идущего впереди, полковник неизменно приказывал петь.

Весь путь от порта до города и обратно равнялся примерно километрам двадцати. Это расстояние было пройдено без отдыха часа в четыре. И полк все время шел с песнями.

Горло у каждого из нас настолько пересохло, что мы готовы были броситься в океан и пить без конца хотя бы соленую воду.

Когда пришли обратно в порт, на берегу стояло несколько больших котлов с ананасной холодной водой и на каждом котле висел ковш для питья. Солдаты моментально

бросились к воде и, не будучи в силах дождаться ковша, начали черпать воду пригоршнями, фуражками, некоторые, нагнув лицо, пили прямо из котла. Несмотря на то что воды было заготовлено много, на всех ее все же нехватило. Некоторые так и не смочили горла до самого возвращения на судно.

В этот день вечером, часов в девять, первой роте было приказано почистить сапоги, подтянуть покрепче ремни и выстроиться на палубе. Подпрапорщик Кучеренко, обойдя всю роту и просмотрев каждого, повел солдат на подошедшие баржи. Сойдя на берег, рота, построившись, отправилась за город, к вилле представителя чайной фирмы Высоцкого. Там собрались офицеры полка. Всю ночь офицеры вместе с полковником Дьяконовым пьянствовали у представителя Высоцкого на террасе, выходящей в роскошный сад. И всю ночь первая рота пела песни и плясала ради потехи разгулявшихся офицеров и штатских.

На рассвете, когда перепившиеся офицеры ушли отдыхать, каждому солдату выдали по двадцать пять штук самых дешевых сигарет и приказали отправиться обратно на судно. Измученные шестикилометровым переходом от порта до виллы и обратно, песнями и пляской, голодные солдаты, вернувшись утром на «Сантай», кляли начальство на все лады.

На следующий день нам было разрешено отлучиться в город. С восьми часов утра с судна начали сходить команда за командой. При выходе каждому старшему команды, в присутствии всех ему порученных людей, строго наказывали, как нужно вести себя в городе, чтобы не повторить Сингапурского пьяного скандала. Команды состояли из сорока или пятидесяти человек. Старшими назначались исключительно старшие унтер-офицеры, взводные командиры. Солдаты сходили на берег, строились. Старшие команды осматривали людей, делали наставления, а потом вели в город. По дороге навстречу командам попадались русские и английские офицеры. Старшие громко отдавали команду. Солдаты шли стройно, были внимательны к команде своих старших и никаких недоразумений во время перехода от порта до города не произошло. Придя в центр города, команды были распущены за покупками до определенного часа. Сбор был назначен в условленном месте для всех команд.

Вырвавшись, наконец, из надоевшего, невыносимого режима, который был введен на судне, солдаты почувствовали себя свободными.

Обменяв сохранившиеся русские кредитки и золотые

на коломбовские деньги, солдаты бросились покупать различные необходимые предметы.

На улицах города под громадными пальмами продавались разные прохладительные напитки, приготовленные из ананасов, бананов и других фруктов. Мы с жадностью набрасывались на все это. Выпивали по несколько бутылок фруктовых вод, целыми кистями поедали бананы и по несколько штук ананасов, до того спелых, сочных и вкусных, что они сами собой таяли во рту.

Пресытившись дешевыми фруктами и напитками, солдаты пошли по магазинам. Покупки солдат были незначительны: бритвы, мыло, но больше всего покупали съестных продуктов. На это ушло немного времени и у солдат оставалось еще часа четыре до сбора.

Разбившись небольшими группами, человек по шесть, семь из более близких товарищей и земляков, солдаты бродили по торговым и людным улицам Коломбо. В городе было много английских солдат и матросов. Они приглашали русских в кафе и рестораны, угощали вином, пивом и закусками. Русские в свою очередь, не желая оставаться в долгу у англичан, угощали их, тратя свои последние солдатские гроши. При обоюдном угощении время в ресторанах проходило незаметно. Солдатские головы хмелели. Разговоры становились все громче, жестикуляции усиливались. Русские запели свою песню, англичане, не понимая ее, однако подтягивали, хлопали в ладоши и подплясывали. Тут уже не заметили, как наступил час сбора команд для возвращения на судно. О возвращении никто и не думал. Вновь заказывали пиво и вино, чтобы хотя на один день забыть все тяготы, пережитые в вагонах и на судне.

Вечером в назначенный час из города не вернулось и половины отпущенных солдат. Взводные ходили по ресторанам, кафе собирать своих подчиненных. Приводимые взводными, солдаты некоторое время стояли на месте сбора, ждали остальных, за которыми уходили старшие команд, но, прождав несколько минут, снова расходились по городу.

Бесконечное хождение то за одной, то за другой группой людей надоело взводным. И захватив с собой находившихся около них солдат, возвращались с ними в порт.

В восемь часов утра пароход начал подавать сигналы к сбору. Могучий гудок ревел с небольшими промежутками, оглашая окрестность. Эти сигналы давались специально для оставшихся до сих пор на берегу солдат и офицеров. Сигналы подействовали, и через час весь полк был на судне. В полдень пароход поднял тяжелые якоря и, дав три прощальных гудка, двинулся дальше. За самовольные отлучки

в город, за опоздание и за приход в нетрезвом виде на «Сантай» — ни один солдат наказан не был. Десять дней пути от острова Цейлона до порта Джибути прошли спокойно.

В порту Джибути стояли одни сутки. Люди на берег не сходили. «Сантай» погрузил уголь, воду и продукты. Порт был маленький, природа скучная, пустынная, на берегу стояли гигантские ветряные мельницы, размалывающие соль. В сравнении с Сингапуром или Коломбо Джибути казался маленькой захудалой деревней. Когда все погрузки были закончены, «Сантай» немедленно поднял якорь и дал полный ход вперед.

В пути от Сингапура до острова Цейлона и от Цейлона до Джибути несколько раз по ночам гасили на судне огни. Было строго запрещено на палубе курить, зажигать огонь, запрещалось петь песни и громко разговаривать. Откуда-то были получены сведения о том, что по Индийскому океану шныряют германские подводные лодки, которым было приказано во что бы то ни стало потопить суда, везущие русские войска во Францию. На третий день по выходе из порта Джибути, ночью, было отдано распоряжение потушить все огни. Наверху главной мачты в подвешенной корзине поместился наблюдатель с подзорной трубой. Охраняющие «Сантай» миноносцы кружились вокруг него с особенной быстротой. Они то заходили далеко вперед, то уходили в стороны, то неожиданно появлялись сзади. Всем нам были выданы спасательные пояса и было приказано надеть их, не снимая до особого распоряжения.

Ночью разыгралась сильная буря. Океан ревел. Судно бросало из стороны в сторону. Волны громадными горами шли навстречу «Сантаю» и, ударившись о нос, разбиваясь, заливали палубу соленой водой. Солдаты, спавшие на верхней палубе, были промочены до костей. Многие предметы были снесены волнами в океан. Гремел гром. Разразилась тропическая гроза. Небо беспрерывно покрывалось огненными змейками. От сильной качки судна людей бросало из стороны в сторону. Солдаты от страха уходили в трюм, но быстро оттуда возвращались. В трюме от качки тошнило и рвало. Всю ночь никто не спал, и на утро, когда все утихло, вид у солдат был изнуренный.

Беспокойные ночи продолжались до самого Красного моря. Каждую ночь принимались все предосторожности, надевали спасательные пояса, приготавливали шлюпки. Красное море проходили спокойно. Навстречу «Сантаю» часто попадались торговые и военные корабли разных наций, кроме германских. Из моря вошли в Суэцкий канал.

По обоим берегам канала были расположены английские войска, отсюда недалеко был англо-турецкий фронт. Пройдя канал, «Сантай» вошел в Порт-Саид. В этом порту стояло столько разных кораблей, что из мачт образовался сплошной лес.

От Порт-Саида «Сантай» шел быстрее обыкновенного, у него работали все машины, это был последний его переход. Следующий — порт Марсель, Франция, конец нашего пути.

ВИНО

Охрана «Сантая» была усилена, его провожали пять военных кораблей. Меры предосторожности увеличились, — все было наготове. На судне много говорили о какой-то знаменитой германской подводной лодке, свирепствующей в Средиземном море. Французские матросы рассказывали, что она потопила не один десяток торговых и военных судов союзников. Для уничтожения этой подводной лодки союзный морской флот принимал все меры, но неуловимый пират продолжал наводить страх.

Во время пути от Порт-Саида к Марселю занятия усилились. Каждый день с рассветом роты выстраивались на палубе и начиналась строевая муштра до самого обеда, а после, до вечера — словесность. Солдаты выглядели очень плохо. Недостаток воды в Индийском океане, скверное питание, морская болезнь, ежедневные побои и ненужные мучительные занятия — сильно отразились на здоровье солдат. К тому же продолжались побои. Наказания сыпались за каждый пустяк. Утром и вечером офицеры приходили в роты, производили ненужные смотры, придирались к солдатам на каждом шагу. Их примеру следовали подпрапорщики и фельдфебели, которые до того разошлись, что очень трудно было найти среди нас неизбитого человека. Всюду слышался глухой ропот. Все были озлоблены, ждали только удобного момента, чтобы отомстить озверевшему начальству.

После того как солдаты намяли бока боцману, он заметно изменился, лед продавал дешевле. С посещавшими его каюту русскими солдатами он стал разговаривать, что прежде с ним не случалось. А в конце концов он так подружился с некоторыми, что в беседах был откровенен. Однажды два солдата спросили у боцмана, сколько выдается вина французским морякам?

Боцман ответил:

— Литр в день... И русским солдатам французское правительство также отпустило виноградного вина по литру на день на каждого солдата. Бочки с вином находятся в трюме

судна, но выдавать вино запретил полковник Дьяконов. Из этих запасов только офицеры пьют.

Разговор с боцманом солдаты передали своим товарищам, и вскоре друг от друга о запасах вина в трюме узнали все... Более ловким и любопытным удалось даже тайком проникнуть в трюм и убедиться, что там действительно много бочек, наполненных вином. Нашлись умельцы открывать бочки без шума. Ночью, осторожно пробравшись в трюм, они вскрыли одну бочку — и через час были все пьяны. Скрыть от других эту неожиданную попойку среди моря, конечно, было нельзя.

На следующую ночь новой группой солдат была вскрыта вторая бочка, затем третья, четвертая и за одну ночь успели вскрыть и выпить семь бочек. Все это пока проделывалось только первой ротой, остальные об этом не знали и участия в попойке не принимали. Не знало пока и начальство. Ему и в голову не могло придти, что происходило в трюме.

Вечером и ночью попойка возобновилась. За ночь было выпито более десятка бочек. Сильно подвыпившие солдаты разговаривали громче, раздраженно. Более трезвые, успокоив их, укладывали без шума спать.

За два дня до прихода в Марсель был отдан приказ: всем побрить головы, усы и бороды, скатать шинели по специально установленной мерке, выдать всему полку перешитое в Самаре обмундирование, а старое сдать в хозяйственную часть. Так же было приказано искупаться на палубе и надеть новое белье, вычистить сапоги и бляхи поясков. Подпрапорщикам предлагалось приготовить роты к смотру, назначенному на следующий день. После прочтения приказа полк зашумел. У каждого нашлось дело... Всюду можно было видеть целые груды гимнастерок, брюк, шинелей, сапог и белья. Заработали сотни бритв, срезая растительность солдатских голов и подбородков. Водокачки работали без перерыва, подавая воду для купающихся. По всей палубе стоял такой шум и гам, что трудно было понять разговор человека, стоящего рядом. Взводные командиры выдавали новое обмундирование, отбирали старое, которое сейчас же упаковывалось в кули и ящики.

К вечеру полк выглядел совершенно по-иному. Каждый из нас был чисто выбрит; с небритыми лицами остались лишь те солдаты, у которых были особо красивые усы и бороды. Сапоги ярко начищены. Гимнастерки и брюки — новые, из хорошего сукна. Новые, с блестящими бляхами, пояски, подтянутые туже обыкновенного. Внешний вид у солдат был праздничный, но в душе у каждого скребли

кошки. Отрыв от родной семьи в течение нескольких лет, нудная муштровка, плохие условия семидесятитрехдневного переезда от Самары до Марселя, побои и издевательства, недоедание, — все это сильно отразилось на моральном и физическом нашем состоянии.

С первого дня вступления во второй особый полк никто из нас ни разу не слышал человеческого слова от своих офицеров. Они ни разу не поговорили с солдатами по-дружески, ни у одного не спросили кто он, откуда, чем занимался до военной службы, какое семейное положение, женат ли, есть ли дети. Между офицерами и солдатами проходила такая пропасть, что ни один мост не был в состоянии их соединить. Это были два совершенно разных мира. В одном мире — небольшая кучка людей привилегированного сословия, иного воспитания. Они считали только себя настоящими людьми, которым с испокон веков дано право приказывать и распоряжаться, избивать и издеваться над людьми другого мира. Они никак не хотели понять того, что солдат тоже человек, что он также может мыслить, творить, может быть очень способным и полезным в самых важных моментах как в мирной обстановке, так и в военное время. Тупоумные воспитанники кадетских корпусов и юнкерских училищ, испорченные и развращенные с молодых лет буржуазные сынки, хотели знать лишь одно: солдат — «серая скотина», которая способна беспрекословно исполнять все то, что прикажет начальство. Такое представление о солдатах заставляло офицеров находиться от нас всегда подальше. Разговаривать с солдатом по-человечески, без мордобойства, офицер считал ниже своего достоинства и своей чести.

В другом мире — другой класс людей, воспитанных в бедных крестьянских хатах и в полутемных подвальных рабочих квартирах. Выросшие среди полей, лесов, фабрик и заводов, проведшие свою молодость в полуголоде, в нетопленных хатах и квартирах, — многие из них до военной службы не видели даже железной дороги, а океанского парохода — тем более. Эти люди большого мира, в массе своей запуганные и подавленные, с первых дней казарменной жизни смотрели на офицеров как на что-то высокое, достойное уважения. Но проходя сквозь тяготу казарменной муштры, наблюдая зверские нравы офицерства, все мы увидели и многие поняли, что такое начальство? Поняли — и вместо уважения к офицерам мы питали теперь яркую ненависть.

Вечером, после поверки, посещение трюма продолжалось. Каждая группа человек в десять-двенадцать «обрабатывала»

отдельную бочку. Осторожность стала соблюдаться меньше, каждый старался сообщить своим товарищам, находящимся в других ротах и не знавшим об открытии винного погреба. Эта ночь была особенной. Полк, казалось, хотел выпить все что полагалось ему за все сорок три дня пребывания на судне. Полуголодные солдаты быстро пьянели. Некоторые стали запевать песни, но и это не навело начальство на подозрение, и солдаты продолжали пить до самого рассвета.

В девять часов тридцать минут утра весь полк выстроился на палубе. Лица у большинства солдат были измятые, опухшие. Ротные командиры, удивленные плохим видом солдат, не могли понять в чем дело. Ровно в десять часов из центральной части судна вышел полковник Дьяконов в сопровождении всех офицеров штаба. При его появлении оркестр, состоящий из восьми заплатанных инструментов, захрипел марш. Ротные подали команду:

— Смирно!

Солдаты замерли. Полковник по лестнице спустился на палубу и направился к первому батальону. Как и всегда, он подошел вначале к первой роте и принял рапорт от ее командира, подполковника Юрьев-Пековец. Выслушав рапорт, Дьяконов поздоровался с ротой. Солдаты ответили нестройно, хриплыми голосами. Это покоробило полковника. Дьяконов привык слышать от первой роты всегда четкий ответ на свои приветствия; немного успокоившись, он прошел вдоль строя четырех взводов. Солдаты в новом обмундировании стояли стройными рядами, вытянувшись в струнку. Обойдя взводы, полковник вышел вперед, остановился перед фронтом роты и произнес речь. Он говорил о том, что завтра будем высаживаться в Марселе, указывал, как нужно вести себя во Франции, чтобы «не запачкать честь и славу Русской армии». Первая рота, говорил он, всегда должна быть примерной ротой полка, как в мирной обстановке, так и в бою. Он называл солдат боевыми орлами и благодарил за службу, обещая всегда и всюду чутко относиться ко всем нуждам солдат...

Рота молчала. Дьяконов, поблагодарив роту еще раз, хотел итти дальше. Но в этот момент солдат первой роты второго взвода Петрыкин, стоявший во втором ряду, громко и отчетливо проговорил:

— Ваше высокоблагородие, разрешите вам задать один вопрос!

Полковник разрешил.

Отчеканивая каждое слово, Петрыкин сказал:

— Ваше высокоблагородие! Вы упомянули сейчас, что первая рота должна быть примерной ротой полка, и обе-

щаете чутко относиться ко всем нашим нуждам. Я должен вам сказать, что первая рота была и будет передовой и в дальнейшем, если вы действительно сдержите свое слово и будете входить в нужды солдат. Но я осмеливаюсь сказать вам, что вашим обещаниям трудно верить. Нам кажется, что ваши обещания останутся только обещаниями. Это я говорю потому, что во время нашего пути вы не только ни старались облегчить наше тяжелое положение, но даже запретили выдавать то, что положено было русским солдатам от французского правительства!

Полковник наверное первый раз за всю свою службу в армии услышал такие твердые, уверенные слова упрека от рядового солдата. От этих слов его передернуло, руки, сжатые в кулаки, задрожали. Он быстро подошел и, остановившись перед Петрыкиным, скомандовал:

— Два шага вперед — марш!

Петрыкин немедленно исполнил приказание. Очутившись вне строя, на расстоянии полушага от Дьяконова, он ловко приставил левую ногу к правой, взял под козырек и вытянулся на месте.

— Что я запретил выдавать? — закричал Дьяконов.

— Вино, ваше высокоблагородие! — быстро и громко ответил Петрыкин.

— Рраз! — начал считать полковник, ударяя Петрыкина по щеке. — Ддва!

Кровь потекла из носа и рта Петрыкина, но он не упал, а продолжал крепко стоять, опустив руки по швам и не стараясь даже стереть с лица кровь. Полковник стоял против солдата, дрожа от злобы, но бить больше не бил. Он смотрел на него безумными глазами и молчал. Тогда, смерив полковника взглядом, Петрыкин спокойно произнес:

— Ваше высокоблагородие, когда я родился, то бабушка моя сказала: «Семен, не спускай никому!» — и размахнувшись, он сильно ударил по уху Дьяконова, который, отскочив на несколько шагов, падая, сбил с ног офицера. Пенсне полковника разбилось вдребезги. Несколько офицеров бросились к Дьяконову на помощь, другие, обнажив шашки, кинулись на Петрыкина. Но он, предупредив их, моментально ушел в строй, на свое место. Они попытались через строй пройти за Петрыкиным. Это им не удалось. Окружив их плотной стеной, солдаты закричали:

— Долой оружие! В ножны шашки!

Какой-то офицер, видимо с перепугу, выстрелил из нагана. На выстрел сбежались другие роты первого батальона, а потом — второго и третьего. Весь полк слился в одну громадную толпу и вырвать Петрыкина солдаты не дали.

Офицеры, взяв на руки полковника, быстро ушли в свои каюты.

Смотр на этом закончился. Принять какие-либо серьезные меры к солдатам офицеры не решились в этот момент. Волновался весь полк.

Офицеры ждали бунта и нападения, готовили оружие, но солдаты, поволновавшись, разошлись.

Весь день, вечер и ночь на палубе не было видно ни одного офицера. Во время обеда и ужина ни один подпрапорщик не присутствовал, вечером не было даже обычной поверки и молитвы. Солдаты, говоря о Петрыкине, старались предугадать, как с ним поступят по приезде во Францию. Событие дня встряхнуло всех. Мы почувствовали себя как-то свободней, замечания или наказания делать было некому. Полк разъединился на два враждебных лагеря и каждый из них жил своей, обособленной жизнью.

Солдаты разгуливали свободно по всему судну, часто заглядывали в трюм, а некоторые, более смелые, решили пить открыто на верхней палубе.

Выкатив из трюма несколько бочек с вином, садились вокруг них во всевозможных позах с котелками в руках, заменявшими стаканы.

Последнюю ночь на «Сантае» солдаты провели особенно весело и шумно. Пили во всех ротах. Повсюду раздавались песни, под гармошку откалывали гопака. Полк представлял из себя не воинскую часть, а ярмарочную толпу.

Царская дисциплина, построенная на мордобитии, дала свои плоды. Полк отборных лучших солдат превратился в пьяную толпу, не желающую никого признавать и никому подчиняться. Солдаты громко кричали о том, что если возьмут Петрыкина из полка, то никто не должен итти на фронт.

Только перед рассветом закончилась гульба. На палубе, в трюмах валялись опрокинутые бочки, помятые котелки. Пьяные лежали на каждом шагу, спали не раздеваясь. Горнист второй роты как-то сумел запутаться ногами в цепях подъемной лебедки и висел вниз головой. Из бочки с выбитым дном торчали четыре ноги: две в сапогах и две босых. Санитар Храмов привязал себя веревкой к главной мачте и спал сидя, держа в руках спасательный пояс. Рядовой первой роты Кривопалов спал в шинели, которую прибил к палубе гвоздями, чтобы не свалиться в море. Кашевар Юшкин сидя уснул в большой кастрюле с фасолью. Младший унтер-офицер Костяев нагой, но почему-то в сапогах и фуражке, закусив зубами конец брезента, так в него завернулся, что его нашли и освободили только на следующий

день, когда полк высаживался в Марселе, за что он был потом разжалован в рядовые.

В МАРСЕЛЕ

Утром на горизонте показались форты Марселя. Утро было солнечное и теплое, видимость — хорошая. От порта к фортам и обратно то и дело сновали моторные лодки, баркасы и маленькие пароходики. «Сантай» величаво приближался к Марселю. Вся судовая команда была на ногах. Капитан судна сам стоял на капитанском мостике и давал команде необходимые распоряжения. Работа в руках моряков кипела, машины для спуска якорей были приготовлены, палуба чисто вымыта. Солдаты привели себя в порядок, не дожидаясь особого распоряжения начальства. Каждый старался подчиститься и подтянуться для предстоящего смотра полка генерал-губернатором Марселя. Офицеры вышли из кают, осматривали роты, делая без шума и крика указания солдатам, будто бы ничего и не случалось на судне.

Мы стройными рядами выстроились на палубе без вещей, с одними шинельными скатками на плечах. Допотопный полковой оркестр играл французский гимн. «Сантай», буксируемый баркасом, подходил медленно к берегу. На берегу собралась громадная толпа жителей Марселя. Впереди выстроился эскадрон конных гусар в красивой форме и с шашками наголо. С правого фланга эскадрона расположился военный оркестр. Сильными и красивыми звуками он заглушал наши хрипатые трубы. Стоявшие на берегу жители кричали «ура» и подбрасывали вверх фуражки и шляпы. Русские с судна отвечали на приветствие французов.

«Сантай» подошел к берегу, быстро отдал концы и еще быстрее были переброшены переходные мостики. По команде «бегом» мы сошли, выстроившись на берегу. Через несколько минут показался генерал-губернатор Марселя. Полковник скомандовал:

— Полк, смирно! Равнение направо!

С обнаженной шашкой Дьяконов направился навстречу генерал-губернатору и сопровождавшей его громадной свите.

Приняв рапорт полковника, генерал-губернатор вышел на середину полка и крикнул по-французски:

— Добрый день, солдаты!

Полк ответил дружно и отчетливо. После смотра нас повернули и поставили в две шеренги вдоль берега, к оружейным складам, где нам выдали французские трехзарядные винтовки.

В городском саду Мирабо был временно разбит лагерь для русских. От порта до сада было километров семь-восемь и мы, отвыкшие на судне от ходьбы, пришли в сад сильно уставшими. Громадная толпа, преимущественно женщин, провожала полк по городу. А потом окружила сад и через кирпичные глухие стены забросала солдат разными подарками: сигаретами, шоколадом, апельсинами.

В сад вольная публика не допускалась. Мы также не имели права выходить. В воротах стоял офицерский караул. Среди французов и француженок нашлись многие, которые говорили по-русски, и с ними через стенку солдаты вели переговоры.

Стенка вокруг сада была немного выше человеческого роста и вечером, не стерпев, солдаты начали выбираться в город. Когда начальство обратило на это внимание, то половины солдат уже не было в саду.

Петрыкин бежал из полка и больше его никто и никогда не видел.

На второй день по приезде в Марсель, на главной площади города был произведен полку смотр-парад генерал-губернатором.

Во время прохождения полка по городу улицы Марселя были заполнены народом. Асфальтированные мостовые засыпаны цветами, на штыках у солдат красовались букеты цветов, в дулах винтовок торчали русские и французские флажки.

Когда парад был закончен и полк уходил обратно в свой лагерь, громадная толпа француженок влилась в ряды русских солдат. Винтовки оказались на плечах француженок. Отбирая винтовки у солдат, они спрашивали: «Вы устали?..»

Они старались итти с русскими в ногу. В каждом ряду шло по восьми солдат и по шестнадцати девушек, подхвативших солдат под руки с обеих сторон.

На русских сыпались разные подарки. Француженки схватывали подарки на лету и клали солдатам в карманы и за пояски.

Не прошли и двух улиц, как солдаты стали похожи на вьючных животных, перевозящих продукты; с боков улиц подходили мужчины с открытыми бутылками коньяка и стаканами в руках. На ходу наливали стаканы и угощали русских солдат вином, закусками, фруктами. Недоходя несколько кварталов до лагеря, русские были встречены делегацией, которая обратилась к полковнику с просьбой разрешить солдатам сделать остановку.

Дьяконов разрешил. Через квартал нашим глазам представилась следующая картина: вдоль улицы был устроен длиною более квартала стол, на котором стояли целые батареи бутылок с винами, пивом и всевозможными закусками.

Как только полк подошел — началось угощение.

Присутствовавшие при этом члены делегации по окончании угощения пошли провожать нас. У входа в лагерь, тепло попрощавшись, они пошли по домам. В лагерь никто из посторонних не допускался.

Затем полк отправили по железной дороге в лагерь Майи, где простояли мы около двух месяцев. Почти каждый день производились смотры. В лагерь приезжало разное начальство: командир корпуса Безелер, командующий четвертой армией Гуро, главнокомандующий Жоффр и даже президент Пуанкаре.

Эти частые смотры надоели солдатам и они завидовали тем, кто был отправлен в город Шалон (на Марне) в военные школы снайперов, бомбометчиков, минометчиков и изучать легкие траншейные пушки, стреляющие сжатым воздухом, аппарат Вермореля, выбрасывающий огненную жидкость на пятьдесят-шестьдесят метров.

Во время пребывания в лагере Майи ежедневно после занятий отпускали в местечко Майи за покупками.

Вырвавшись из лагеря, мы сходились с французскими, бельгийскими и колониальными солдатами — зуавами; заходили в кабачки и, подвыпив, ходили группами по торговому местечку, распевая песни, каждый на своем родном языке.

Солдаты разных наций быстро сближались. Разговаривали мимикой и жестикуляцией. Сигналом к выпивке служил всему миру известный знак, т. е. кто-либо звонко щелкал по горлу указательным пальцем. Французские жандармы всячески пытались помешать не только пению песен, но и хождению по городу. Солдаты протестовали и вступали с ними в рукопашную. Кто-либо выкрикивал по-французски «капут жандарм» и в один момент солдаты нескольких наций в разноцветных военных формах со всех сторон набрасывались на жандармов, колотя дюжиной кулаков по их здоровенным красным шеям.

В драке с жандармами русские занимали первое место и жандармы так боялись их, что при встречах всегда старасад и через кирпичные глухие стены забросала сократить нести дежурства в местечке Майи.

Часто происходили такие картины: подвыпившие солдаты обменивались формами. Русский солдат надевал на себя

бельгийскую форму, бельгиец французскую, француз русскую. Вся эта переодетая многонациональная ватага ходит по улицам из кафе в кафе с гамом и криком. Глупого чинопочитания, какое было в русской армии, не знали.

Во французской и бельгийской армиях солдаты козыряют своему начальству только во время занятий, после занятий отдание чести начальству для солдат этих армий было не обязательно.

Поэтому, когда переодетой компании встречались французские или бельгийские офицеры, то никто им чести не отдавал. Если же встречался русский офицер, то русский солдат, хотя и переодетый в другую форму, боясь последствий, старался отдать честь своему офицеру по всем правилам русской воинской дисциплины. Заметив это, удивленный русский офицер подходил к «русскому» солдату, судя по форме, и с густым матом, в виде предисловия, набрасывался на него:

— Ты, почему, сукин сын, честь мне не отдаешь? Француз — не наш солдат, а считает своей обязанностью взять под козырек, а ты?..

Выслушав грозный тон офицера, русская форма удивленно спрашивает по-французски:

— Что такое, мусье капитан?

— Молчать балбес! Встань по правилу! — ревет офицер.

— Не понимаю, мусье капитан, — отвечает русская форма.

— Какой роты, стервец?

— Я первой роты, ваше благородие, — вмешивается французская форма, продолжая все еще держать руку под козырек с самого начала разговора. — А он, ваше благородие, — француз.

— Что за маскарад? — кричит офицер, начиная догадываться в чем дело. — Хамье! — бросает он, удаляясь.

Спустя некоторое время мы узнали историю убийства полковника Краузе. Мы были отправлены уже в лагерь Майи, когда в Марсель прибыл третий полк русских солдат. Как и мы, солдаты были вооружены и отправлены временно в городской сад Мирабо.

В море солдаты подвергались тяжелым издевательствам. Кормили плохо. На имя полковника Краузе было послано анонимное письмо, в котором солдаты жаловались на зверства офицеров.

На следующий день, на палубе, был выстроен весь полк. Краузе потребовал выдачи автора письма. Солдаты отказались назвать имя своего товарища, писавшего жалобу. Тогда полковник приказал вывести из строя каждого деся-

того и выпороть. Это лишний раз подсказало солдатам, что жаловаться на офицеров — бесполезно, что полковник такой же мерзавец и садист.

Получив оружие в Марселе, солдаты осмелели. В саду Мирабо они жили настолько свободно, что офицеры опасались заходить к ним в палатки. Многие солдаты уходили в город. Чтобы запугать, усмирить солдат, полковник Краузе приказал стрелять боевыми патронами по тем, кто будет замечен на стене сада. Возвращенных из города солдат ставили под винтовку с полной выкладкой. Скоро вся центральная часть сада была заставлена наказанными.

Ночью солдаты самовольно разошлись по палаткам. Об этом донесли Краузе. Озверевший таким поведением рядовых, он бегал по саду, избивая каждого встречного. В одном глухом месте на полковника неожиданно наскочила группа вооруженных солдат. Молча, без шума она исколола штыками Краузе насмерть и скрылась никем не замеченной. Виновников так и не нашли.

Вечером следующего дня солдаты были отправлены в порт. Предназначавшийся смотр полку был отменен. В похоронах полковника Краузе солдаты не участвовали: их спешно погрузили на пароход и отправили в Салоники, а затем дальше — на македонский фронт, на передовые позиции, не дав солдатам отдохнуть. Это было безумством со стороны высшего начальства полка, ибо солдаты должны были вести бой совершенно в неизвестной местности, без какой бы то ни было ориентировки, без учета неприятельских сил.

Все, что осталось от третьего полка, — это громадный деревянный крест, поставленный на высокой горе, на месте боев. На кресте была прибита доска с надписью: «Помни Мирабо». Это была месть царских опричников за убийство полковника Краузе. В Россию же семьям убитых солдат было сообщено, что они пропали без вести.

НА ФРОНТ

Через два месяца мы выступили на фронт, на Мурмелонский участок. Наши полки были сильно вооружены. Прежние винтовки были заменены десятизарядными. Поступавшие со дня приезда русских солдат в Майи адреса богатых француженок, желающих стать «крестными», к моменту выступления на фронт увеличились. Эти адреса раздавали нам, успокаивая тем, что о нас будут заботиться, нам будут помогать «крестные матери».

На Мурмелонском участке первый батальон второго

полка занял передовую линию. Немецкие окопы находились в семидесяти — восьмидесяти метрах. Фронт был неприступно укреплен. Проволочные заграждения доходили до сорока рядов. Окопы были очень глубокие, с боевыми ступенями, с частыми траверсами. Стенки окопов обтянуты проволочной сеткой, чтобы не осыпалась земля. На дне окопов лежали деревянные решетки, предохраняющие от грязи. Во всех трех линиях окопов имелись хорошо оборудованные глубокие землянки, стены и потолки которых были заделаны тесом. Вдоль стен землянок устроены койки.

Началась траншейная жизнь русской особой бригады. Для каждого взвода был отведен определенный участок и землянка. Всем солдатам пояснили, что нужно делать и где находиться на случай атаки со стороны немцев. На второй день первая рота организовала свою небольшую, состоящую из семи охотников, команду разведчиков. Старшим этой команды был назначен младший унтер-офицер Котов, помощником — дурковатый ефрейтор Калмыков. В эту же ночь Калмыков с тремя солдатами отправился к немецким окопам, откуда они привели двух немецких солдат, снятых с секретного поста, и принесли захваченные две винтовки с патронами и два ящика гранат. За эту вылазку Калмыков и солдаты получили первыми в полку георгиевские кресты. Калмыкова произвели в унтер-офицеры, а троих рядовых в ефрейторы.

Удачная разведка и захват русскими солдатами немецкого секрета удивили французских офицеров и солдат. Французы, чтобы достать «языка» (так называли неприятельских солдат, которых захватывали для того чтобы узнать военные секреты противника), тщательно, при помощи биноклей, наблюдали за различными участками фронта, стараясь обнаружить неприятельский секрет. Ночью, по тому участку, где был обнаружен секрет, открывали ураганный артиллерийский огонь, выпуская несколько сот снарядов. Огненная завеса лишала возможности солдат, находившихся в дозоре, вернуться в свои окопы.

Французские разведчики под прикрытием огня своей артиллерии шли к обнаруженному секрету и забирали в плен полуобезумевших от страха людей. Захват русскими двух немцев не только без артиллерийской, но даже и без винтовочной стрельбы был необычным явлением.

Первых этих «кавалеров» водили к командиру бригады, генералу Лохвитскому, командиру корпуса, командиру армии, возили даже в Париж, изображая из них героев. Калмыков из дурковатого ефрейтора был превращен в самого толкового унтер-офицера. Ротный командир ставил его всем

в пример, расхваливая при каждом удобном случае. Это льстило дураку Калмыкову: он, действительно, вообразил себя умным и храбрейшим человеком в полку. Желая угодить ротному командиру, Калмыков старался передавать ему все, что слышал в землянках, среди солдат.

Вскоре рота увидела результаты шпионской работы Калмыкова. Ежедневно к командиру начали вызывать солдат. Возвращались они избитыми. Били в присутствии ротного толстой палкой по стальной каске. От сильного удара каска давила на голову, причиняя ужасную боль.

Во вторую вылазку Калмыков принес два круга немецкой колючей проволоки. Он хвастался, что убил в секрете немца штыком, но не принес его потому, что немцы, заметя его, открыли огонь. Хотя в эту ночь стрельбы вообще не было.

За вторую вылазку, а больше всего за свою шпионскую работу, Калмыков по ходатайству ротного командира получил второй крест, после чего от него никому не было житья. Он сообщал ротному и подпрапорщику Кучеренко все, что слышал, а иногда по дурости прибавлял и небылицы, наговаривая то на одного, то на другого солдата. Врал и на унтер-офицеров и взводных, которым также попадало от ротного. Со временем командир никому не стал верить, кроме Калмыкова и Котова.

На Мурмелонском участке полк простоял два с лишним месяца. За это время со стороны немцев не было атаки или хотя бы значительной перестрелки. Кормили на фронте нас очень хорошо. От безделья многие пополнели. В землянках втихомолку играли в карты, пили вино, которое приносили из резерва. Солдаты часто получали посылки от своих «крестных». У меня и Макарова были «крестные» из Ниццы, присылавшие нам каждую неделю белье, сигареты, носки, шоколад.

Простояв два месяца на фронте, наш полк ушел в резерв, на двухнедельный отдых.

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

С первого же дня, как только мы искупались в бане, начались занятия. Ежедневно выходили в поле, рыли окопы, проходили учебную стрельбу, изучали ручные гранаты разных систем и вели тактический бой с первым полком. Офицеры снова озверели и били солдат за каждый пустяк. Командир первого батальона Иванов превратился в настоящего зверя. Он ни разу не поговорил с солдатом без мордобития. Причем сам не бил, а всегда вызывал подпрапор-

щика или фельдфебеля. Иванов неотвязно выпытывал у первой роты, куда бежал Петрыкин. Не получая удовлетворяющих его ответов, он держал роту под ружьем в поле, гонял на несколько километров бегом, приказывал подпрапорщику Кучеренко подымать роту утром на час раньше, а с занятия отпускать на час позже. Ухудшил питание, запретил выдавать сигареты, посещать кино, в дни отдыха не отпускал ни одного солдата в город за покупками. Додумался даже до того, что в бараках, занимаемых первой ротой, приказал тушить свет раньше положенного. Но и этого оказалось мало батальонному командиру. Он пригрозил, что при первой же возможности бросит роту на немецкие проволочные заграждения, а сзади выставит пулеметы, чтобы солдаты не вздумали отступать.

За эти две недели так называемого отдыха солдаты первой роты похудели, обросли бородами, были грязны и обтрепаны. На ногах натерли кровавые мозоли, под глазами от побоев были здоровенные синяки. Многих отправили в госпиталь. Мы нетерпеливо ждали конца этого проклятого «отдыха». Предстоящая отправка на фронт казалась нам избавлением.

Полки готовились к выступлению. Все быстро приводилось в порядок, лишнее имущество стягивалось в обоз, мы получали полное количество патрон и добавочные боевые гранаты. Были выданы консервы, галеты и сигареты. Полковые попы отслужили молебен перед выступлением и после молебна, под звуки военных оркестров, полки двинулись на фронт. Шли четыре или пять дней, отмеривая ежедневно пятьдесят—шестьдесят километров. Стояли жаркие августовские дни. Итти было трудно.

Пройдя город Реймс, мы вошли в расположение окопов, начинавшихся от самого города. Немецкая артиллерия иногда била по Реймсу и его окрестностям, и этот участок считался неспокойным. Сменив ночью на передовых позициях французские полки, русские солдаты начали знакомиться с новым участком и устраиваться в землянках. По всей бригаде был отдан строгий приказ, чтобы никто из окопов не показывался, громко не разговаривал. Этим хотели скрыть от немцев, какие находятся здесь части.

После занятия участка прошло два-три часа. Вдруг русские солдаты услышали крики из немецких окопов на чистом русском языке. Немцы кричали:

— Здорово, молодцы второго особого полка, добро пожаловать, привет вам из России, мы оттуда только на-днях! Видели ваших русских: вшивых, голодных и оборванных, у них на пять солдат одна винтовка, да и та без патронов!

Это обидело солдат. Они готовы были открыть огонь и броситься на немцев. Сдерживал приказ. А немцы продолжали:

— Вас всех продали Франции за снаряды, вы своей России больше не увидите. Переходите к нам, у нас вам будет лучше, чем во Франции, — и скорей домой вернетесь. Наш великий и храбрый кайзер скоро возьмет Петроград и Москву, и с Россией будет заключен мир, а вы здесь будете до тех пор воевать, пока вас не перебьют. Над вами французы издеваются, они сами ездят на автомобилях, а вы сюда шли пять дней пешком!

Русские были огорошены такой точной осведомленностью немцев о жизни второго полка. Немцы знали все, что делается в русских войсках, находящихся во Франции, знали очень многое о жизни в России, на русском фронте. Немцы кричали целую ночь до самого рассвета, и только тогда, когда стало совсем светло и видны их окопы, они замолчали и исчезли. За эту ночь они столько наговорили нам, русским, новостей, что каждый солдат только удивлялся, откуда это они все знают.

В траншейной войне люди всегда отдыхают днем, а ночью должны быть каждую секунду в полной боевой готовности. Солдаты, свободные от дежурства, хотя и ложились спать по ночам, но были одеты и обуты, с подвязанными патронташами и винтовками в руках.

На следующую ночь немцы опять продолжали разговаривать и сообщать разные новости. Они часто освещали участок ракетами: вспыхивали красные, зеленые, синие огни. Каждый цвет имел свое специальное значение. Одни ракеты быстро сгорали, а другие долго держались в воздухе на шелковых, размером с носовой платок, парашютиках. По ночам русские солдаты собирали эти парашютики, снимая их с проволочного заграждения, иногда расплачиваясь за них своей жизнью, падая от метких выстрелов немецких снайперов.

Калмыков и на этом участке со своими разведчиками часто ходил в разведку. В первый раз они привели трех немцев без оружия, во второй раз — принесли три винтовки и три шинели, в третий раз — принесли два ящика ручных гранат.

Эта тройка причинила много неприятностей и мучений солдатам первой роты. Однажды ночью впереди первой линии в секретном посту дежурил снайпер Карпачов из снайперного отделения, которым командовал, помилованный без его просьбы и снова произведенный в унтер-офицеры, мой друг Макаров. Часа в два ночи старший команды раз-

ведчиков Котов, выйдя с соседнего от Карпачова поста за проволочное заграждение, стал продвигаться ползком вдоль фронта к Карпачову. Поровнявшись с постом, Котов залег в высокой траве среди проволоки, в пятнадцати шагах впереди Карпачова. Тот, услышав шорох, тихонько окликнул:

— Кто идет?

Ответа не последовало. Он окликнул второй раз и, взяв в руки ручную гранату, снял с детонатора предохранительный колпачок. Уловив знакомый звук снимаемого колпачка, Котов быстро ответил:

— Свой...

Котов первый начал пробираться через проволочное заграждение. Карпачов, узнав по голосу Котова, успокоился и, надев обратно колпачок на гранату, положил ее на прежнее место. Как только Котов оказался на посту, он сейчас же начал придираться к Карпачову, обвиняя его в намерении совершить убийство своего унтер-офицера. Карпачов, оправдываясь, говорил Котову, что трудно было разобрать, кто ползет: свой или немец, а для того чтобы не быть захваченным врасплох, он и приготовил боевую гранату, сняв с нее предохранитель.

— Я вас, господин взводный, спросил два раза, тогда как полагается спросить только один раз и, если нет ответа, открывать огонь.

Карпачов был прав, но Котов стоял на своем, он ругал Карпачова за незнание службы, за несоблюдение правил в секретных постах, за распущенность его и за одно всех солдат снайперного отделения Макарова. Обругав Карпачова, Котов ушел с поста и сейчас же направился в землянку ротного командира, где и рассказал о том, как Карпачов хотел его убить. Зная, что идет свой, он все-таки держал в руках боевую гранату со снятым предохранителем. Кроме того, Котов говорил, что когда стоят на постах солдаты из отделения Макарова, то всегда бывает какой-либо беспорядок; дескать, Макаров так распустил свое отделение, что его солдаты никого не хотят признавать и никому, кроме него, не хотят подчиняться. Все отделение очень скандальное, солдаты любят рассуждать, к начальству относятся недоброжелательно и часто говорят о том, зачем люди воюют и ради чьих интересов убивают друг друга.

Ротный в присутствии двух полуротных и подпрапорщика Кучеренко выслушал донесение Котова с большим вниманием и, поблагодарив его за службу, отпустил отдыхать.

После обеда ротный вызвал к себе Карпачова. Только

что успел Карпачов перешагнуть порог землянки, командир набросился на него. Обложив солдата отборным матом, он начал бить его по лицу. От этих ударов Карпачов покачивался то в одну сторону, то в другую. Он стоял с вытянутыми руками по-швам, не защищаясь и не уклоняясь от ударов, лишь глаза его дико смотрели на ротного командира. Устав бить рукой, ротный взял палку и ударил ею по голове солдата.

Кончив бить Карпачова, ротный крикнул:

— Убирайся, сволочь!.. Доложи взводному командиру, чтобы он поставил тебя под винтовку с полной выкладкой на передней линии на двадцать четыре часа, по четыре часа ежедневно.

Карпачов, придя в себя, ответил:

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — повернувшись, вышел из землянки. Со слезами на глазах он доложил взводному командиру о приказании ротного и сейчас же был поставлен с полной выкладкой под винтовку на боевой ступени окопа.

Голова Карпачова стала видна немцам и они при желании могли убить его первой пулей, но немцы не стреляли. Они закричали по-русски:

— Не бойся... Стрелять не будем, знаем, что наказан!

Подпрапорщик и Котов ежедневно ходили проверять, аккуратно ли Карпачова ставят под винтовку и стоит ли он положенное время полностью.

Кончив на шестой день стоять последние два часа, Карпачов вошел в свою землянку, ругаясь и плача. Он подошел к своему отделенному Макарову, которого уважал, и тихонько, чтобы никто не услышал, сквозь слезы проговорил:

— Господин отделенный, клянусь честью, что не я буду, если в первом же бою не убью этого гада и шпика Котова! Я тебе открываюсь чистосердечно, зная, что ты не выдашь!

Макаров посмотрел на Карпачова, но ничего не ответил. Он хорошо знал характер каждого солдата своего отделения и был уверен, что Карпачов задуманное приведет в исполнение при первом же удобном случае. В душе Макаров был вполне согласен с Карпачовым, что Котова за его пакости, которые он делал всей роте, давно бы нужно было убрать.

На следующий день Макаров дежурил на ротном участке. Эти дежурства продолжались ровно круглые сутки и несли его только унтер-офицеры. Дежурный по боевому ротному участку в течение суток не имел права спать или

отдыхать, спускаться в землянку. Он должен все время находиться на передней линии, следить за неприятелем, проверять посты и в случае, если что-либо заметит, немедленно докладывать ротному командиру.

Во время дежурства Макарова ротный с подпрапорщиком часов в десять вечера зашли в землянку, в которой помещалось отделение Макарова. В землянке в это время не было ни одного унтер-офицера и ни одного ефрейтора. Они были на боевой линии. Солдаты резались в карты и все были застигнуты начальством врасплох. Началась кулачная расправа. После побоища ротный командир отобрал у солдат деньги и карты. В другие землянки ротный не пошел. Когда Макаров сменился на дежурстве, его вызвали к ротному командиру.

Войдя в землянку, Макаров, вытянувшись как полагается в струнку, взял под козырек и проговорил:

— Имею честь явиться, ваше высокоблагородие!

Ротный ходил по землянке и крутил большие пышные усы, которые он закладывал за уши.

Услышав голос Макарова, он остановился, смерил вошедшего с ног до головы сердитым взглядом. В пьяных его глазах блестели огоньки.

— Что, либеральная сволочь?.. Ты долго будешь разлагать свое отделение? — закричал ротный. — Ты хочешь, чтобы я тебя высек, а после войны отдал под суд? Ты не хочешь быть верным солдатом родины, честно защищать государя и отечество, а разводишь крамолу! Солдаты твоего отделения распустились и никого не признают, покушаются на убийство заслуженных унтер-офицеров!..

— Ваше высокоблагородие... — хотел что-то сказать Макаров.

— Молчать! — перебил его ротный. — Шкуру спущу на рукавицы! У тебя не отделение, а какая-то свора мерзавцев! До сих пор нет ни одного георгиевского кавалера!

— Зато у меня на участке и в землянке образцовая чистота, ваше высокоблагородие.

— Не разговаривать! — опять перебил ротный Макарова. — К чорту твою образцовую чистоту. Она солдату не нужна!

— От чистоты зависит здоровье солдат, ваше высокоблагородие.

— Ты мне долго будешь философию разводить? — взвизгнул ротный. — Что я, по-твоему, меньше тебя знаю, а? Где это писано, чтобы солдат был чистым? Это будет не солдат, а парижская барышня. Солдат должен быть грязным и страшным, чтобы его немцы боялись. Ты еще

серый, не был на австрийском фронте или на японском в 1904 году, а я был. Мы по шесть месяцев не умывались, а от этого солдаты были злее и били врагов, как грачей!

— Иди сюда! — приказал командир.

Макаров, сделав несколько шагов, остановился перед ротным.

— Это тебе за образцовую чистоту! — сказал он, ударяя Макарова палкой по голове. — А это за то, что ты большой умник! А это за Карпачова! А это за карты. А это за крамолу! А это на здоровье! — Удары ротного сыпались, как дождь. Стальная каска издавала глухие звуки. — Вон из землянки, сволочь! — заревел ротный при последнем ударе.

Повернувшись на каблуках, Макаров направился к выходу.

— Десять нарядов вне очереди! — закричал вслед Макарову ротный.

Придя в свою землянку, Макаров никому не сказал ни одного слова. Он знал, что в этом повинен Котов.

В БОЯХ

Шли дни за днями, недели за неделями. Немцы в наступление не шли, французы также. Французское командование надеялось на русский фронт и заняло выжидательную позицию. На Реймском участке было особенно тихо. Лишь иногда случались артиллерийские незначительные перестрелки. Однажды ротный командир четвертой роты капитан Семенов вместе со своим фельдфебелем Гук, напившись пьяными, решили сделать самостоятельную разведку, не поставив в известность ни штаб полка, ни соседние роты. В час ночи сто с лишним человек под командой двух пьяных начальников вышли из окопов и направились к расположению немецких позиций. Ночь была темная. Линия фронта была не ровная. Участок четвертой роты вдавался в тыл фронта, а участок второй роты выдался вперед по направлению к немецким окопам. Пройдя свои проволочные заграждения, разведка сбилась с пути и напоролась на проволочные заграждения второй роты своего же полка. Как только команда заметила проволочные заграждения, — сейчас же приступили к прорезке проходов, думая, что режут немецкие заграждения.

Секретные посты второй роты, услышав шорох, сообщили дежурному по участку, тот в свою очередь сообщил ротному командиру. Были приняты все меры к встрече противника. Стрелки вышли из землянок и заняли свои ме-

ста на боевых ступенях окопов. Пулеметы были наведены на те места, откуда слышался шорох. Минометчики у своих аппаратов стояли наготове, ожидая сигнала, чтобы открыть огонь.

Звуки перерезываемой проволоки раздавались все сильней и сильней. Рота замерла и в волнении ждала сигнала к бою. Все распоряжения ротного командира передавались по цепи шопотом. Вдруг красная ракета с шумом взвилась вверх и, разорвавшись в воздухе, повисла на шелковом парашютике, покачиваясь и ярко освещая окружающую местность и солдат четвертой роты, занятых прорезкой проволочного заграждения.

Это был условный сигнал к открытию огня. Разом заговорили пулеметы, застонали минометы, затрещали винтовки, зашипели траншейные пушки, стреляющие сжатым воздухом, полетели ручные гранаты, освещая взрывами лежащих в траве солдат. За проволочным заграждением послышались крики и стоны. Но и по крикам в этой суматохе и громе никто не узнал, что бьют своих.

Ужасная стрельба продолжалась около часа. Ротный командир второй роты решил отбить атаку противника силами своей роты, не прибегая к помощи артиллерии. Этим он спас от полного истребления солдат четвертой роты, которые, встретив такое сильное сопротивление мнимых немцев, отступали ползком. Благодаря какой-то случайности, разведка добралась до своих окопов, не нарвавшись в переполохе на огонь немцев. Эта пьяная затея ротного и фельдфебеля обошлась в двадцать семь убитых и в тридцать шесть раненых. Скрыть эту вылазку было нельзя.

Солдаты роптали на высшее начальство. Первая рота возмущалась и во всем обвиняла командира батальона Иванова, который скрыл от бригадного командира всю правду об этом возмутительном поступке капитана и фельдфебеля. А Иванов был недоволен только тем, что пострадала его любимая рота. Он открыто об этом говорил и добавлял, что если б на месте четвертой роты оказалась первая, то он был бы очень доволен. Иванов и до сих пор никак не мог забыть исчезновения Петрыкина, о чем он при каждом случае напоминал и продолжал грозить, что бросит нашу первую роту на немецкие заграждения, чтобы ни один солдат не вернулся и не остался в живых.

НА ОТДЫХЕ

В октябре русскую бригаду заменили французские войска и она ушла в лагерь Майи. Мы расположились в тех же

бараках, в которых помещались и раньше, по приезде из Марселя. Во время этого «отдыха» Иванов возобновил свои издевательства над первой ротой. Он принимал всевозможные меры к тому, чтобы выпытать местопребывание Петрыкина.

Но все его попытки не дали никаких результатов.

Тогда Иванов прибегнул к последнему средству. Однажды, когда батальон вышел в поле на занятия, Иванов подъехал к первой роте и, после небольшой паузы, скомандовав «смирно!» — приказал подпрапорщику Кучеренко вывести из строя десятого, двадцатого и т. д. Всего было выведено восемь человек. Эту группу сейчас же направили в четвертую роту в распоряжение фельдфебеля Гук.

В этот же вечер были избиты розгами шесть солдат за то, что три дня назад их заметили выпившими. На следующий день порка происходила во второй роте, где были избиты четыре человека. Трое были избиты за картежную игру, а четвертый за то, что отказался бить розгами троих «виновных».

Часов в семь в первую роту пришел Иванов в сопровождении всех ротных командиров первого батальона и нескольких полуротных офицеров. Собравшись в первом бараке, рота выслушала приказ, что такие-то солдаты, замеченные ротными командирами в картежной игре на фронте, подлежат порке.

Иванов предложил привести приказ в исполнение сейчас же, в его присутствии.

Выслушав капитана, рота заволновалась. Крюков потушил электрический свет и крикнул:

— Не дадим бить, довольно! Бей Иванова!

Офицеры струсили, солдаты сжали их в кольцо. Иванов получил несколько крепких ударов. Еще момент и солдаты подняли бы его на штыках.

На третий день был прочитан приказ командира бригады, где он категорически запрещает наказывать солдат розгами. После этого приказа солдаты обоих полков благодарили первую роту за то, что она своим действием заставила командира бригады отменить в полках наказание времен крепостного права.

Простояв в лагере Майи месяц, бригада в ноябре снова выступила на фронт. В этот раз наш участок был перед фортом Бремон и деревней Курси, занятыми немцами. Форт Бремон находился на большой возвышенности, и с него немцам далеко было видно расположение французских позиций. Второй полк занял участок против форта, а первый расположился на правом фланге против деревни Курси. Участок

как немцами, так и французами был хорошо укреплен. Между немецкой второй и третьей линиями протекал канал, а за каналом начиналось подножие форта Бремон.

Занятый участок нам предложено было хорошо изучить, запомнить точно расположение землянок и ходов сообщения. Простояв три месяца, мы так хорошо изучили свои участки, что знали каждую пядь. Каждый из нас знал, где находятся пулеметы, минометы, знали все секретные, замаскированные от неприятеля ходы сообщения, тайные склады гранат и патронов, в каких землянках находились телефоны.

Командир батальона Иванов из лагеря Майи на фронт вернулся позже. Он оставался в лагере судить восемь им арестованных солдат. Суд под его председательством вынес всем обвиняемым смертный приговор — расстрел. Привести приговор в исполнение было предложено французам, но они отказались. Потом было предложено неграм, — те также отказались. Приговор привели в исполнение русские унтер-офицеры из запасного батальона, не бывшие на передовых позициях. Они все время находились в лагере Майи и занимались подготовкой солдат, прибывающих из России для пополнения полков, находящихся на передовых позициях. Приговор в исполнение приводился в окрестностях лагеря Майи. Рано утром, как рассказывали очевидцы, приговоренные под усиленным конвоем были отправлены к месту казни. Их заставили самих же вырыть могилу, и после того как могила была готова, полковой поп предложил всем осужденным принять исповедь и причастие. Приговоренные ответили отказом, отпустив по адресу попа несколько крепких слов, и встали перед вырытой ими могилой. Раздался залп из нескольких винтовок, и восемь ни в чем неповинных солдат упали в приготовленную могилу. Некоторые были не убиты, а тяжело ранены. Из могилы неслись их предсмертные крики. По команде офицера в могилу был дан второй залп. Крики прекратились. Могила была быстро завалена землей, сверху заложена дерном, притоптана, — и место казни приняло прежний вид, как будто бы здесь ничего и не произошло. О суде и расстреле фронтовики узнали только месяца через три, находясь на передовых позициях.

В феврале 1917 года наша бригада ушла в резерв, сдав занимаемый участок французским войскам. Оба полка расположились в двух соседних деревнях, окрестности которых очень походили на местность под фортом Бремон и Курси. До самого конца февраля бригада производила тактические занятия, а потом были произведены маневры.

Вначале первый полк засел на одной возвышенности, которая представляла из себя форт Бремон, а второй полк шел в наступление. Потом второй полк занял предполагаемую деревню Курси, а первый вел на эту деревню наступление. Репетиция боя повторялась несколько раз.

В конце февраля бригада была неожиданно поднята ночью и выведена из деревень на новое место стоянки, километров за десять, в лес, где был расположен громадный замок, а вокруг него целый ряд жилых построек и конюшен. Замок и все постройки были битком набиты солдатами. Вокруг леса была выставлена усиленная охрана. Охране было приказано следить днем и ночью за тем, чтобы ни один солдат без особого письменного распоряжения ротных командиров из лесу не выходил. Было приказано не подпускать к нам ни одного француза, военного или штатского. При малейшей попытке пройти в лес или выйти из него было приказано расстреливать на месте. Чем была вызвана такая предосторожность, никто из нас тогда не знал.

ФОРТ БРЕМОН

В конце марта бригада выступила из замка и расположилась километрах в десяти от передней линии занимаемого нами раньше участка. В ясную погоду отсюда был хорошо виден форт Бремон.

Мы остановились для того, чтобы отдохнуть перед боем. Находясь на этом участке, мы впервые услышали о Февральской революции в России.

Эта весть сразу взбудоражила всю бригаду. Солдаты начали собираться группами, вели между собою оживленные разговоры. Но точно никто не знал, что происходит в России. Да и сам слух о революции был не официальным, поэтому обсуждали новость не открыто, а тайно, пока несмело. Офицеры, видя возбужденное настроение солдат, доложили об этом высшему начальству. Командир бригады, генерал Лохвицкий, вызвал к себе всех офицеров на совет.

Через некоторое время ротные командиры собрали свои роты и объявили, что не нужно верить всяким вздорным слухам о какой-то революции, что в России пока ничего не случилось и все осталось по-старому. Никаких официальных приказов еще нет, есть только предположение, что будто бы царь Николай, сильно уставший, добровольно отказался от престола и передал царствование своему брату Михаилу. Но и эти сведения не официальные. Поэтому солдаты не должны обсуждать это, а продолжать драться до окончательной победы над врагом.

Вот все, что могли узнать русские солдаты от своих командиров о Февральской революции.

Накануне пасхи, в субботу, вечером, полковыми попами были отслужены в полках молебны, и было объявлено, что сегодня в два часа ночи бригада идет в наступление. Первому полку была дана задача: взять деревню Курси, а второму — форт Бремон.

Артиллерия била по Курси и форту Бремону беспрерывно девятый день. Немцы в долгу не оставались: на каждый залп они отвечали залпом. Их снаряды падали всюду и очень многие рвались на месте расположения русских войск. Днем в окрестностях форта Бремона и деревни Курси кружились французские и немецкие аэропланы. Часто между ними происходили воздушные бои. Зенитная артиллерия била по аэропланам как с той, так и с другой стороны. От выстрелов зенитной артиллерии небо покрывалось дымовыми облачками, осколки от рвущихся в воздухе снарядов падали на землю, убивая и нанося иногда тяжелые ранения солдатам. За эти пять-шесть дней несколько немецких аэропланов было сбито французской артиллерией.

В двенадцать часов ночи наши полки были выстроены. Многие ротные командиры и другие офицеры были пьяны. После объяснения боевой задачи полки двинулись по заданному направлению. Была теплая весенняя ночь, артиллерийская канонада гремела все сильней и сильней.

Роты шли наощупь, огня зажигать нельзя было, не разрешалось курить и громко разговаривать.

Дойдя до третьей линии окопов, первый батальон был задержан для пополнения патронами и гранатами. По распоряжению из штаба, второй и третий батальоны второго полка должны были итти головными. Первый же батальон шел резервом. В три часа утра, на рассвете, два головных батальона дошли до своей первой линии. Первый батальон в это время находился на второй линии окопов. Несмотря на то что на этом участке батальон простоял ранее около трех месяцев, солдаты не узнали знакомого участка. Он до неузнаваемости был изменен артиллерийским огнем. Не осталось ни одной землянки или хода сообщения непострадавшим от обстрела. Весь участок был изрыт воронками громадных размеров. Всюду лежала спутанная колючая проволока, остатки от проволочных заграждений.

Трупы убитых, изуродованных солдат лежали на каждом шагу. По всему участку раздавались стоны и крики раненых и умирающих солдат второго и третьего батальо-

нов. Многие просили товарищей добить их. Несколько человек от сильных контузий сошли с ума. Они бегали по фронту, кричали, грозили кому-то кулаками.

Снаряды продолжали уродовать и дробить человеческие тела. Картечь с треском рвалась над головами солдат первого батальона. Немцы по сигнализации своего аэроплана, все время кружившегося над расположением наших войск, взяли точный прицел. Снаряды ложились прямо в окопы второй линии, нанося большие потери первому батальону.

В три с половиной часа утра французская артиллерия усилила огонь, а в четыре часа второй и третий батальоны выступили из окопов первой линии и пошли в наступление. Первый батальон продвинулся на переднюю линию, ожидая каждую минуту приказа выйти в помощь головным батальонам.

С большими потерями второй батальон под командой подполковника Готуа выбил немцев из передней линии окопов, заставив их отступить на вторую линию, по направлению к форту Бремон. Продолжать дальше атаку второй батальон не мог, он потерял больше половины убитыми и ранеными. Немцы из второй линии открыли ураганный пулеметный и ружейный огонь. Легкая артиллерия немцев жестоко била по расположению второго батальона, особенно по линии между вторым и первым батальонами, не давая возможности первому батальону выступить из окопов на поддержку. С третьим батальоном потеряли связь, и никто в первом и втором батальонах и в штабе полка не знал, что с ним творится.

Получив приказ, первый батальон под сильным артиллерийским и пулеметным огнем немцев выступил из окопов и пошел на помощь второму батальону. Снаряды крошили солдат. Командир батальона Иванов, не выходя из своих окопов, был легко оцарапан и тут же в сопровождении двух санитаров отправился в резерв, забыв о своем батальоне, о солдатах. Вначале он отсиживался в землянке бригадного командира, а потом уехал в Париж на правах раненого.

Слившись со вторым батальоном, первый, под командой подполковника Готуа, быстрой и энергичной атакой выбил немцев из второй линии. Немцы были вынуждены отступить за канал, на третью линию, к подножию форта Бремон.

При первом батальоне русских войск с начала наступления находился английский полковник наблюдатель. Он ни с кем не разговаривал, ни о чем никого не спрашивал, выбирая более удобные для наблюдения места, тщательно следя за наступлением русских, рассматривая в бинокль немецкие траншеи.

Вдруг я заметил, что англичанин как-то неожиданно свернулся. Прошло минут двадцать, полковник все не подымался. Я решил подлезть к нему, предполагая, что с полковником случилось несчастие. Дотянувшись до англичанина, я его слегка дернул, — он не пошевелился, я дернул сильней, — тоже самое. Для меня стало ясно, что он убит. Приподняв голову полковника, я увидел на лбу след пули, смерть в таких случаях приходит моментально.

Я снял с правой руки полковника браслет, на котором было выгравировано имя и фамилия убитого, его домашний адрес и часть, в которой он служил. Такие браслеты были у всех войск на французском фронте, были они выданы и русским солдатам. По этим браслетам опознавали убитых, если они во время боя были изуродованы.

В полевой сумке полковника, кроме фотографической карточки, на которой был снят мужчина с женщиной и девочкой, я нашел еще книгу на английском языке.

Зная латинские буквы, я прочел на первой странице подпись под портретом неизвестного для меня человека: «Ленин».

После боя солдат Платнов, имевший высшее образование, подтвердил мне, что я прочел подпись совершенно правильно, но большего сообщить не мог. Так для меня Ленин и остался неизвестным до приезда к нам из Парижа русских эмигрантов, уже после Февральской революции.

Целый день гремела канонада. Немцы три раза переходили в контратаку вплавь через канал, но вернуть потеряные позиции им не удалось. Ночью первый батальон окопался около самого канала, на противоположной от немцев стороне. Расстояние, отделяющее нас от немцев, было не больше сорока метров. Целую ночь с обеих сторон канала трещали пулеметы, рвались ручные гранаты, и канал беспрестанно освещался ракетами разных цветов. Артиллерия затихла. Солдаты первого батальона, воспользовавшись этим затишьем, углубили новые окопы и слили их в одну сплошную линию.

На рассвете в окопе второй линии, на боевой ступени, был обнаружен застывший труп старшего команды разведчиков первой роты Котова. Голова его, пробитая пулей в затылок, была склонена на бруствер окопа. Руки его сжимали винтовку, наведенную в сторону немцев. Повидимому Котов был убит в тот момент, когда он стрелял по отступающим немцам. Карпачов твердо сдержал свое слово и привел свой план в исполнение. Все были довольны, что Котов убит. Жалели о том, что вместе с ним не был убит

и Калмыков, который с небольшим ранением еще днем был отправлен в госпиталь.

В окопах от раскаленного стрельбой воздуха стояла духота. Всем страшно хотелось пить, но воды не было. Подвезти из резерва воду и продукты было невозможно, мешал пулеметный огонь. Некоторые смельчаки пытались достать воду из канала, но эти попытки стоили им жизни.

Утро наступило пасмурное, густой и плотный туман низко опускался над фронтом. Немцев за каналом совершенно не было видно, только был слышен у них тихий разговор. До четырех часов дня на участке было спокойно. Ни немцы, ни мы огня не открывали.

Вдруг в половине пятого раздались первые выстрелы немецкой артиллерии. Через несколько минут выстрелы слились в общий гул, земля задрожала от взрывов, покрываясь новыми воронками. Легкие снаряды с пронзительным свистом били по нашим новым окопам. Тяжелые снаряды с ровным клокотанием пролетали через окопы и рвались далеко позади, в резерве. Такие снаряды солдаты называли штабными. Французская артиллерия молчала, немцы с каждой минутой увеличивали огонь. Дальше держаться на берегу канала в окопах было невозможно. Взводные унтерофицеры старались сообщить об этом командиру батальона, но его никто не видал и не знали, где его можно было найти.

Телефонисты позвонили в штаб полка, оттуда сообщили, что, вместо раненого Иванова, командиром первого батальона назначен подполковник Петров, который скоро прибудет на передовые позиции и примет командование батальоном. Взводные запросили вторично, но ответа также не последовало. Единственный офицер во всем батальоне, контуженный подпоручик Чистяков, не решался взять на себя ответственность за отступление. И только тогда, когда начальник пулеметной команды поручик Быховский, не желая подвергать разгрому свою команду, отвел ее на вторую линию, взводные также отступили под свою личную ответственность.

На второй линии батальон, выставив в окопах необходимые посты, расположился в хорошо укрепленных бывших немецких землянках. В восемь часов вечера, когда люди первого батальона успели отдохнуть и немного, кто чем мог, закусить, а также установить связь со вторым батальоном, от неизвестного командира батальона Петрова, по телефону, было получено распоряжение отступить от канала на вторую линию. Все эти три часа, которые первый батальон употребил на отдых в землянках, немцы продол-

жали усиленно обстреливать окопы на берегу канала, оставленные русскими. Они видимо не заметили отступления русских на новые позиции и так взмесили окопы, что там образовалась сплошная площадь взбитой, как пух, земли. И если бы мы продолжали на канале ждать распоряжения командира батальона, то не осталось бы в живых ни одного солдата. Занятая первым батальоном позиция имела некоторую возвышенность над каналом, и отсюда было хорошо видно, что делается на обоих его берегах.

После восьми часов вечера немцы еще усилили артиллерийский огонь. В продолжение получаса они буквально засыпали снарядами весь участок, но не касаясь той линии, которую занимал первый батальон. За дымовой завесой немцы перешли канал и бросились в атаку на пустые разрушенные окопы. Увидев, что в них нет ни одной живой души, они начали продвигаться по ходам сообщения вперед, по направлению ко второй линии. Движение немцев было замечено во-время, и первый батальон, выйдя из землянок, занял всю линию, приготовившись к встрече. Гренадеры стерегли хода сообщения, по которым продвигались немцы. Они ждали только более удобного момента, чтобы встретить их.

Немцы, пройдя несколько шагов, остановились и залегли под всевозможными укрытиями. Стрелять в них из пулеметов и винтовок было бесполезно, а бросать ручные гранаты не позволяло расстояние. Французская артиллерия продолжала молчать. Солдаты первого батальона находились в трепетном волнении. На всем батальонном участке было два офицера — Быховский и Чистяков. Остальные офицеры и подпрапорщики исчезли. Все распоряжения отдавались взводными унтер-офицерами.

Переждав несколько минут, немцы начали продолжать продвижение перебежками по отделениям. Артиллерия и сильный пулеметный огонь из-за канала прикрывали их наступление. Цепи шли одна за другой. Было заметно, что немцы за ночь получили свежие резервы. В этот момент появился полковой поп, скрывавшийся где-то в ближайшей землянке. В руках у попа был крест, которым он усердно благословлял русские войска на «подвиг ратный», пророча всем павшим в бою «за веру царя и отечество» царство небесное. Стоявший неподалеку со своими снайперами Макаров, видя, что поп направляется обратно в землянку, с иронией сказал:

— Вы бы уж, батюшка, не уходили, остались бы с нами, — видите, что у нас кроме одного контуженного подпоручика Чистякова нет ни одного офицера. Солдаты в ожи-

дании большого боя волнуются, а ваше присутствие я считал бы необходимым. Вы подняли бы дух у солдат, а то не ровен час...

Поп, не ожидавший этих слов, высоко поднял голову. Он долго смотрел со злобою на Макарова, не находя подходящих слов для ответа. Потом, опомнившись, он проговорил:

— Нет, солдатик, нет. Я не могу здесь оставаться. Это не входит в мои обязанности. Какой я вояка, какой я воякa? — зачастил он. — Я и так сделал великое и святое дело, благословив святым крестом христолюбивое воинство перед боем.

Макаров рассмеялся, а когда поп скрылся в землянку, — проговорил:

— Да, рыжий чорт! Благословлять наверное лучше, чем встречать атаку немцев!

Немцы быстро приближались не встречая препятствий на своем пути. Часть их продвигалась по открытой местности перебежками, а большая часть, не желая подвергать себя опасности, шла сплошной массой в затылок друг другу по ходам сообщения.

Наши солдаты, хорошо видя наступающих немцев, огня не открывали. Между взводными командирами было решено подпустить немцев как можно ближе,а потом сразу открыть пулеметный, ружейный и гранатный огонь. Всем было сделано распоряжение — до команды ничем не выдавать своего присутствия.

Немецкая артиллерия перенесла огонь дальше. Бить по линии, занятой русскими, она не могла, боясь нанести урон своим войскам. Подойдя к окопам метров на шестьдесят — семьдесят и не видя нас, немцы остановились, постояли несколько минут и бросились в атаку.

Наши взводные командиры, как будто бы сговорившись, сразу подали команду: «огонь!». По этой команде грянул залп из тысячи винтовок, затарахтели по всему участку легкие пулеметы. Гренадеры, защищающие хода сообщения, выбрасывали сотни гранат в сбившихся в ходах сообщения немцев, нанося им громадные потери.

Справа от первого батальона строчили несколько десятков пулеметов команды Быховского. Немцы были ошеломлены, никак не ожидая такой страшной встречи. В ходах сообщения образовалась пробка. Немцам нельзя было продвинуться ни вперед, ни назад... Ручные гранаты летели на них беспрестанно, превращая людей в крошево. Выбраться же из ходов сообщения немцам тоже было нельзя, так

как на поверхности их ожидал ураганный пулеметный и ружейный огонь снайперов.

Вдруг во французском тылу раздался такой залп, что, казалось, лопнул земной шар на несколько частей. Это французская артиллерия ударила из сотен орудий. Снаряды ложились по обоим берегам канала. Немецкие войска оказались в смертельной ловушке. Они бросались в разные стороны. Артиллерия била беспощадно, и через полчаса от немецких войск, перешедших канал, не осталось ни одного человека.

Снова мы продвинулись вперед и вновь построили окопы на берегу канала. Продвигаться за канал самостоятельно не решались, а начальства не было. Не было и связи с третьим батальоном, находившимся где-то между первым и вторым батальонами и соприкасавшимся будтобы с первым полком, который на правом фланге взял деревню Курси и в ней укрепляется.

С десяти часов вечера и до двух часов ночи на участке восстановилась тишина. Артиллерия с обеих сторон молчала, не было и пулеметной и ружейной стрельбы.

Я, Макаров и рядовой его отделения Горчаков сидели в новом окопе. Горчакова все любили и называли Василием Михайловичем. Он был рабочим тульского завода. Василий Михайлович очень любил петь, и всегда, где бы то ни был, не обращая внимания на окружающую обстановку, он вполголоса напевал ту или другую песенку. Ночь была холодная и Василия Михайловича пробирала дрожь. Заметив, что Горчакову холодно, Макаров передал ему свою палатку. Укрывшись в палатку и осторожно, чтобы не заметили немцы, покурив вместе с нами, Василий Михайлович потихоньку замурлыкал.

Немцы начали изредка побрасывать снаряды. Один из них разорвался недалеко от нашего окопа, засыпав нас землей. Отряхнувшись, Василий Михайлович крепко выругался и продолжал песенку. Так прошло около часа времени. Макаров, сидя на корточках, задремал. Клонило и меня ко сну... Вдруг мы были подняты сильным взрывом окопа на берегу канала. Осколки с жутким визгом летели в разные стороны. Когда опять все смолкло, я увидел, как Макаров быстро оторвался от стенки окопа и огляделся. Заметив, что Горчаков сидит, прижавшись к стенке, он сказал:

— Василий Михайлович, вставай, все прошло...

Василий Михайлович не отозвался. Макаров бросился к Горчакову и, схватив его за плечи, начал сильно трясти. Василий Михайлович не пошевельнулся. Он был мертв.

Осколок снаряда перебил ему шею. Крупные слезы покатились по огрубевшим от ветра щекам Макарова. Он задыхался от душившего его волнения. К нам подошел младший унтер-офицер Оченин. Увидев мертвого Василия Михайловича, он обнажил голову. Ему также было очень жаль этого славного, хорошего товарища. Мы долго молча сидели рядом с телом Горчакова, а потом с болью в сердце зарыли его в неглубокой яме рядом с окопом.

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Перед рассветом, сдав участок французам, наша бригада ушла в резерв. Она была сильно потрепана. В некоторых ротах осталось по тридцать — сорок человек. Люди были изнурены трехдневным боем, бессонными ночами и отсутствием питания. Оборванные, с ввалившимися глазами, грязные, голодные, еле волоча ноги, мы медленно плелись в тыл. Пройдя километров пятнадцать, мы остановились в небольшой деревне. Пообедав и немного отдохнув, солдаты в беспорядке пошли дальше.

Целую неделю не могли точно установить, кто убит, ранен или пропал без вести. Те, кого считали убитыми, оказались в лазарете; которых считали ранеными — пропали без вести. Ясно было одно: в плен не попал ни один солдат.

Все старшие офицеры, начиная с ротных командиров, кроме полковника Готуа, в бою участия не принимали. Они, слегка раненые, а в большинстве совершенно здоровые, оставили свои части на младших офицеров и ушли в резерв. Они находились в землянке командира бригады генерала Лохвицкого и пьянствовали. А через три дня, когда закончился бой, в глубоком тылу, на стоянке, нам был, наконец, прочитан приказ о Февральской революции и о том, что начальство нужно теперь называть по-новому: господин генерал, господин полковник.

Солдаты немедленно организовали ротные, полковые и отрядный комитеты. Начались частые собрания. К начальству мы предъявили ряд претензий на неправильные действия офицеров, нечеловеческое отношение в лазаретах к раненым. Вернувшись из лазаретов, солдаты рассказывали нам, что их плохо лечили, скверно с ними обращались. Раненых, у которых были на привязи руки, заставляли колоть дрова. Для осмотра лазаретов были созданы комиссии из врачей и солдат.

К концу апреля большинство раненых солдат вернулось в части, но офицеров все еще не было. Командира

полка Дьяконова, командира батальона Иванова и командира первой роты подполковника Юрьев-Пековец также не было. Они продолжали «лечиться» в Париже. Солдаты были возбуждены и злобно настроены. На общих собраниях стали требовать немедленной отправки в Россию. Офицеры на собраниях почти не участвовали, но знали все, что говорилось на собраниях через подпрапорщиков, фельдфебелей и денщиков.

Появившаяся еще раньше трещина между солдатами и офицерами, теперь увеличивалась с каждым днем. Вернувшийся Иванов вступил во временное командование полком. Он собрал всех солдат первого батальона и долго говорил о том, как теперь нужно вести нам себя, солдатам «свободной республики». Но его никто не слушал. Солдаты хотели знать другое: когда французы по-человечески будут относиться к русским раненым; скоро ли полки получат отдых в оборудованном лагере; где будет возможно сходить в баню, в кино и постирать белье; когда русские войска будут отправлены домой. Ни на один вопрос Иванов не дал положительного ответа. Солдаты разошлись с собрания, не желая больше слушать болтовню полковника. Хотя он и старался изобразить из себя старого революционера, но мы понимали, что Иванов нахально врет, он просто хочет втереться в наше доверие. Солдаты крепко помнили его проделки в лагере Майи с первой ротой за побег Петрыкина и ясно представляли себе, что это за птица.

Полковой комитет второго полка вынес постановление о проведении демонстрации и митинга Первого мая. Сбор был назначен в деревне, занимаемой вторым батальоном. Эта деревня находилась в середине между деревнями, занимаемыми первым и третьим батальонами. А двадцать восьмого апреля был получен приказ командира бригады о том, чтобы все тяжелые и легкие пулеметы полков передать французским инструкторам для проверки и ремонта. Солдаты сразу сообразили, что здесь не проверкой пахнет, а разоружением. И все как один заявили, что пулеметы исправны, ремонтировать их нечего. Что же касается проверки, то мы и сами, дескать, сумеем проверить их не хуже французских инструкторов. Несмотря на все уговоры и разъяснения офицеров и самого полковника Иванова, ни один пулемет сдан не был и французские инструктора уехали не солоно хлебавши. По постановлению общих собраний рот в этот же день во всех дворах, где стояли пулеметы, были выставлены круглосуточные, вооруженные винтовками, караулы, и никого без письменного разреше-

ния комитета во двор не пропускали. Тридцатого апреля Иванов на общих собраниях батальонов зачитал второй приказ командира бригады, которым запрещалось устраивать первомайскую демонстрацию и митинг. Солдаты ответили Иванову: «Демонстрация и митинг будут проведены».

ПЕРВОЕ МАЯ

Первого мая рано утром все мы были на ногах. Всюду можно было видеть группы солдат, старательно чистивших винтовки, пулеметы, легкие траншейные пушки. Чистились сапоги и медные бляхи поясков. Портные шили красные знамена, музыканты терли мелом инструменты. Артельщик первой роты Харлашка выскоблил походную кухню и украсил красными флажками сбрую кухонных лошадей. Кухня была на полных парах. Харлашка затопил ее с таким расчетом, чтобы сразу после митинга раздать солдатам специально приготовленный первомайский обед. Сам он был в красной сатиновой рубашке и с красным бантом на груди.

Когда весь батальон был в сборе, вынесли развернутое полковое знамя. Старший унтер-офицер Сабанцев, человек трех аршин и двух вершков, встал со знаменем впереди батальона. Музыканты полка выстроились позади знаменосцев. Все офицеры, за исключением капитана Савицкого, командира минометной команды, и поручика Быховского, командира пулеметной команды, категорически отказались участвовать в демонстрации, хотя к ним посылали специальную делегацию из представителей ротных комитетов.

Команду подавал член полкового комитета Сапронов. По команде: «шагом марш!» в такт музыке тысяча ног ударила о твердую землю. Демонстрация началась.

Солдаты шли ровно, плавно, не сбиваясь с ноги. Начищенные штыки слегка покачивались. За стрелками шли пулеметчики под командой Быховского, забрав с собою все до единого пулемета. За пулеметчиками со всеми минометами шли минометчики под командой капитана Савицкого. У всех было приподнятое настроение, и три километра до соседней деревни прошли быстро и незаметно.

Около деревни, в которой стоял второй батальон, был хороший ровный плац. На этом плацу и построился первый батальон, в ожидании второго и третьего. Скоро подошли и они. Построенный полк представлял из себя букву П.

Отдохнув минут десять—пятнадцать и покурив, солдаты начали становиться и выравниваться. На середине плаца была поставлена на высоких колесах французская

арба, заменявшая трибуну. После команды «смирно» председатель полкового комитета Балтайс взошел на трибуну-арбу и, поздравив полк с международным праздником рабочих, сделал, однако, небольшой и довольно туманный доклад о русской Февральской революции и о значении Первого мая. После выступления Балтайса говорили солдаты.

Время шло незаметно. После каждого выступления оратора раздавался гром аплодисментов. Французские солдаты и мирные жители окружающих деревень, собравшиеся в большом количестве вокруг полка, также громко аплодировали. В самый разгар митинга на дороге к деревне показался конный отряд — около пятидесяти всадников. Узнать, кто едет, сразу было нельзя, поднятая лошадьми пыль скрывала форму всадников. Но как только отряд свернул с шоссе и поехал к полку по мягкой весенней траве, мы узнали полковника Иванова, ехавшего впереди отряда, состоящего из всех офицеров второго особого полка. Подъехав к митингу, отряд офицеров остановился. Иванов выехал вперед и попросил подойти к нему руководителя собрания. Три члена полкового комитета приблизились к Иванову и долго с ним переговаривались. Потом Иванов вернулся к офицерам, а члены комитета подошли к трибуне и весь разговор с полковником передали Балтайсу, который тут же доложил, что из Парижа приехал представитель русских войск во Франции генерал Палицын, он скоро прибудет сюда, на смотр второго полка. Поэтому Иванов просит скорей закончить митинг, чтобы он и офицеры могли занять свои места.

Полк зашумел. Раздались со всех сторон крики:

— Не допускать! Звали — не шли! Теперь не надо!.. Обойдемся без них!

Балтайс просил допустить.

Тогда крики усилились:

— Долой! Не принимаем! Пусть в сторонке постоят!

На все уговоры Балтайса солдаты очень дружно кричали:

— Долой! Не надо!

Митинг продолжался. Ораторы выходили на трибуну один за другим.

Офицеры верхами стояли в стороне тесной кучкой.

Вскоре на дороге показался автомобиль. Подъехав к офицерам, он остановился. Из него вышел генерал Палицын, его адъютант и генерал Лохвицкий. Генерал Палицын недавно был назначен вместо генерала Жилинского и его до сих пор из солдат никто не видел. Это был старик лет

шестидесяти пяти, с седой бородой, грузный, сутуловатый, с одутловатым, обрюзглым лицом. Адъютант Палицына, в чине подполковника, молодой, лет тридцати пяти, высокий брюнет подошел к Балтайсу и другим членам комитета и передал, что генерал Палицын желает посмотреть героев форта Бремона и побеседовать с ними.

Балтайс с трибуны передал полку слова адъютанта.

Солдаты закричали:

— Просим! просим!

Палицыну кем-то из офицеров была подана лошадь и он, сев на нее, в сопровождении генерала Лохвицкого и всех офицеров подъехал к полку. Балтайс подал команды:

— Полк, смирно! На караул!

Солдаты взяли винтовки на караул.

Выехав на середину полка, Палицын поздоровался. Полк ответил дружно. После приветствия Палицын в сопровождении адъютанта, генерала Лохвицкого и полковника Иванова проехал вдоль фронта полка и остановился у трибуны. Балтайс подал команду «к ноге».

Палицын, не сходя с седла, начал говорить. Говорил он тихо, несвязно, путаясь почти на каждом слове. Нельзя было понять из его речи, что он хотел сказать. Речь свою он закончил такими словами:

— Русская армия теперь не царская армия, а армия революции, армия свободного народа и свободной страны. Но это не значит, что мы не должны воевать. Наш общий враг — Германия — еще не добита, и мы должны теперь вместе с свободной армией Франции приложить все усилия и разгромить германскую армию окончательно. Тогда победители будут устраивать свою свободную жизнь!

Последние слова генерала больше всего не понравились солдатам. По рядам послышались выкрики:

— Иди сам воюй, старый чорт, а с нас хватит. Мы уже навоевались за три года!

Первым после генерала выступил Макаров. Он говорил о том, что генерал не передал нам ничего о русской революции, о положении в России, и о нашем дальнейшем пребывании во Франции. Макаров напомнил генералу, как относятся во французских госпиталях к русским раненым солдатам, а командование — к здоровым войскам. Вместо хорошего, удобного лагеря загнали русские полки в самые глухие деревни, где солдаты после боя не отдыхают, а только больше изнуряются. Дальше Макаров говорил о том, что солдаты с февраля не получают ни одного письма, тогда как раньше они получали аккуратно.

— Мы, оторванные от родины, не знаем, что там творит-

ся, газет из России не получаем, французские газеты читать не умеем, а органу Бурцева «Русский солдат гражданин во Франции» не верим. Он пишет неправду. Приезжающие из Парижа русские эмигранты говорят о России совершенно другое.

Отвечая на выступления, генерал Палицын сказал:

— Да, братцы, я знаю, что у вас мало духовной пищи. Я постараюсь вашу просьбу удовлетворить и сделаю так, чтобы у вас на каждый полк было не по одному священнику, а по два и вы...

Но генералу не дали договорить.

— Долой старого бюрократа! — Крики заглушили слова генерала.

— Гони его в шею!

— Это издевательство над солдатами! На чорта нам твои попы!

Солдаты шумели. Меры, принятые Балтайсом, не действовали, успокоить людей было невозможно. Крики раздавались со всех сторон. Генерал растерялся и не знал, что ему делать. Он весь съежился и, зажав уши руками, поворачивал голову из стороны в сторону. Постепенно начинало суживаться кольцо, приближаясь к трибуне. Генерал повернул лошадь и выехал к группе офицеров, стоявших шагах в двадцати от флангов полка.

Машина генерала тронулась. За ней поскакали офицеры. Вслед им раздались оглушительные свист и крики:

— Ого-го-го! Улю-лю-лю! Держи, лови старого чорта!

Когда машина генерала и всадники скрылись, Балтайс объявил, что митинг окончен. Батальоны пошли по своим деревням. Всю дорогу до места стоянки солдаты вели разговор о митинге и о встрече с Палицыным. Они смеялись над генералом и говорили, что его от этого смотра понос прошибет и шоферу в Париже придется мыть машину. Все были очень довольны всем, что произошло.

После первомайского митинга меры предосторожности были увеличены. Охрану ввели не только у пулеметов, но и у винтовочных пирамид. Собрания рот были почти ежедневно. Заседание полковых и отрядного комитетов — также. Отрядный комитет после долгих хлопот добился отправки полков из деревень в хорошо оборудованный лагерь ля-Куртин. В этом лагере были хорошие каменные двухэтажные казармы, баня, прачечная и водопровод. Рядом с лагерем — железнодорожная станция и торговое местечко с театром, несколькими кино, кафе и магазинами. Вокруг всего лагеря — хороший лес и недалеко протекает река, а близ нее большой плац. За местечком и

плацем начиналось сплошное кольцо гор. Солдаты были довольны лагерем, и зная, что этого лагеря добился отрядный комитет, сплотились вокруг него еще теснее.

В это время из Салоник была переброшена на французский фронт вторая русская бригада, которая выступила на фронт и заняла передовые позиций. В лагере ля-Куртин было получено сообщение, что генерал Палицын после смотра второго полка ушел в отставку, а на его место назначен генерал Занкевич.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛАГЕРЬ ЛЯ-КУРТИН

В конце знойного июня мы с Макаровым вернулись из месячного отпуска, который провели в курортном городе Ницца, у своих «крестных матерей». Нас встретили товарищи как-то особенно шумно, восторженно. После обеда мы пошли небольшой группой в лес, всю дорогу подробно расспрашивая о лагере, о жизни солдат. Унтер-офицер Оченин, близкий мне и Макарову человек, рассказал, что скоро должны приехать из России представители Временного правительства. Носится будто бы слух, что они примут участие в отправке солдат на родину.

Днем в нашем лагере ля-Куртин было тихо. Стояла нестерпимо жаркая погода. На улицах лагеря не было ни одного солдата. Все попрятались в тень. Посторонний человек мог бы и не поверить, что здесь находятся шестнадцать тысяч солдат.

Офицеры высшего ранга по целым дням заседали в штабе дивизии под председательством генерала Лохвицкого и придумывали способ вернуть солдат на «истинный путь», чтобы снова бросить на фронт против немцев; они ежедневно посылали телеграммы в Петроград, в которых просили Временное правительство выслать новые инструкции для дальнейших действий и командировать во Францию полномочного представителя, который сумел бы помочь командованию убедить солдат в необходимости продолжать войну.

Недалеко от офицерского собрания, в центре лагеря, в одноэтажном маленьком домике происходило заседание отрядного комитета, состоящего исключительно из солдат. Офицеры, избранные в отрядный комитет, постепенно, один за другим, выбыли из него и на заседания не являлись.

На повестке дня отрядного комитета стоял единственный вопрос: о немедленном возвращении всех русских войск из Франции в Россию. По этому вопросу шли ожесточенные споры. Председатель комитета Балтайс горячо

доказывал бесполезность обсуждения этого вопроса. Он говорил, что если Февральская революция свергла царское правительство и образовано Временное революционное правительство, то это еще не значит, что война окончена. Ее необходимо продолжать до полного уничтожения германской армии. Дескать, мы не имеем права нарушать договор с союзниками. И если Временное правительство продолжает войну с Германией, то оно поступает совершенно правильно. А раз это так, то Временное правительство не должно отправлять нашу дивизию в Россию.

— Поэтому я, — говорил Балтайс, — заранее заверяю всех членов отрядного комитета, что все постановления ничего не дадут. Они останутся гласом вопиющего в пустыне. Я со своей стороны полагаю, что наши телеграммы не читаются Временным правительством, потому что оно, видимо, считает нашу дивизию разложившейся и вышедшей из подчинения своего командования, что на самом деле так... А те войска, которые не подчиняются своему командованию, считаются изменниками родины и революции. И с нами считаться Временное правительство не будет, а просто попросит французское правительство отобрать у нас оружие как у бунтовщиков и направить на фронт рыть окопы. И нам как боевой дивизии, а в особенности первой бригаде, разбившей наголову немцев под Бремоном и Курси, будет позорно из героев превратиться в недостойных бунтовщиков и изменников революции. Поэтому я предлагаю этот вопрос с повестки дня снять и, больше к нему никогда не возвращаться, а обсудить вопрос о том, какие нужно принять меры совместно с нашим командованием, чтобы убедить наших солдат в правильной политике Временного правительства, и пока не поздно удержать войска от необдуманного требования и заставить их вернуться на фронт.

Когда все желающие высказались по этому вопросу, слово взял заместитель Балтайса — Глоба.

— Товарищи! — начал Глоба. — Неужели мы, двенадцать человек, выбранные из шестнадцати тысяч солдат, до сих пор не можем отдать себе ясный отчет в своих действиях? Неужели мы, так называемые самые лучшие люди дивизии, не можем понять политики Временного правительства, которое защищает тех же царских генералов, тех же крупных помещиков и фабрикантов?

Балтайс уговаривает нас отказаться от нашего требования отправки нас в Россию, предлагает совместно с командованием выработать способ воздействия на солдат, которым можно было бы заставить дивизию охотно пойти снова на

французский фронт воевать против немцев. Да разве солдаты для этого нас выбирали? Разве они для того доверились нам, чтобы мы помогали генералам и полковникам уговаривать наших же избирателей итти воевать против таких же рабочих и крестьян Германии и Австрии, а себе завоевывать новую кабалу помещиков и фабрикантов! Что нам скажут наши солдаты, когда мы к ним придем и будем уговаривать итти на фронт? Да они завтра же выкинут всех нас из комитета как злостных предателей и изберут новых людей, достойных их доверия, способных защищать интересы солдат, а не генералов и Временное правительство, состоящее из помещиков и капиталистов. Нам не нужно итти воевать, нам нечего здесь защищать, у нас нет сейчас ничего. Нам не нужно просить Временное правительство о нашем возвращении в Россию, а нам нужно требовать, и требовать настойчиво!

Товарищи, время пришло воткнуть штыки в землю и громко заявить: долой войну! Довольно рабочим и крестьянам убивать друг друга. Балтайс говорит, что пока мы не уничтожим германскую армию, мы не имеем права отказываться от войны в силу подписанного договора с союзниками. Мы этого договора не подписывали, поэтому нечего нам его и выполнять. А если Временное правительство продолжает вести царскую политику, то пусть оно и воюет, а мы уже навоевались, с нас и трех лет войны хватит.

Балтайс говорил, что пока мы не разобьем германской армии, мы не можем строить свою внутреннюю жизнь на революционных началах. Неправда, товарищи! Нам нужно прекратить братоубийственную войну против германских рабочих и крестьян и объявить войну своим помещикам и фабрикантам, так как добровольной передачи земли помещиками крестьянам ждать нечего, — этого не будет. Балтайс и его сторонники боятся того, что нас здесь обезоружат и отправят на фронт рыть окопы, — этого нам, товарищи, бояться нечего. Винтовки, облитые нашей кровью под Бремоном и Курси, мы не отдадим и вернемся с ними в Россию, где нам они еще пригодятся. Наши русские братья, погибшие на французском фронте, своей жизнью расплатились за эти французские винтовки, и отнять их у нас никто не имеет права.

Я предлагаю, товарищи, послать телеграммы Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов в Петроград, французскому правительству в Париж и главнокомандующему французским фронтом с настойчивым требованием о немедленном возвращении нас на родину. В

телеграмме нужно прямо указать, что все равно на французский фронт мы не пойдем и оружия не сдадим.

Сторонники отправки в Россию долго ему аплодировали, а единомышленники Балтайса — молчали. Когда предложение Балтайса было поставлено на голосование, то оно получило пять голосов, предложение Глобы получило семь, и телеграммы тут же были посланы в четыре адреса.

На следующий день все роты были поставлены в известность о посланных телеграммах, и члены комитета передали подробно, как проходило вчерашнее заседание отрядного комитета. Все возмущались поведением Балтайса и требовали его замены Глобой, хотя которого немногие знали, так как до этого заседания Глоба ни разу не выступал на общих собраниях. Он был недавно проведен в отрядный комитет и выступать ему перед солдатами еще не приходилось.

— Нам не надо такого председателя, — говорили солдаты по адресу Балтайса, — который хочет войны, а нам нужен такой, который добился бы немедленной отправки нас в Россию. Снять Балтайса, арестовать его немедленно, — он продался Лохвицкому, в офицеры метит.

Время шло. Балтайс часто посещал генерала Лохвицкого и подолгу с ним беседовал. О чем они говорили, — это осталось тайной. А если Балтайс иногда и говорил членам отрядного комитета о своем разговоре с Лохвицким, то все им переданное ничего нового не обещало. Он передавал, что будто бы Лохвицкий очень жалеет солдат и просит передать им всем от его имени совет: одуматься, пока не поздно, — иначе может быть неприятная история: представитель русских войск во Франции, генерал Занкевич, собирается принять самые суровые меры к вышедшим из подчинения войскам. Возможно, Балтайс говорил правду, но ему уже стали мало верить, и на эти его слова никто не обратил серьезного внимания из членов отрядного комитета, а солдаты и слышать его не хотели, — все считали его приспешником генералов.

А грозные тучи с каждым днем сгущались над ля-Куртином. Офицеры все реже и реже показывались в своих частях, даже те, которые были присланы Временным правительством, так называемые «революционные офицеры», стали избегать встречи с солдатами.

Так прошел весь июнь. Положение не изменилось. Офицеры среднего ранга усиленно пьянствовали. Высший ранг продолжал ежедневно заседать и слать тревожные сигналы в Петроград. Отрядный комитет никак не мог найти общий язык, а солдаты, чувствуя полное безвластие, начали слиш-

ком вольничать. Из военных складов, которых было в ля-Куртине очень много, начались кражи. Тащили хромовые сапоги, гимнастерки, брюки, сукно. Крали продукты и продавали их местному населению, которое в это время в них очень нуждалось.

Более сознательные и честные солдаты боролись против этих безобразий, сдерживали многих, внушали быть дисциплинированней.

ПРИЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Числа пятого или шестого июля в лагерь ля-Куртин приехал из Петрограда представитель Временного правительства. В первые дни пребывания в ля-Куртине он совещался с Лохвицким и другими высшими офицерами дивизии. На последнем заседании присутствовал Балтайс. Что было на нем решено, для солдат, а также для членов отрядного комитета было неизвестно. Только спустя некоторое время представитель Временного правительства приехал на автомашине в отрядный комитет. С ним был Балтайс. После короткой беседы представитель договорился с комитетом о дне и часе общего собрания дивизии, на котором представитель обещал сделать доклад о русской революции и о положении в России, и быстро уехал.

В этот же день отрядный комитет послал извещение всем ротным комитетам. На собрание предлагалось явиться в полном вооружении под командой командиров рот, а за отсутствием их — под командой председателя ротного комитета, которому вменялось в обязанность подготовить людей к смотру и собранию по всем воинским правилам.

В назначенный час вся дивизия была в сборе. Каждая команда и каждая рота в полном вооружении заняли свои места на плацу и, выровнявшись по всем правилам военного строя, ожидали прибытия представителя.

Собрание было назначено в пять часов вечера, но несмотря на то что вся дивизия была давно в полном сборе, представитель не приходил. Солдаты начали возмущаться. Послышались выкрики:

— Почему нет представителя? Давай его скорей!

— Сказано: семеро одного не ждут... А нас шестнадцать тысяч!

— Зови его, а то уйдем!

В половине седьмого из офицерского собрания вышло более сотни офицеров. Подойдя к своим частям, они заняли

надлежащие места. Все они были одеты в парадную форму. Почти у каждого на груди сверкали кресты и медали. Подав команду «смирно», офицеры проверили строй своих частей, и предупредив солдат, что сейчас приедет представитель, скомандовали «вольно» и разрешили курить.

Только без четверти в семь к построенным войскам подъехал крытый автомобиль, из которого вышел генерал Лохвицкий и одетый в штатское необыкновенной полноты человек. Полковник Дьяконов подал команду. Выстроенные стройными рядами войска взяли на караул. Поздоровавшись с дивизией, представитель Временного правительства в сопровождении генерала Лохвицкого и целой группы офицеров из штаба дивизии прошел вдоль фронта.

Представителю на вид было лет пятьдесят. Он был выше среднего роста, с громадным животом и толстой шеей. Жирный подбородок с несколькими складками висел ниже бороды; его лицо и голова были чисто выбриты. Одет он был в черный фрак, а на голове — темносерая фетровая шляпа. В руках толстая трость с серебрянным набалдашником. Поперек огромного живота висела толстая золотая цепочка часов. Обходя ряды войск с обнаженной головой, он еле двигался, сопя и потея.

Балтайс поднялся на трибуну и объявил войскам, что представитель Временного правительства сейчас сделает сообщение о русской революции и о положении в России и на русском фронте.

— Просим! Просим! — закричали со всех концов солдаты, громко хлопая в ладоши.

Представитель отдышался, вытер несколько раз огромным носовым платком свое лицо и шею и тяжело поднялся на трибуну.

— Солдаты! — сказал представитель.

Вся дивизия притихла и насторожилась.

— Разрешите передать вам горячий привет от нашего Временного правительства. Как представитель его я могу сообщить вам, что до созыва Учредительного собрания, которое решит участь русского народа, мы решили продолжать войну против Германии до полной победы.

Полученные мною сведения о том, что боевая дивизия отказывается от продолжения войны, я считаю неверными. Я не могу допустить даже мысли, что такая храбрая дивизия могла бы это заявить. Я уверен, что вы все как один преданы хозяину России — Временному правительству. Если же среди вас имеются люди, внушающие вам неподчинение вашему командованию, уговаривающие не итти на французский фронт, то имейте в виду, что это говорят измен-

ники и предатели. Таких людей надо изолировать и предавать военно-революционному суду.

Солдаты, не верьте этим шпионам, которые сумели влезть в ваше доверие, — они ведут вас по ложному пути, они сбивают вас на то, чтобы вы требовали немедленной отправки в Россию. Я как представитель Временного правительства официально заявляю, что вы очень много потеряете, если оставите Францию. Во-первых, путь в Россию очень опасен, во всех морях шныряют германские подводные лодки и нападают на все суда союзников. Какой великий грех ляжет на того капитана, который рискнет повезти вас в этот далекий и опасный путь. Временное правительство достаточно ценит, уважает вашу дивизию и никогда не допустит того, чтобы эта храбрая и заслуженная дивизия была отправлена на морское дно. Во-вторых, я вам должен сказать, что в России в настоящее время ощущается большой недостаток в продуктах. А здесь вы питаетесь хорошо.

Я уверен, что не пройдет и трех-четырех месяцев, как мы будем встречать вас на родной земле как победителей!

На этом представитель закончил свою речь.

Офицеры долго и громко аплодировали ему.

Пока представитель сходил с трибуны, солдаты шумели, как рассерженные пчелы. Между ними начались споры и пререкания. Одни соглашались со словами представителя, другие — нет. И трудно было понять, на какой стороне большинство. Все спорили и все шумели.

Выступавший первым Балтайс рьяно поддерживал представителя Временного правительства. Но его речь у солдат настроения не подняла. После, выслушав еще несколько ораторов, выступил солдат первой роты первого полка Коваль. Он сказал, что представитель, несмотря на свое обещание, ни одного слова не сказал о том, как началась и произошла Февральская революция, как свергли Николая II и как образовалось Временное правительство. Из кого оно состоит? Кто в нем: революционеры или помещики и фабриканты? Кто такой Керенский и что он делает для русского народа? Почему Ленин идет против Временного правительства, а Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов поддерживает? Почему об этом нам представитель не сказал ни одного слова?

Простая и короткая речь Коваля, состоявшая почти из одних вопросов, заставила солдат насторожиться.

Так как желающих говорить больше не было, то представитель выступил с заключительной речью. Войдя на половину лестницы трибуны, он сказал:

— Солдаты! Я не хотел затягивать собрание ввиду позднего времени, поэтому мало коснулся переворота. Я думал, что вы уже об этом осведомлены. На следующем собрании я вам расскажу обо всем.

На плацу темнело. Люди из задних рядов начали постепенно уходить. Представитель внес предложение проголосовать: кто подчиняется Временному правительству. Тысячи рук взметнулись вверх. Затем был поставлен вопрос: кто подчиняется Временному правительству и по его приказу немедленно отправится на французский фронт? Не поднялось ни одной руки.

— Как это понимать? — спросил представитель.

— Как хочешь, так и понимай! — кричали солдаты. — Временному правительству мы подчиняемся, а на французский фронт не пойдем. Даешь Россию! Расходись, ребята! Довольно его слушать! И так много наврал! — слышались отовсюду крики.

Надвигалась ночь. Солдаты стали уходить целыми группами. Видя это, Балтайс закрыл собрание. Представитель Временного правительства, несмотря на то что против него выступили только четыре-пять человек, провалился вдребезги и, прожив в ля-Куртине еще несколько дней и не собирая второго собрания, куда-то исчез.

До приезда представителя многие солдаты считали, что русское командование во главе с генералом Лохвицким самовольно настаивает на том, чтобы отправить дивизию снова на французский фронт. Эти солдаты никак не допускали того, что Лохвицкий действует по указанию Временного правительства. Они были уверены, что Временное правительство ничего не знает, а поэтому не шлет распоряжения об отправке русских войск в Россию. От представителя солдаты ждали, что он войдет в солдатские нужды, накажет офицеров за зверское отношение к солдатам, выслушает законное требование солдат и примет меры к скорейшей отправке их на родину.

Но когда солдаты услышали из уст самого же представителя, что нужно продолжать войну до победного конца, то до сих пор доверявшие Временному правительству солдаты сейчас же присоединились к тем, которые и раньше не верили правительству Керенского. Среди солдатских бесед и разговоров все чаще и чаще стало упоминаться слово Ленин.

Вскоре после отъезда члена Временного правительства представитель русских войск во Франции, генерал Занкевич, прислал из Парижа приказ по дивизии — немедленно приступить к занятиям. Когда этот приказ ротными коман-

дирами был прочитан в своих ротах, то ни одна из них не согласилась подчиниться генералу Занкевич.

ПРИЕЗД ВТОРОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

Во второй половине июля в ля-Куртин приехал из Петрограда второй представитель Временного правительства, Рап.

К назначенному дню вся дивизия подчистилась, привела в порядок амуницию и оружие; сапоги на всех были ярко начищены. Солдаты подстриглись и побрились, одеты были в суконные брюки и гимнастерки. По сигналам горнистов роты выходили из казарм, строились и стройными рядами шли на плац. Офицеры в своих частях не присутствовали, за исключением командира минометной команды капитана Савицкого, который свою команду привел на плац в полной боевой готовности.

Рап оказался более аккуратным, чем первый представитель, и в назначенный час явился на собрание. До его прихода минут за пять все офицеры во главе с генералом Лохвицким пришли и построились около трибуны. Рап в сопровождении генерала Занкевич принял рапорт от Лохвицкого и, поздоровавшись с солдатами, прошел по фронту дивизии. Шестнадцать тысяч отборных солдат, стоявших стройными рядами, представляли из себя красивую картину. На плацу была мертвая тишина. Солдаты старались держать себя примерно, они были уверены, что Рап приехал специально для того, чтобы отправить войска в Россию. Обойдя весь плац, Рап и сопровождающие его генералы подошли к трибуне.

Рап был лет пятидесяти, с седеющими волосами и небольшой бородкой. Высокого роста и очень худой. Одет в поношенный серый костюм и такую же кепку.

Рап поднялся на трибуну и начал говорить. К удивлению своему, солдаты услышали те же самые слова, что говорил перед ними первый представитель. Оба они говорили как по-писанному.

— Самое главное сделано, — говорил Рап, — царь свергнут. Но русскому народу грозит другая опасность: Вильгельм принимает все меры, чтобы разбить русскую армию. А ваша дивизия требует немедленной отправки в Россию. Я вам должен передать, что этого сделать нельзя. И если вы не хотите драться на французском фронте, то это равносильно тому, что вы вообще не хотите драться против общего врага. Подобные части считаются бунтовщиками и с ними Временное правительство поступит как с

изменниками родины, т. е. обезоружит и пошлет на принудительные работы как недостойных носить оружие и звание солдат. Я уверен, что вы опомнитесь, пока еще не поздно, и, выгнав из своих рядов изменников, объединитесь вновь со своим командованием и еще раз докажете всему миру, как вы уже доказали под фортом Бремон и Курси, свою преданность.

Конец речи второго представителя Временного правительства солдаты встретили полным молчанием.

Из шести выступавших только один Балтайс высказался за то, что надо итти на французский фронт и скорее закончить войну. Остальные пять человек требовали немедленной отправки в Россию. Все, что говорили солдаты, Рап записывал в книжку. Степан Коваль и на этом собрании допытывался, почему представитель не сказал солдатам, из кого состоит Временное правительство: из помещиков и фабрикантов или из рабочих и крестьян? Почему представитель молчит о Ленине?

Когда говорил последний оратор, к трибуне подошел высокий, красивый унтер-офицер. Его черные волосы пышно вились из-под фуражки, новая офицерского сукна гимнастерка плотно обтягивала его стройную фигуру. Хромовые сапоги были ярко начищены, черные большие глаза горели лихорадочным огнем, но сам он был спокоен. Подойдя к трибуне, он попросил Балтайса дать ему слово.

Балтайс, обращаясь к собранию, сказал:

— Слово предоставляется члену отрядного комитета Глоба.

Некоторые солдаты, знавшие Глоба, начали аплодировать, но большинство знали только одно, что Глоба недавно введен в члены отрядного комитета, что он идет против Балтайса и на каждом заседании комитета резко выступает против него.

Поднявшись на трибуну, Глоба снял с головы фуражку и спокойно положил ее около себя. В густых черных и курчавых волосах заиграл ветер, делая их еще пышнее. Посмотрев на всех солдат и дав им время успокоиться, Глоба сказал:

— Товарищи солдаты! Три года войны разорили русский народ до нищеты. Миллионы самых здоровых и сильных людей убиты и ранены, искалечены. Но вот, наконец, народная масса, одетая в серые шинели и вооруженная для войны с «внешним врагом», под руководством петроградских рабочих сбрасывает с себя трехсотлетнее иго дома Романовых. Вместо кровавого царского правительства в России образовано Временное правительство.

Казалось бы, что революция, свергнувшая царский трон, должна бы также свергнуть и тот помещичий гнет, который висел над русским народом во все время царствования Романовых, а также свергнуть гнет фабрикантов и заводчиков, которые выжимают все соки из рабочих промышленных городов. Но этого мы пока не видим, царских жандармов и чиновников заменили члены Временного правительства, но кто они? Есть ли среди них хоть один представитель трудового народа? Нет! Там сидят все те же помещики и капиталисты, защищающие свои интересы, как они их защищали и при царском правительстве.

Сейчас представитель Временного правительства нам сказал, что во время Учредительного собрания будет обсуждаться вопрос о земле, как ее распределить среди трудового народа и на каких условиях. Но кто будет в Учредительном собрании? Все те же помещики, все те же предводители дворянства, земские начальники, крупные землевладельцы, фабриканты и торговцы. Да разве они будут защищать интересы крестьян и рабочих? Разве они согласятся добровольно отдать свои земли крестьянам, а фабрики и заводы рабочим? Тысячу раз нет! Никогда этого не было и не будет, а раз это так, то ради чего же мы будем воевать? Ради чьих интересов?

Представитель Временного правительства, господин Рап, уговаривает нас продолжать кровопролитную войну до победного конца. Но что мы этой победоносной войной себе завоюем? Опять тот же гнет помещиков и капиталистов, опять ту же кабалу и издевательство, полуголодную и беспросветную жизнь. Нам незачем воевать с немецкими рабочими и крестьянами, они нам ничего плохого не сделали. Нам нужно воевать со своими помещиками за землю, а с фабрикантами и заводчиками — за фабрики и заводы.

Скоро уже полгода, как в России существует Временное правительство, а что оно за это время сделало для русского трудового народа? Ничего. Земля до сих пор принадлежит помещикам, и они до настоящего времени продолжают за землю сдирать шкуру с наших отцов. Фабрики и заводы также находятся в руках капиталистов, они также продолжают выжимать последние соки из рабочих. Какая же разница между царским и Временным правительством? Никакой! Те же штаны только назад гашником. Вот и вся разница!

Мы от Временного правительства ждали закона о немедленном отборе земли у помещиков и передачи ее в безвозмездное пользование трудовому крестьянству. Мы от правительства ждали немедленного изъятия фабрик и заво-

дов от капиталистов и передачи их рабочим организациям. Мы ждали немедленного прекращения войны. Но Временное правительство продолжает вести царскую политику и проповедует среди солдат войну до победного конца. Мы воевать не будем, мы не хотим защищать помещиков и капиталистов и их буржуазное правительство. Довольно проливать братскую кровь, товарищи солдаты!

— Правильно! Правильно! Ура! — кричала вся дивизия.

Когда шум, крики и аплодисменты прекратились, Глоба продолжал:

— Товарищи солдаты, разрешите внести маленькое предложение.

— Просим!..

Предложение Глоба было следующее: обязать представителя Временного правительства, господина Рап, немедленно добиться перед французским правительством срочной отправки русских войск на родину. Поручить ему от имени всей дивизии заявить французскому правительству, что русские войска категорически отказываются итти на французский фронт, а также заявить, что оружие, облитое нашей кровью под Бремоном и Курси и окупленное смертью наших братьев, мы не сдадим, а вернемся с ним в Россию.

Гром аплодисментов и крики ура раздались во всех рядах выстроенных войск. Вся площадь наполнилась сплошным гулом. Я посмотрел на Макарова, он сильно волновался, растроганный речью Глоба.

Как только на трибуне снова появился представитель Временного правительства, волнение сразу прекратилось. Шум, аплодисменты и крики ура смолкли. Солдаты насторожились. Что-то еще поведает Рап?

— Господа солдаты, — начал он. — Я уверен в том, что ни один человек не поверит в эти красивые слова, сказанные сейчас немецким шпионом и изменником родины и революции. Я уверен в том, что...

— Первая рота, смирно! — вдруг раздалась громкая команда Макарова.

Представитель прервал свою речь, заглушенную командой Макарова, и дико посмотрел на первую роту. Стоявшие около трибуны офицеры во главе с генералом Занкевич заметно вздрогнули и насторожились. Головы солдат, как одна, повернулись в ту сторону, откуда так неожиданно была подана громкая команда.

— Напра-во! — продолжал Макаров. Рота повернулась направо, выстроилась влево по отделениям.

— На пле-чо!

Винтовки лязгнули и двести пятьдесят штыков засверкали на солнце.

— Равнение направо, шагом марш!

По этой команде двести пятьдесят ног одновременно ударили о твердую почву утрамбованного плаца. Пройдя до конца плаца, рота услышала команду Макарова:

— Правое плечо вперед... марш! — Головное отделение завернуло правым плечом и когда вышло фронтом к трибуне, получило команду:

— Прямо! Вдоль трибуны!

Рота взяла направление правым флангом вдоль трибуны и пошла к центру плаца с западной стороны.

— Запевай! — скомандовал Макаров. Шедшие, как всегда в середине, запевалы гаркнули:

Вот выступает первая рота!
Эй, запевалы, дружней запевай!

Рота подхватила:

Эй, песнь моя, весели меня, —
Грянем мы громкое русское ура!..

Когда двести пятьдесят человек самых крупных солдат из всех русских войск, находящихся во Франции, проходили с песнею мимо трибуны, на которой все еще продолжал стоять представитель Временного правительства, генерал Занкевич и все окружающие его офицеры злобно смотрели на проходящую по плацу роту. Солдаты всей дивизии громко хлопали в ладоши, подбрасывая вверх фуражки, кричали:

— Браво! Молодцы!..

Не успела первая рота дойти до следующего конца плаца, как ее примеру последовала вторая рота, а потом — третья, четвертая, за ней пошла минометная команда, впереди которой ехал верхом на лошади командир команды — капитан Савицкий.

Через пятнадцать минут на огромном плацу, кроме ошеломленных офицеров и представителя Временного правительства, все еще продолжавшего стоять на трибуне с кепкой в руках, не осталось ни одного солдата. Они ушли по своим казармам!

Так закончилось это собрание. Никаких решений принято не было. Каждому стало ясно, какую политику ведет Временное правительство, для какой цели были присланы русские молодые офицеры и для чего во Францию приезжали представители Временного правительства.

После этого собрания солдатам также стало ясно, чьи

интересы защищает председатель отрядного комитета Балтайс. Все были недовольны его двойной игрой: он старался показать солдатам, что защищает будто бы их интересы, а на деле получалось совершенно другое. Балтайс поддерживал политику Временного правительства и принимал все меры воздействия на солдат для отправки их снова на французский фронт.

Отряд был очень доволен выступлением Глоба. Солдаты везде и всюду говорили о его речи. Каждый удивлялся тому, что Глоба так смело говорил против Временного правительства в присутствии всех офицеров, двух генералов и представителя.

В некоторых ротах на второй день после собрания дивизии были ротные собрания, на которых выносились резолюции об отстранении Балтайса от должности председателя отрядного комитета и назначении на его место Глоба.

После неудачного собрания Рап не уехал, как первый представитель, а оставался еще несколько дней. Ходил по лагерю, устраивал маленькие собрания из случайно встретившихся солдат, стараясь доказать неправоту их поступка и уговаривая раскаяться, пока не поздно, в своих ошибках. Солдаты вступали с ним в спор, требуя немедленной отправки домой. Прожив в ля-Куртине несколько дней, Рап провел десятка два групповых собраний и уехал в Париж, не добившись от нас никаких положительных результатов.

РАСКОЛ В ДИВИЗИИ

Через три дня после отъезда Рапа в ля-Куртин снова из Парижа приехал генерал Занкевич. Отрядный комитет получил от него распоряжение: собрать на плац всю дивизию для заслушания важного и срочного приказа, полученного по телеграфу из Петрограда от Временного правительства за подписью Керенского. Когда все полки собрались на плац и построились, начинало уже темнеть. Открытая машина генерала Занкевича стояла у трибуны, окруженная целой группой офицеров. Сам Занкевич сидел в машине и разговаривал с офицерами.

Балтайс подал команду «смирно». Занкевич вошел на трибуну и сказал:

— Солдаты! Сегодня мною получен за подписью главковерха Александра Федоровича Керенского приказ. Временное правительство приказывает всем штаб-и обер-офицерам, всему низшему командному составу и всем солдатам безоговорочно подчиняться всем моим распоряжениям как представителю русских войск во Франции. Все офицеры и

солдаты, которые станут выполнять мои распоряжения, будут считаться верными войсками Временного правительства. Все остальные будут считаться бунтовщиками и изменниками.

На основании полученного приказа я предлагаю в двадцать четыре часа всем войскам, верным Временному правительству, оставить лагерь ля-Куртин и выступить во вновь назначенный для русских войск лагерь Фельтен, находящийся в двадцати километрах от ля-Куртина. Все, кто после указанного срока останется в ля-Куртине, будут объявлены вне закона. Никаких разговоров по этому приказу я открывать не разрешаю. У каждого есть в распоряжении двадцать четыре часа, и каждому представляется право самостоятельно решить: или подчиниться приказу главковерха, или остаться здесь. Командиры отвечают за вывод своих частей.

Занкевич сошел с трибуны, сел в машину и уехал.

После его отъезда солдаты хотели говорить по этому вопросу, обсудить его, но Балтайс предложил сейчас же расходиться, и роты разошлись по своим казармам. Всю ночь в офицерском собрании шло совещание генерала Занкевича со всеми офицерами и командиром дивизии Лохвицким. Не спали и мы: во всех ротах и командах были общие собрания. Заседание отрядного комитета продолжалось до самого утра.

Между членами отрядного комитета возник горячий спор. Одна часть его, возглавляемая Балтайсом, настаивала подчиниться генералу Занкевичу и вывести войска в назначенный срок в Фельтен. Большая часть, на стороне которой был Глоба, настаивала на том, чтобы не подчиняться, войск из ля-Куртина не выводить, а настойчивее требовать немедленной отправки в Россию. Когда этот вопрос был поставлен на голосование, то большинство голосов оказалось на стороне глобавцев. Сторонники Балтайса сейчас же покинули заседание.

В первую очередь из ля-Куртина уехали все офицеры. Некоторые из них заходили в свои роты, команды, стараясь уговорить солдат последовать их примеру, подчиниться приказу Временного правительства. Но большинство из них, заранее зная, что солдаты с ними не пойдут, не являясь в часть, выезжали в Фельтен. За офицерами потянулись подпрапорщики и фельдфебели, потом канцеляристы штабов. За ними ушла нестроевая команда. Из всех шестнадцати тысяч в Фельтен перекочевало со всеми холуями и приспешниками около четырех тысяч человек.

В лагере ля-Куртин остались отборные бойцы, понюхавшие ни один раз пороха. Минометная команда осталась

полностью во главе с капитаном Савицким, который категорически отказался подчиниться приказу Временного правительства и Занкевича.

На третью ночь в Фельтен ушел председатель отрядного комитета Балтайс и с ним несколько членов, его единомышленников. После ухода Балтайса председателем отрядного комитета был утвержден Глоба.

Из первой роты второго полка в Фельтен ушло человек пять с определенным заданием: организовать в Фельтене разведку всех новостей и установить постоянную связь с ля-Куртином. Главную роль в этом деле играл рядовой третьего взвода Василий Краснов, житель города Самары.

ЛЯ-КУРТИН БЕЗ НАЧАЛЬСТВА

Переход солдат из ля-Куртина в Фельтен прекратился. Отрядный комитет созвал общее собрание. На этом собрании был объявлен приказ комитета, предлагавший всем ротам и командам немедленно приступить к занятиям. Руководство занятиями было возложено на ротные комитеты и взводных и отделенных унтер-офицеров.

Для полевых и других занятий был преподан месячный план, в котором указывалось, в какие часы делать подъем рот и команд, выходить в поле, кончать занятия, производить общую вечернюю проверку, сколько часов затрачивать на словесные занятия.

Приказом категорически запрещалось пьянство, хулиганство, а также ссоры и скандалы с местным населением. Замеченных в краже военного имущества или имущества местного населения отрядный комитет постановил предавать революционному военному суду, который был организован в лагере.

Приказ был принят громадным большинством. Солдаты встретили его громкими и продолжительными аплодисментами. Этим приказом комитет наконец вводил в дивизии твердую и разумную дисциплину.

На следующий день после общего собрания, в семь часов утра, из каждой казармы выходили солдаты в полном боевом снаряжении и стройными рядами выстраивались около своих казарм, чтобы следовать в поле на тактические занятия.

Как только начались занятия, сразу же прекратились всякие безобразия. Караулы стали относиться к своим обязанностям добросовестно, часовые на постах не спали, как это было раньше, начальники караулов часто проверяли посты. С прекращением хищения военного имущества пре-

кратилось пьянство и скандалы с местным населением.

Прежде, когда в лагере ля-Куртин было все начальство, и солдаты, подражая ему, пьянствовали и безобразничали, то местное население смотрело на русских солдат как на лодырей и хулиганов. Когда же начальство перебралось в Фельтен, и мы остались одни под руководством своих комитетов, то как-то сразу преобразились, навели порядок, и взгляды местного населения скоро изменились.

Французские рабочие и крестьяне с каждым днем все чаще и чаще стали посещать наш лагеры и подолгу беседовать с солдатами. Из этих бесед французы узнали, что русские солдаты не потому не подчиняются офицерам, что они лодыри и хулиганы, а потому, что они вообще не хотят продолжать дальше войну, а хотят вернуться домой, к своему мирному труду. Поняв из этих бесед истинный смысл требований дивизии, французы быстро сдружились с нами, и после этого каждое собрание, проводимое дивизией или отдельной ротой, никогда не проходило без присутствия французов. Они сочувствовали нам.

В ля-Куртин начали приезжать представители рабочих организаций издалека, с крупных заводов и фабрик. Они хотели увидеть собственными глазами, как русские войска, оставшись без командования, живут и занимаются в лагере. Приезжавшие рабочие были удивлены чистотой и порядком как на улицах лагеря, так и внутри казарм. Их немало поразила твердая товарищеская дисциплина в войсках. Все распоряжения отрядного, полковых и ротных комитетов, а также распоряжения взводных и отделенных унтер-офицеров солдатами выполнялись быстро и безоговорочно. В это время нельзя было увидеть в местечке праздно шатающихся русских солдат, как это было раньше, при офицерах. В кино или театр ходили целыми ротами, поочередно, в полном порядке.

В дивизии нашлись любители искусства и организовали театр. Ежедневно ставили спектакли. Солдаты охотно посещали их. Вскоре были организованы музыкальный и хоровой кружки. На сцене театра часто устраивались русские и украинские пляски.

Лагерь стал неузнаваемым. Везде и всюду был надлежащий порядок. В каждой казарме при входе стоял дневальный, хорошо и опрятно одетый, в начищенных сапогах, туго подтянутый пояском. Внутри казармы в каждом взводе также были дневальные, которые следили за чистотой и порядком в роте и за сохранностью винтовок, стоявших в пирамидах.

Время шло. Ля-Куртин жил своей жизнью, а Фельтен — своей. Там все было наоборот. Несмотря на то что на четыре тысячи сборных солдат приходилось пятьсот—шестьсот офицеров, занятия в Фельтене не производились. Нестроевые начали от безделья разлагаться. Солдаты-фронтовики, узнавшие о порядках в ля-Куртине, потянулись обратно из Фельтена. Их встречали с радостью, без упрека.

ЛОВУШКА КОТОВИЧА

За подписью полковника Котовича нами было получено извещение, в котором он предлагал объединиться фельтенцам и ля-куртинцам, чтобы выработать общий план дальнейшего пребывания русских войск во Франции. Нашим отрядным комитетом была послана делегация для предварительных переговоров. Котович предложил ей известить всех солдат ля-Куртина, что общее собрание состоится в Фельтене, куда необходимо явиться всем без оружия. Только на общем собрании можно будет обо всем договориться окончательно. Делегация согласилась с предложением Котовича.

В назначенный день ля-куртинцы, числом около восьми тысяч человек, выступили из лагеря и направились в Фельтен. Ровно одна третья часть войск осталась в ля-Куртине. Некоторые были заняты по службе, но большая часть солдат была оставлена специально для охраны лагеря и оружия. Целиком были оставлены пулеметные команды и команды минометчиков, которым было поручено быть начеку.

Выступили ля-куртинцы из лагеря рано утром, часов в шесть, так как место для общего собрания находилось от ля-Куртина километрах в восемнадцати. Шоссейная дорога, начиная от самого ля-Куртина и до Фельтена, проходила лесом. Отряд шел в хорошем порядке, по всем правилам военного похода, в сопровождении четырех полковых духовых оркестров. По обеим сторонам дороги, а также спереди и сзади отряда шло сторожевое охранение, которое в свою очередь выслало вперед и в стороны дозоры и секреты. Такая предосторожность была принята потому, что ля-куртинцы не доверяли фельтенскому начальству, ожидали от него всякой пакости и военной хитрости.

Пройдя двенадцать километров от ля-Куртина, отряд остановился на второй привал. Сторожевое охранение привело в отрядный комитет девять фельтенцев с двумя легкими пулеметами системы Люкс, которые были обнаружены в лесу, в засаде, недалеко от дороги. Вскоре после этого сторожевое охранение правого фланга захватило группу

фельтенцев с двумя пулеметами; потом была захвачена третья засада.

Солдаты поняли, что их подло обманули и хотели поймать в ловушку. Руководители отряда не растерялись. Глоба сию же минуту написал распоряжение и отправил его с велосипедистами в ля-Куртин. Сторожевое охранение было усилено. До места встречи с фельтенцами оставалось километров пять-шесть. Недалеко от места встречи с фельтенцами наше охранение захватило еще три пулемета, которые были поставлены на специально устроенные на сучьях площадки, скрытые густой листвой. Фельтенцев обнаружили наши военно-санитарные собаки.

Из рассказов солдат мы узнали, что полковник Котович другой дорогой выслал в ля-Куртин несколько грузовых машин с пулеметами, надеясь в отсутствие ля-куртинцев обезоружить весь лагерь.

Как нам потом рассказывали, оставшийся в ля-Куртине член отрядного комитета Симанов, прочитав письмо Глоба, сейчас же сделал распоряжение дежурному по лагерю о немедленной отправке винтовок и части пулеметов к Фельтену в распоряжение Глоба. Весь ля-Куртин был поднят моментально на ноги. Скоро лучшие лошади, запряженные в военные повозки, мчались по дороге. Симанов усилил охрану лагеря. В нескольких местах были выставлены приготовленные к бою пулеметы.

Ровно в двенадцать часов дня показались грузовые автомашины, которые средним ходом и с большой осторожностью приближались к лагерю. В каждой машине рядом с шофером сидел офицер с биноклем в руках, внимательно осматривая местность ля-Куртина.

Ля-куртинские пулеметчики ждали гостей с большим нетерпением, и как только на одной дороге автомашина фельтенцев вошла в расположение пулеметного обстрела, они открыли по ней огонь. Машина повернула назад и быстро ушла обратно.

Идущие по другим дорогам автомашины, услышав пулеметные выстрелы, приблизиться к ля-Куртину не решились и также удрали.

НА ПОМОЩЬ ТОВАРИЩАМ

Сытые, застоявшиеся лошади мчались по фельтенской дороге с молниеносной быстротой. Солдаты, управляя лошадьми, крепко сидели в фургонах с туго натянутыми вожжами. Им не приходилось подгонять сильных лошадей.

Когда все прибывшие из ля-Куртина пулеметчики были

расставлены на указанных местах, а винтовки розданы солдатам, Глоба запросил руководителей сторожевого охранения, как у них обстоит дело с охраной отряда, который должен немедленно двинуться дальше, к месту общего собрания. Полученные ответы свидетельствовали о том, что ля-куртинцы заняли очень хорошие позиции. Пулеметы были установлены на всех возвышенностях и больших деревьях, имели удобный обстрел всей окружающей местности.

Отряд продолжал двигаться.

Выйдя на опушку леса, мы выстроились в полкилометре от лагеря Фельтен. Сейчас же к нам из Фельтена подъехал офицер. Он попросил Глобу и членов отрядного комитета пройти в расположение Фельтена для предварительных переговоров. Отрядный комитет итти в лагерь отказался.

— Здесь вся дивизия... С ней и надо вести переговоры, — сказал Глоба.

Офицер уехал. В это время из лагеря Фельтен показалась группа офицеров. Она шла в нашу сторону. Мы узнали своих ротных командиров и ждали, что они подойдут и по старой памяти заведут беседы с солдатами. Но офицеры, не дойдя до нашего расположения шагов пятьдесят, остановились, даже не поздоровавшись с нами.

Кончив выравнивание рядов, роты получили разрешение справиться и покурить. После отъезда офицера в Фельтен время тянулось медленно. Собирались тучи, день становился пасмурным. Вскоре начался дождь. Прошло времени с час, но из Фельтена не было ни привета, ни ответа. Стоявшие против нас офицеры, то уходили, то вновь приходили, но ни в какие разговоры с нами не вступали, точно никогда и не видели нас в глаза.

Дождь усиливался все сильней и сильней. Наши мокли и ворчали. Некоторые обращались к Глоба:

— Скажи им, товарищ Глоба, какого чорта они нас держат. Если хотят мириться, пусть идут; если не хотят — не нужно, мы не нуждаемся особенно-то.

Глоба успокаивал солдат и терпеливо ждал ответа.

Вскоре из Фельтена выехала группа всадников. Впереди всех ехал полковник Котович в кавказской бурке. Доехав до группы стоявших офицеров, они остановились. Переговорив о чем-то с офицерами, Котович в сопровождении адъютанта и нескольких вооруженных вестовых подъехал к нашим солдатам.

— Здорово, братцы! — закричал он.

Ля-куртинцы ответили неохотно и недружно, а некоторые совсем промолчали. К Котовичу подошел Глоба и сказал,

что идет дождь, солдаты мокнут и нервничают, надо скорее приступать к делу.

— Не господа, не размокнут, — насмешливо ответил Котович.

Это взорвало солдат. По адресу Котовича полетела ругань.

— Мы пришли не мокнуть, а дело делать. Просим время не вести! — закричало несколько голосов.

— Пока вы не научитесь себя вести в присутствии офицера, я разговаривать с вами не желаю, — бросил Котович.

— Да мы особенно и не просим... — отвечали ему. — Не хочешь и не надо!

Котович побагровел.

— Когда будет нужно, я заставлю вас говорить.

— Попробуй, заставь! Не таких видали!

— Говори о деле, а то уйдем!

— Посмотрим, как вы уйдете, — продолжал грозить Котович, покачиваясь в седле.

— А вот мы повернемся кругом, покажем тебе задницы, а ты и смотри тогда, сколько хочешь.

После этих слов Котович обратился к Глоба:

— Я приказываю призвать эту банду к порядку, в противном случае мною будут приняты другие меры.

— Во-первых, это не банда, а боевая дивизия, — спокойно отвечал Глоба, — а во-вторых, призовите вперед себя к порядку, господин полковник, и будьте повежливее в своих обращениях с солдатами.

— Прошу меня не учить, я к вам приехал не учиться, а приказывать, а ваша обязанность мне подчиняться.

— Не вы к нам приехали, а мы к вам пришли за восемнадцать километров, — продолжал Глоба, — и пришли не для того, чтобы выслушивать ваши угрозы, а для разрешения важного вопроса.

— Никаких важных вопросов я с этой бандой разрешать не намерен, — продолжал Котович. — Приказываю сию же минуту направиться в Фельтен и расположиться в приготовленных палатках. Если же кто не подчинится моему приказу, пусть на себя пеняет. Я предупреждаю, что весь лес охвачен верными мне войсками, которым приказано открыть огонь в случае вашего обратного ухода в ля-Куртин.

В наших рядах раздался оглушительный свист, смех и крики:

— Дураков нет, они поженились или ушли в Фельтен.

— Айда домой! Пусть он к нам в Куртин придет, там поговорим.

Шум с каждой минутой увеличивался. Голоса раздавались со всех сторон:

— Пошел он... сволочь!

— Товарищ Глоба, плюнь ему в рожу!

— Домой! В Куртин! Пошли, ребята, становись!

Несмотря на свой авторитет среди солдат, Глоба все же не сумел удержать ля-куртинцев. Роты быстро выравнивались и с гиканьем и свистом проходили мимо Котовича. Полковник дико смотрел на солдат. Все лицо его было красно-багровым. Он что-то сказал одному из своих конных вестовых, который быстро поскакал в Фельтен, и не успели еще все роты сойти с мест, как в Фельтене раздалось несколько пулеметных выстрелов. Это был условный сигнал для приготовления к бою с ля-куртинцами. Полковник не знал, что все его высланные пулеметчики были нами сняты и находились сейчас под надежной охраной. Солдаты громко смеялись, проходя мимо Котовича, но никто не сказал ему, что его затея с пулеметами и засадами лопнула.

Дойдя до леса, мы остановились под деревьями. Глоба распорядился о выдаче хлеба и консервов. Закусывая, солдаты вели оживленный разговор.

— Вот и объединились, — сказал рядовой Марченко, вызывая смех.

— Да, объединились! Да разве с таким чортом сговоришься, — сказал пулеметчик Гаврилов, — у него глаза-то не человека, а бугая. Легче с дьяволом сговориться, чем с ним. Откуда такой фрукт явился.

Котовича ля-куртинцы почти не знали, он раньше в русских войсках не находился, а приехал неизвестно откуда, после раскола дивизии.

— У него все еще остались старые замашки, он никак не может смотреть на солдата как на человека, а все продолжает нас считать за скотину, — проговорил снайпер Рязанов. — Окружить бы его, стащить с седла да хорошенько попестовать.

— А пестуном бы назначить Билюка, он бы его так отпестовал, что живого места не оставил бы, — поддержал его пулеметчик Гаврилов, показывая на здоровенного солдата Антона Билюка, который, сидя под густым дубом, уплетал вторую банку консервов. Группа солдат, повернув лица к Билюку, неистово хохотала; сам Билюк также хохотал с набитым до отказа ртом.

— Я бы с ним не так поступил... за все его грубости и издевательства, — проговорил Кузьмин.

— Как же? — спросили несколько солдат сразу.

— А так: согнул бы в дугу, привязал голову к ногам,

снял штаны и велел бы всей дивизии по очереди подходить и по разу бить ладонью по заднице. Вот тогда бы он узнал кузькину мать!.. Они нас гоняли, сволочи, сквозь строй, а теперь мы их. Невестке — в отместку!

— Это верно, — согласились многие. — Поучить их надо бы за все обиды.

Под другими деревьями также шли разговоры о Котовиче. Каждый старался над ним посмеяться и отпустить по его адресу какую-либо крепкую штучку.

Обед на привале закончился. Глоба отдал распоряжение итти к ля-Куртину. Сторожевое охранение было заменено,— и отряд двинулся. Не доходя километра полтора до лагеря, отряд был остановлен на последний привал. Глоба дал отряду хорошо отдохнуть и затем, выстроив роты, повел их в ля-Куртин в стройном и красивом порядке. Остававшиеся в лагере солдаты вышли нам навстречу и приветствовали криками ура.

Вечером по ротам и командам был получен приказ за подписью Глоба, которым он отменял на завтра обычные занятия, разрешая солдатам весь день отдыхать.

После однодневного отдыха ля-Куртин зажил по-старому. Каждый день, аккуратно в семь часов утра, мы выстраивались около своих казарм и с песнями шли в поле на занятия. Захваченные в засадах фельтенские пулеметчики вернуться в Фельтен не захотели и остались у нас в лагере.

Через Краснова мы узнали, что полковник Котович за провал «объединения» получил от генерала Занкевича строгий выговор, после которого он пришел в полное бешенство. Он ежедневно совещался с высшими офицерами, предлагая то один, то другой план, выработанный им для усмирения ля-куртинцев. С младшими офицерами при встрече Котович не здоровался, — он считал их главными виновниками в разложении ля-куртинцев и ненавидел их.

РАССТРЕЛ ЛЯ-КУРТИНА

Утром двадцать седьмого августа из биноклей с верхних этажей казарм мы увидели на расположенных вокруг лагеря возвышенностях группы людей. Они сначала показались в одном месте, потом в другом, а вскоре стали видны на всех возвышенностях. За дальностью расстояния нельзя было ясно рассмотреть, что делали эти люди, только видно было, что они рыли землю. Движение на горах продолжалось целый день.

Поздно вечером, когда уже было совсем темно, среди ля-куртинцев нашлись особенно любопытные. Вооружив-

шись револьверами и ручными гранатами, они вышли проверить, что там за люди появились и что они делали в продолжение дня. Излазив весь лес и все горы, охотники лишь на рассвете вернулись в лагерь. Во время разведки они выяснили, что на возвышенностях находилось большое количество французских солдат, которые рыли окопы и устанавливали в них пулеметы.

Все охотники, уходившие ночью в разведку, были немедленно вызваны в отрядный комитет, где они подробно рассказали обо всем виденном.

Следующей ночью отрядный комитет выслал официальную разведку под руководством члена отрядного комитета. Разведчики принесли те же сведения; кроме того добавили, что на рассвете они слышали в некоторых местах русский разговор, который, по их предположению, вели русские солдаты из лагеря Фельтен.

На заре двадцать девятого августа часовые, охраняющие ля-Куртин, слышали в горах ржание лошадей, крики людей и грохот повозок. Утром, часов в семь, хорошо было видно, как французские войска спустились с гор ниже и продолжали рыть окопы ближе к нашему лагерю. В этот день работающие на горах люди были видны значительно лучше, и в бинокли можно было хорошо рассмотреть, где рыли окопы французы, а где русские.

Тридцатого августа разведчики привели в отрядный комитет захваченного ими в горах фельтенца. Задержанный сообщил, что все фельтенские солдаты и офицеры нахсдятся в горах, окружающих ля-Куртин.

Ближние окопы заняли фельтенцы; за ними, выше в горах, расположились французские солдаты с пулеметами. На самом верху поставлена французская четырехдюймовая артиллерия в несколько батарей. Задержанный также передал, что фельтенцам был отдан приказ сидеть в окопах тихо и смирно. Стрельбы по ля-Куртину без приказания не открывать, но в случае появления ля-куртинцев около окопов — принять бой.

В этот день в ля-Куртин приехал самокатчик на мотоцикле. Он привез приказ за подписью генерала Занкевича. В приказе предлагалось в течение двадцати четырех часов всей дивизии оставить оружие в казармах и выйти из лагеря по разным дорогам, численностью не более батальона... А в случае неподчинения лагерь ля-Куртин будет подвергнут артиллерийскому обстрелу.

Приказ генерала Занкевича был зачитан на экстренном совещании всех председателей полковых и ротных комитетов. Кроме того, он был обсужден на общем собрании.

Из всей дивизии не оказалось ни одной роты, которая вынесла бы решение подчиниться приказу Занкевича. Решение было одно: не подчиняться, оружия не сдавать, из лагеря не выходить.

Ответ был передан приехавшему мотоциклисту. А в пять часов вечера в лагерь приехал еще гонец, верхом на лошади, и привез второй приказ генерала Занкевича. В нем предлагалось ровно через час начать выступление войск по указанному в первом приказе направлению и с соблюдением правил. Если в указанный срок выступление не начнется, то артиллерии будет приказано открыть по лагерю огонь.

У здания отрядного комитета в это время было около двух тысяч солдат. Выйдя из помещения, Глоба прочел всем собравшимся солдатам только что им полученный от Занкевича приказ. Выслушав, толпа закричала:

— Не пойдем, пусть стреляют, всех не перебьют!

Обращаясь к гонцу, солдаты кричали:

— Скажи Занкевичу, пусть он почаще приказы шлет, мы с ними в уборную ходить будем.

— Передай своему Занкевичу, что куртинцы скоро отправят его вместе с приказами наложенным платежом Керенскому.

Гонец слушал насмешки ля-куртинцев, но молчал, отвечать солдатам не решался.

Получив от Глоба такой же, как и первый, ответ, гонец уехал под свист и крики солдат.

Наступило роковое время — шесть часов. Артиллерия молчала. Ля-куртинцы все подходили и подходили к зданию отрядного комитета. Пробило семь часов. Отрядный комитет в полном составе, захватив с собою все имеющиеся в канцелярии дела, ради предосторожности перешел в казарму третьей роты второго особого полка, где и расположился в нижнем этаже.

Разбившись на отдельные группы, солдаты вели между собой разговоры:

— Вы думаете Занкевич откроет огонь по казармам? Чорта с два! Разве ему французское правительство разрешит громить дорого стоящие казармы! Никогда!

— Да и Керенский не разрешит расстреливать русских солдат. Это тебе не царское время!..

—Закройся со своим Керенским, — возражал третий. — Одинакова сволочь, что царь, что Керенский! Нашел защитника!

— Занкевич сам-то бы не решился действовать. Он с ведома Керенского...

— Вся надежда на Советы. Это настоящая власть наша!

— Вот на-днях говорил один солдат про Ленина, видно другое дело, — он всю жизнь свою борется за рабочих и крестьян. За это его царское правительство гоняло с каторги на каторгу.

— Я слыхал, что у Ленина брата царь повесил!..

— Значит, у них весь род такой революционный!

— Одного брата повесили, на его место встал другой. Вот на таких надеяться можно, эти не выдадут рабочих и крестьян!

Время подходило к восьми часам. В театре было битком набито народа. Вместе с солдатами на скамьях сидели французские девушки и молодые люди из местечка ля-Куртин. На сцене выступали два комика, один из которых изображал генерала Занкевича. Публика задыхалась от смеха...

Недалеко от театра, на самой середине лагеря, стояли все четыре полковых оркестра. В восемь часов они должны были играть для солдат, как это делалось ежедневно.

Окна казарм были открыты, из них выглядывали сотни людей, приготовившись слушать музыку. Солдаты, собиравшиеся у отрядного комитета, продолжали мирно вести разговоры.

По знаку капельмейстера трубачи заиграли марш. Он сменился плясовой. Началось общее веселье. Сразу забыли и о Занкевиче и о его приказах, а также о наведенных на ля-Куртин пушках и пулеметах.

Вдруг, в самый разгар веселья, в горах рявкнули пушки, а через секунду раздался зловещий свист летящих снарядов. Первый залп был сделан по музыкантам. Несколько человек были убиты насмерть, многие ранены. Трубы музыкантов, помятые и исковерканные, остались валяться на середине лагеря. Окна казарм моментально опустели. Солдаты бросились в нижние этажи, захватывая на бегу винтовки и патроны.

Стоящие около отрядного комитета солдаты, закричали:

— Вот тебе и манная господина Керенского. Вот он чем угощает!

Улицы лагеря опустели. За казармами рылись окопы. Пулеметчики выкатывали пулеметы и устанавливали их в укрытиях, в кустах, канавах и чердаках казармы.

Через несколько минут в горах раздался второй залп, и несколько снарядов кучно легли и разорвались с треском в здании, в котором за час помещался отрядный комитет. Вскоре раздался третий, потом четвертый залпы... Снаряды били по казармам, и верхние этажи нескольких казарм были уже разрушены.

После первых залпов, которых никто не ожидал и которые как-то сразу внесли переполох и смятение, люди успокоились, и последующие залпы такого страха уже не наводили. Вооружившись, мы расположились в приготовленных окопах, в скрытых местах или в нижних этажах казарм, которым артиллерия вреда не приносила. Но вскоре выстрелы прекратились. В лагерь был прислан генералом Занкевичем третий гонец с приказом. Он опять предлагал немедленно оставить лагерь и без оружия выйти по указанным дорогам. Когда гонец передавал Глобе приказ, солдаты сбежались со всех сторон к третьей роте и кричали:

— Гоните эту сволочь прочь, пока мы его не побили.

— Скажи, холуй, Занкевичу, чтобы стрелял почаще, а то он очень редко бьет!..

Гонца вытолкали из отрядного комитета и предложили немедленно убраться из лагеря. Так и уехал гонец без ответа.

Прошло некоторое время. Артиллерия начала снова бить по ля-Куртину, но эти залпы приносили меньше урона, чем первые. Выбросив по лагерю снарядов триста и разбив несколько казарм, артиллерия замолчала. С наступлением темноты был открыт сильный пулеметный огонь.

Мы не спали всю ночь. Многие солдаты, озлобленные поступками фельтенских офицеров, просили разрешения отрядного комитета выступить и перебить всех офицеров, засевших в горах.

Отрядный комитет не разрешил.

Утром тридцать первого августа артиллерия продолжала бить снова. Снаряды рвались в казармах, которые занимали пятый и шестой полки. Было много убито и ранено солдат. В этот день приезжал еще гонец от Занкевича с предложением подчиниться и выйти из ля-Куртина.

Глоба и члены отрядного комитета, не желая брать на себя всю ответственность за тяжелые последствия, обходили роты и команды, говоря, что отрядный комитет предоставляет право каждой роте действовать самостоятельно: кто хочет уходить в Фельтен, пусть уходит. После этого обхода в ротах и командах снова начались споры и разговоры. Некоторые стали настаивать на сдаче фельтенцам, но большинство солдат и слушать об этом не хотело.

С раздела дивизии на ля-куртинцев и фельтенцев прошло много времени. В наш лагерь продукты не подвозились; мы питались старыми запасами, которые были завезены на склады раньше. К концу августа на складах ля-Куртина оставалось очень незначительное количество муки, крупы и

макаронных изделий. Мяса давно не было,— его заменяли мясные консервы, но теперь и они кончались.

Ужасная новость, что лагерь остался без продуктов, сразу как-то особенно сильно подействовала на солдат. Кое-где начали раздаваться крики недовольства; кое-кто стал обвинять во всем отрядный комитет, хотя основная масса солдат на эти крики не обращала внимания и, оправдывая комитет, говорила:

— Вас никто не держит! Кому охота, может уйти к фельтенцам в любую минуту.

В некоторых ротах, после того как узнали, что продуктов нет, происходили общие собрания, на которых решался вопрос, что дальше делать? Но несмотря на все ни в одной роте не было вынесено постановления о том, чтобы уйти из ля-Куртина. Совместная жизнь в продолжение двух лет так крепко спаяла нас, что каждый считал преступлением оставить товарищей в ля-Куртине, а самому уйти к фельтенцам, чтобы спасти только свою шкуру. Поэтому ни тридцатого, ни тридцать первого августа из нашего лагеря ни один солдат не ушел.

Ночью с тридцать первого августа на первое сентября пулеметный огонь со стороны фельтенцев был увеличен вдвое против прошлой ночи. Из казарм нельзя было носа показать. И мы были очень удивлены, когда узнали, что часов в двенадцать ночи группа смельчаков, вопреки запрещению отрядного комитета, ушла в горы на разведку и, захватив троих фельтенцев, быстро вернулась обратно. Оказывается, они еще днем, решив уйти в разведку, хорошо и заблаговременно наметили свой план, высмотрели с помощью биноклей скрытый в горах пост фельтенцев, который они и сняли ночью без единого выстрела.

Через несколько минут по возвращении разведки в лагерь пришел Василий Краснов. Все лицо его было ободрано в кровь сучьями леса, по которому он пробирался в ля-Куртин. Краснов передал отрядному комитету большой список ля-куртинцев, считавшихся офицерами за главных зачинщиков и виновников «мятежа». В списке были фамилии всех членов отрядного и полковых комитетов, а также фамилии председателей ротных комитетов. Это был список первой категории. Кроме него, имелся список второй категории, гораздо больший, чем первый. В этом списке были фамилии членов ротных комитетов и солдат, которые были более развиты и грамотны, часто выступали на общих собраниях с требованием отправки в Россию. Все остальные ля-куртинцы, не попавшие в первую и вторую категории, считались третьей категорией. По предварительному ре-

шению фельтенского начальства наказания для нас назначались: первой категории — тюремное заключение после разгрома лагеря, а затем военно-полевой суд; второй — ссылка в Африку и на острова; третьей — принудительные работы внутри Франции.

От Краснова и трех захваченных фельтенцев мы узнали, почему Занкевич не привел свою угрозу в исполнение, не открыл артиллерийский огонь по ля-Куртину в шесть часов вечера тридцатого августа, а начал обстрел на два часа позже. Когда второй гонец привез ответ отрядного комитета, Занкевич ровно в шесть часов распорядился открыть артиллерийский огонь по лагерю. Приказание Занкевич отдал французскому офицеру, командиру батареи. Получив распоряжение, командир батареи в свою очередь подал команду французским солдатам. Артиллеристы не сдвинулись с места. Офицер повторил:

— По ля-Куртину огонь! — Артиллеристы не отвечали.

Офицер спросил, почему они не выполняют его приказания? Солдаты ответили, что когда их отправляли в ля-Куртин, то говорили, что по русским войскам стрелять не придется, а посылают их затем, чтобы продемонстрировать перед ними наведенными на лагерь пушками и этой демонстрацией заставить их сдаться. Но когда солдатам приказали открыть стрельбу боевыми снарядами, то обманутые солдаты исполнить такое приказание отказались и отошли от орудий.

— Русские солдаты дрались с нами вместе против немцев на фронте, защищая нашу родину, — говорили французы, — поэтому мы никогда не посмеем их расстреливать, не зная, в чем они виноваты, и какое они сделали преступление в нашей стране.

Выслушав солдат, командир батареи доложил об этом генералу Занкевичу.

Полковник хотел сам заставить артиллеристов подчиниться приказанию, обещая в противном случае сообщить об этом французскому военному министру. Но никакие уговоры и угрозы на солдат не подействовали. Артиллеристы к орудиям не подходили. Потеряв на уговоры артиллеристов около двух часов и ничего не добившись, Занкевич приказал стать за орудия русским офицерам, которые совместно с французскими офицерами и открыли стрельбу по ля-Куртину.

Рано утром, когда пулеметная стрельба стихла, а артиллерийская еще не начиналась, мы узнали новую страшную новость: фельтенцы закрыли водопровод, снабжающий ля-Куртин водой. Это окончательно подавило осажденных

солдат. Всем стало ясно, что Занкевич принимает все меры, лишь бы добиться нашей сдачи.

Весь день первого сентября гремела канонада. Снаряды в этот день били также по казармам пятого и шестого полков. В казармы других полков снаряды падали очень редко. Вечером, часов в десять, Краснов снова пришел в ля-Куртин и объяснил, что Занкевич дал распоряжение бить по пятому и шестому полкам, потому что уверен, что эти полки менее стойки и скорее сдадутся. А когда они выйдут из лагеря, их примеру последуют и все остальные солдаты.

Продуктов не стало. Солдаты питались галетами и сухарями. Убитые лошади были съедены. Приступили к живым... Отсутствие воды тяготило всех больше, чем отсутствие продуктов. Солдат начала мучить жажда, все стали нервны и злы. А стрельба все усиливалась. От казарм пятого и шестого полков остались одни развалины.

Занкевич не ошибся в своих расчетах. Отсутствие продуктов и воды, вид развалинных казарм, трупы лежавших на улицах и в казармах изуродованных солдат сильно подействовали на пятый и шестой полк. Люди не выдержали дальнейшей осады и второго сентября, часа в четыре дня, начали ротами выходить из лагеря.

Пока войска выходили, стрельбы не было. Видимо Занкевич ждал выхода и остальных войск. Но первый и второй полки не шли. Они решили держаться дальше. Ночью солдаты рвались в бой, им очень хотелось встретиться лицом к лицу с офицерством. Председателям ротных комитетов с трудом удалось удержать солдат от выступления.

— Куда мы пойдем, — говорили они, — если даже нам удастся разбить фельтенцев? Находимся мы в чужой стране. Нам некуда податься.

Утром в лагерь приехал гонец, предложил сдаться. Гонцу дали ответ, что полки приступили к сборам и сдаются. После этого стрельба по лагерю прекратилась. Выходили ля-куртинцы из лагеря неохотно; целый час шел спор среди рот о том, какая рота должна итти впереди. Все указывали на первую роту. Но она отказалась.

— В бой пойдем первыми, — говорили солдаты первой роты, — но сдаваться пойдем последними.

В ПЛЕНУ У ЗАНКЕВИЧА

Выбитые из лагеря, мы проходили по местечку ля-Куртин. Герои форта Бремон и деревни Курси, когда наступали на немецкие позиции, представляли из себя силу. Крупного роста солдаты шли в бой не сгибаясь, с поднятыми вверх

головами. Им не страшна была смерть, их ничто не пугало. Теперь же эти солдаты имели совершенно другой вид: с низко опущенными головами, с тяжелой думой на душе шли они, надвинув глубоко на головы стальные каски. Каждый шел и думал про себя: неужели все кончено? Неужели опять начнутся издевательства офицеров? Из-под надвинутых на лоб касок блестели злые, воспаленные глаза.

Стоявшие на улицах ля-Куртина местные жители с грустью провожали своих соседей, к которым они за последнее время так привыкли. Французы выносили хлеб, сыр и другие продукты, угощая солдат.

На околице местечка ля-Куртин стояли вооруженные фельтенцы с большим количеством подпрапорщиков, фельдфебелей и младших офицеров. Они обыскивали всех проходивших ля-куртинцев, отбирая скрытое в карманах и ранцах оружие.

Капитан Савицкий ехал верхом на лошади впереди своей минометной команды. Доехав до заградительного отряда фельтенцев, он был остановлен с предложением сойти с лошади и снять шашку. Не сказав ни слова, Савицкий сошел с лошади и бросил поводья ей на спину. Затем вынул из ножен шашку, ударил ею о согнутое колено. Хрупкая тонкая сталь переломилась пополам. Бросив в сторону обломки шашки, Савицкий сорвал со своих плеч капитанские погоны. Не обращая ни на кого внимания, он быстро пошел дальше. Офицеры не посмели даже обыскать карманы Савицкого. Все они молча смотрели вслед уходившему капитану.

С последней партией пулеметчиков вышел из лагеря Глоба. Проходя по улицам местечка ля-Куртин, где стояли целые группы офицеров, Глоба был задержан ими. Офицеры набросились на него с обнаженными шашками, но находящиеся тут французские солдаты, отняв Глобу, вывели его под усиленным конвоем из местечка и передали французскому начальству.

После обыска ля-куртинцы расположились в поле, под открытым небом, в бурьяне. Часов в девять нам выдали хлеб и рыбные консервы граммов по сто. Не успели поесть, к нам явился никогда невиданный нами человек в белых полковничьих погонах. Его окружала группа младших офицеров. Как потом оказалось, он был из генеральского штаба. Развернув список, полковник начал выкликать ля-куртинцев по фамилиям. Первыми он выкликнул солдат, отнесенных к первой категории, т. е. всех членов отрядного и полковых комитетов и председателей ротных комитетов. Их отвели на несколько шагов в сторону. После первой были отобраны

солдаты второй категории. Сюда попали члены ротных комитетов, унтер-офицеры и рядовые, которые были более грамотными и выступали раньше на общих собраниях против Временного правительства. Все остальные были зачислены в третью категорию.

На следующий день, четвертого сентября, началась отправка солдат первой и второй категорий. Первая категория в количестве семидесяти двух человек была отправлена под усиленным конвоем на железнодорожную станцию ля-Куртин. Нас посадили в один вагон, часов в двенадцать ночи прицепили его к проходящему поезду и отправили в город Бордо.

Как мы узнали позже, на следующую ночь солдат второй категории посадили под усиленным конвоем в поезд, идущий в Марсель. Там их разбили на две группы и одних отправили на работу в Африку, других — на остров Эльдеко.

Большинство третьекатегорников осталось внутри Франции.

После военно-полевого суда Глоба тоже был сослан в Африку, а Савицкого объявили психически нездоровым.

Так расправилось офицерство с русскими солдатами, не желавшими подчиняться правительству Керенского, которое защищало интересы фабрикантов и помещиков.

ПОБЕГ ИЗ БОЛЬНИЦЫ

Прибыв в город Бордо, все солдаты первой категории были посажены в тюрьму, а я, Макаров и Оченин были направлены в больницу на излечение от полученных в ля-Куртине ран. Пролежав дней десять, поправившись слегка, мы решили бежать. Через лазаретных сестер нам удалось получить из кладовой больницы свое обмундирование, которое на случай припрятали под постелью.

Вскоре такой случай представился. Как-то вечером, часов в девять, попортилась электрическая станция. Свет в больнице погас. Быстро сбросив с себя больничные халаты, мы надели военную русскую форму и через пять минут шли уже по темным улицам Бордо. По знакомой дороге направились на вокзал, откуда собирались уехать обратно в ля-Куртин, чтобы узнать там о всех имеющихся новостях. Нам посчастливилось сесть на товарный поезд.

Сойдя на одной неизвестной нам станции, мы встретили большую группу французских солдат-фронтовиков, возвращающихся из отпуска на фронт. Французские солдаты были очень любезны. Они пригласили нас к себе и угощали вином и консервами. Узнав, что мы из ля-Куртина, французы засы-

пали нас вопросами, желая узнать о расстреле. Мы рассказали охотно. Упомянули о своем побеге из больницы. Французам понравилась наша проделка. Они предложили ехать с собою в одном вагоне. Поезд шел через станцию ля-Куртич, и мы согласились.

В дороге французы угощали нас обедом, ужином.

На станции ля-Куртин вышли из вагона. До лагеря было недалеко. Через десять минут мы уже вели разговор с охранниками лагеря, бывшими фельтенцами. Охранники потребовали предъявить пропуска. У нас их не было. Пришлось вернуться обратно. Зная все ходы и выходы, мы направились знакомой тропой вдоль реки и вошли в лагерь, в самую середину его.

Обойдя бывшее офицерское собрание, мы направились к казармам первого батальона второго особого полка. В этих казармах из первой роты не было ни одного солдата. Узнав, где находятся они, отправились по указанному адресу.

После небольших поисков нам удалось найти своих друзей. Они были размещены в казармах, занимаемых ранее солдатами третьей бригады. Товарищи очень обрадовались, увидев нас. Мы стояли в плотном кольце и не успевали отвечать на расспросы.

В ля-Куртине ходили слухи, что всех солдат первой категории расстреляли. Поэтому каждому скорее хотелось знать, правда ли это. Однако, сказать что-нибудь об остальных товарищах мы не могли. Мы сами о них тогда ничего не знали.

Переговорив о всех новостях, солдаты кое-чем накормили нас и уложили с собою спать. Койки в казармах стояли рядом по две, поэтому на двух койках вполне было можно лежать троим.

Ночь проспали хорошо. Стали думать, что делать? Записываться в список находящихся в лагере товарищи рассоветовали. Предложили жить нелегально, так как в ля-Куртине ходили слухи, что скоро будут проверять солдат и всех неблагонадежных отправят на работы в Африку и на острова.

ПРОВЕРКА

Прошла неделя. Все было тихо и спокойно. Солдаты шатались по всему лагерю из конца в конец и ничего не делали. У которых были деньги, играли в карты. Некоторые ухитрялись доставать из местечка вино. Бывали случаи, что новые офицеры, присланные Керенским, накрывали в лесу

подвыпивших солдат, пытались их арестовать, но солдаты избивали офицеров и разбегались.

В начале октября в казармы пришла комиссия, состоящая из пяти человек: трех керенских офицеров и двух офицеров из старых кадров. Кроме этих пяти офицеров, с ними были еще три солдата из фельтенцев, которые были назначены в помощь комиссии для установления личности того или другого солдата. Комиссия приходила в казарму, созывала всех солдат, брала поименный список и начинала исповедывать каждого: где родился, где крестился, чем занимался и т. д. Комиссия переходила из казармы в казарму и тщательно проверяла каждого солдата.

Во время проверки казармы, в которой жили я, Макаров и Оченин, мы не присутствовали. Предупрежденные товарищами, мы с утра ушли в другую казарму и просидели там весь день.

Когда комиссия закончила проверку всех казарм, пришли фельтенцы и по списку вызвали некоторых солдат, которым было предложено собрать все свои вещи и выстроиться посреди лагеря. Их вторично проверили по общему списку и отправили на вокзал. Всех отправленных третьекатегорников оказалось тысячи полторы. Чем руководствовалась комиссия, переводя этих людей в неблагонадежные, узнать никому не удалось.

Дня через два нам удалось узнать от французов, что всю эту партию направили в Африку через Марсель.

Потом приступила к «работе» вторая комиссия. Как и первая, она отобрала более тысячи солдат, которых также отправили по железной дороге на юг. Затем была отобрана третья партия, «благонадежная», хотя на самом деле эта партия была более неблагонадежна, чем первые две, ибо в эту партию попало очень много солдат, активно участвовавших в работе комитетов и открыто выступавших на общих собраниях, требуя немедленной отправки солдат в Россию. Но так как новое начальство о них ничего не знало, то эта партия под видом благонадежной была отправлена на работы внутри Франции.

Сколько времени удалось бы нам прожить в ля-Куртине, — неизвестно, если б в лагерь не приехал бывший подпрапорщик первой роты второго особого полка — Кучеренко. Проходя однажды по лагерю, мы как-то неожиданно наскочили на вывернувшегося из-за угла казармы подпрапорщика, который сию же минуту остановил нас и долго смотрел глазами дикого зверя.

— Вы как сюда попали? — закричал вне себя Кучеренко.

— Нас из госпиталя направили, — ответил Оченин.

— Когда?

— Только сегодня приехали, господин прапорщик, — проговорил Макаров, увидев на плечах у Кучеренко золотые погоны прапорщика, которые он получил после ля-куртинского расстрела.

— Где ваши вещи? — спросил Кучеренко.

— У нас нет никаких вещей, они оставались здесь,— ответил Оченин.

— Идите за мной.

Мы пошли.

Войдя в штаб, который помещался в бывшем офицерском собрании, Кучеренко передал нас дежурному офицеру и сказал, что мы, унтер-офицеры бывшей первой роты, самые главные зачинщики беспорядков, что нас необходимо отправить в самые отдаленные места Африки.

Нас взяли сейчас же под конвой и отправили на гауптвахту. Она находилась в этом же помещении, в подвальном этаже бывшего офицерского собрания.

ОТПРАВКА В АФРИКУ

Когда тяжелая железная дверь подвала захлопнулась за нами и проскрипел заржавленный от сырости запор, оставшись одни, мы посмотрели друг на друга.

— Влопались дураки, — огорченно проговорил Оченин. — И откуда его чорт вынес, этого проклятого Кучеренко! Наверное, никогда нам от него не удастся избавиться. Он как будто бы по нюху знает, где ему надо быть.

— У него руки чешутся от безделья. Раньше он ежедневно солдат колотил, а теперь стало некого, — вот он и явился сюда вспомнить старое, да за одно золотые погоны показать! — сказал Макаров.

Оченин щелкнул зажигалкой, поднял ее вверх, осматривая стены и потолок подвала. Подвал оказался очень большим, в нем было несколько отделений. Все они, за исключением первого, в которое были мы посажены, оказались заваленными пустыми винными бочками, оставшимися от попоек офицеров во время нахождения в этом здании офицерского собрания.

Несмотря на самый тщательный осмотр мы не нашли ни одной щели, чтобы можно было пролезть на свободу. Осмотр подвала занял порядочно времени и был прекращен лишь потому, что снаружи заскрипел запор. Когда открылась дверь, в подвал вошел солдат, принес ужин. От фельтенца мы узнали, что времени семь часов вечера. Оставив небольшой бачок с супом и полкило хлеба, фельтенец

ушел, сказав, что за посудой он придет завтра утром. После ухода фельтенца Макаров посмотрел на хлеб, на суп и вспомнил, что он сильно голоден.

— Ну, давайте ужинать, — проговорил он, обращаясь к нам.

— Нет, Гриша, подожди, — ответил Оченин, — пойдем-ка вон в тот угол, я кажется что-то нашел.

— Что нашел?

— Пойдем посмотрим и узнаем...

Освещая путь двумя зажигалками, мы забрались в самый дальний угол подвала. Показывая на небольшой бочонок, Оченин сказал Макарову:

— Качни-ка вот эту бочку, в ней кажется что-то есть.

Тряхнув бочонок, Макаров услышал бульканье.

— Неужели вино? — спросил он.

— Кажется, да...

К нашей общей радости в бочонке случайно осталось немного вина. Мы выпили, поужинали и незаметно уснули.

В восемь часов утра опять заскрипела дверь. Охранник принес нам завтрак.

— Долго спите, — проговорил он.

— Мы не спим, отдыхаем, — сердито ответил Макаров.

— Крысы вас не съели? — спросил охранник.

— Пока еще нет...

Все попытки узнать от охранника, когда освободят нас из-под ареста или отправят в Африку, никаких результатов не дали. Охранники отвечали одно и то же, что они ничего не знают.

Только на восьмой день нам объявили, что сегодня же нас отправят в Африку с группой ля-куртинцев в пятьсот человек.

В двенадцать часов дня нас освободили из подвала и в сопровождении двух охранников повели на вокзал. Наши товарищи знали, что мы были арестованы Кучеренко; они следили, когда нас будут отправлять в Африку, чтобы передать нам оставленные в казарме вещи. Распрощавшись, мы сели в указанный охранниками вагон, доотказа набитый солдатами.

Вскоре к поезду был прицеплен паровоз, и эшелон двинулся на юг.

Приехав в город Марсель, ля-куртинцы были высажены из вагонов и сейчас же направлены в порт. В порту долго быть не пришлось, — через полчаса нас провели вдоль берега Средиземного моря, примерно четверть километра, и началась посадка на пароход, отправляющийся в Алжир.

В Алжире ля-куртинцев не высадили. Пароход простоял

один день, забрал предназначенный груз и отправился дальше. Высадка была произведена в порту Оран, куда пароход прибыл ночью. Под конвоем французских солдат нас повели по улицам города. Шли долго, часа два. Наконец, вышли за город, где был расположен какой-то неизвестный воинский лагерь. В этом лагере нас всех разместили по баракам, накормив скверным ужином.

Рано утром нас повели пешком в глубь Африки. В первый день прошли километров пятьдесят. Верховые конвоиры, сопровождавшие русских, все время торопили, чтобы шли как можно скорее.

Первую ночь ночевали в небольшой деревне, около которой расположились под открытым небом. Конвоиры предупредили русских, что если кто осмелится войти в деревню, тот будет убит. После такого предупреждения, конечно, охотников заглянуть в деревню не нашлось.

На следующее утро солдат разбили на две группы. Одна пошла в одну сторону, вторая — в другую.

Наша группа пошла на юго-восток. Шли быстро. Люди от непривычной ходьбы по песку очень уставали и к вечеру совершенно не могли итти. Солдаты проклинали всех, кто придумал отправку русских солдат в знойную Африку.

АФРИКА

На новое «местожительство» мы пришли ночью. Сто сорокакилометровый переход давал себя чувствовать. От ранцев сильно болели спины и плечи, от истощения кружилась голова. Ноги от тяжелой и непривычной ходьбы по песку так болели, что невольно сгибались в коленях. Простояв под открытым небом минут тридцать, мы вошли в бараки.

Бараки были деревянные, сколоченные на скорую руку из шершавых досок. В отведенных для нас бараках не было ни коек, ни матрацев; не было даже соломы или сена. В бараках было темно. Минут через десять принесли керосиновые лампы; они были подвешены посередине бараков и своим маленьким светом едва освещали их. Ужина не было. Встретившее ля-куртинцев сонное начальство объявило, что сегодня их не ждали, а ждали завтра, — поэтому ничего не приготовили. Уставшие солдаты сняли ранцы, разостлали походные палатки и, завернувшись с головой в шинели, уснули как мертвые. Ночь была холодная.

Часов в восемь утра дали завтрак — вареную фасоль и по двести граммов хлеба. Этот скудный завтрак был закончен быстро, и старший барака, французский капрал, повел солдат за деревянными койками, матрацами. Но вместо мат-

рацев принесли запрессованную в тюки, заплесневшую и полусгнившую солому. Достали железные лопаты, счистили на полу барака грязные кочки, вымели мусор. Обзавелись длинными, сбитыми из трех досок, стеллажами и такими же длинными скамьями, принесли умывальники с десятью сосками, поставили их около барака, и на этом меблировка была закончена.

Вечером французы сделали нам перекличку и объявили, что утром мы пойдем на работу — рыть песок. Вторую ночь спали плохо. Запах заплесневшей соломы гнал сон. Кроме того, какие-то, никогда невиданные русскими, комары, несмотря на довольно холодную погоду, жужжали всю ночь напролет до самого рассвета, забирались в нос, рот и уши.

Утром солдаты встали измученными. Кое-как и кое-чем позавтракали, и вооружившись железными лопатами, отправились на работу, километра за три от бараков. Протекавшая там извилистая речушка переводилась в прямой и более глубокий, чем сама речушка, канал. Вот для этого канала мы и должны были рыть песок. В этом заключалась наша каждодневная работа, мы были заняты ей с утра и до самого вечера.

В первое же воскресенье солдат повели в местечковый костел. Во главе колонны шел французский старший унтер-офицер.

— Куда ты ведешь нас, чортов сотник? — говорили ему солдаты. — Мы в своего-то не верим, а ваш зачем нужен?..

— Не понимаю, — отвечал сержант.

Войдя в костел, унтер-офицер разместил нас в задней половине, так как передняя была занята французами-колонистами. Гнусавый голос кюре, католического священника, наполнял костел, смешиваясь с душу раздирающими звуками органа. Кюре на каждом слове вспоминал бога. Сидящие на скамьях наши солдаты также вспомнили его, но только с руганью. Когда французские колонисты вставали со скамьи и стояли с опущенными головами, шепча молитвы, мы продолжали сидеть. Видел ли проделки русских унтер-офицер, — неизвестно, но замечаний никаких не делал. По окончании службы все стали подходить к кюре и целовать распятие. Подошел и унтер-офицер. Кюре что-то шепнул ему. Вернувшись в бараки, унтер-офицер передал нам, что если в следующий раз будем вести себя в костеле так, как сегодня, то кюре не разрешит больше посещать его. К удивлению унтер-офицера, солдаты очень обрадовались такой новости.

Они сейчас же решили между собой, что в следующее

воскресенье надо добиться того, чтобы кюре запретил ходить в костел.

Работа наша была трудная, и чем глубже становился канал, тем работать становилось тяжелее. Песок на берег вывозили тачками по проложенным толстым доскам. А пища была попрежнему плоха. Солдаты жили впроголодь. Стало трудно возить тачку.

Дни были жаркие, а ночи холодные. В русские бараки пришла страшная гостья — африканская тропическая лихорадка. Солдаты бились в тяжелом бреду. Некоторые этой страшной лихорадки не выдерживали — умирали. Это навеяло на солдат ужас и страх. Люди стали сумрачны, злы. Каждый сознавал, что и его рано или поздно не минует та же участь, которая постигла многих товарищей.

По вечерам в бараках придумывались способы, как бы вырваться из проклятой африканской местности. Но придумать ничего нельзя было! Одно время решили перебить ночью охрану и бежать. Но куда бежать, — не знали. Кругом пески, население редкое. Где и в какой стороне было море, также никто не знал. Да и это был не выход. Наверняка поймали бы всех и услали еще дальше в глубь Африки.

Иногда к нам приезжал начальник лагеря — капитан Манжен. Это был высокого роста француз, много лет проживший в Африке. Он считался очень злым человеком. Вся охрана при лагере боялась его. Мы понимали это и во время приезда капитана старались вести себя примерно. Манжен был доволен порядком, но с русскими никогда ни о чем не разговаривал, даже старался избегать с ними встречи.

В этот же день капитан уехал, как и всегда, очень довольным. Охрана вздохнула свободно. Но через два часа капитан почему-то снова вернулся и позвал к себе унтер-офицера, с которым долго о чем-то разговаривал в присутствии других охранников, которых капитан также вызвал к себе вместе с унтер-офицером.

Однажды капитан приехал с подозрительной торопливостью. Вызвал к себе унтер-офицеров и после разговоров с ними зашел в барак. В это время как раз начинался обед. Войдя, Манжен сразу же начал ругаться и грозить нам уменьшением пищи, если мы не исправимся. Солдаты глядели на него, ничего не понимая. Оказалось, что капитан, проезжая по местечку, был остановлен кюре, который ему все рассказал о проделках русских в костеле.

Больше всего тогда попало унтер-офицеру за то, что он сам не доложил об этом капитану. Наругавшись досказа, сердитый Манжен сел в автомашину и уехал.

Вскоре, рано утром, капитан опять приехал в лагерь. На

этот раз не один, а с инженером. Инженер измерил всю площадь работы, произведенной солдатами, и передал капитану, что положенная норма выполнена. Ровно в семь часов утра мы приступили вновь к работе. Несколько солдат подошли к Манжен и спросили:

— Почему за эту каторжную работу ничего не платят?

Капитан покраснел. Он бросил злой взгляд на солдат, потом на инженера. Услышав вопрос русских, инженер насторожился и хотел что-то сказать, но в этот момент капитан быстро встал и, взяв инженера под руку, вышел с ним из барака, ничего не ответив.

После обеда капитан и инженер уехали. Вечером капрал передал русским подслушанный им разговор капитана с инженером. Инженер настаивал на немедленной выплате русским за работу, капитан же протестовал, заявив, что будет платить после, когда найдет нужным.

Время тянулось медленно. Каждый день казался годом. Ежедневная одна и та же работа с лопатой или тачкой в руках опротивела.

Пища все ухудшалась. Силы людей убывали, случаи смерти становились все чаще и чаще, лихорадка трепала почти всех, исключая наиболее крепких людей.

Наша дружная пятерка помещалась в углу барака. По счастливой случайности нас лихорадка обходила. Мы все были унтер-офицеры одногодки, товарищи из второго особого полка, только разных рот. Кроме меня и Макарова с Оченины, в пятерку входили Владимир Станкевич из Смоленской губернии и Андрей Карпов из-под Саратова.

Не желая того, мы вели себя как-то обособленно.

По вечерам долго не спали, всегда между собой вели тихий разговор. В следующий приезд Манжена, когда его с трудом затащили в барак, Оченин выступил вперед и спросил капитана, привез ли он деньги за работу. Капитан торопливо ответил:

— Я никаких денег не привез и привозить не собираюсь. Французское правительство бунтовщикам денег не платит, скажите спасибо за то, что вас не расстреляли в ля-Куртине, и за то, что вас кормят.

— Нас кормят не задаром, а за нашу работу. Кроме пищи, нам полагается три франка в день, — проговорил Макаров.

— А вы откуда это знаете? — спросил Манжен.

— Если вы нам сегодня денег не выплатите, то завтра мы на работу не пойдем, — громко сказал Оченин.

— Посмотрим, как вы не пойдете, — бросил капитан.

— Очень просто...

— Плати деньги, капитан, иначе бросим работу, — вдруг закричало несколько голосов.

Капитан не стал больше разговаривать и ушел.

После утреннего подъема солдаты собрались завтракать. За завтраком все время шли споры и разговоры о том, итти или не итти на работу. Когда пробил звонок, в людях произошло замешательство. Некоторые, помня ля-Куртин, пошли по дороге к каналу, а некоторые стояли в нерешительности. Мы всей пятеркой решили на работу не итти. К нам присоединилось человек пятьдесят.

Через полчаса пришел капитан. Посмотрев сердитым взглядом на группу солдат, которые не хотели итти на работу, он приказал им сию же минуту отправиться к каналу. Они продолжали стоять на одном месте.

— Я приказываю в последний раз выйти на канал! — закричал капитан.

— Мы до тех пор не пойдем, пока не получим причитающиеся нам за работу деньги, — проговорил Оченин.

— Вам никаких денег не причитается, — проговорил капитан. — Кто не подчинится моему приказанию, тот будет строго наказан. Не забывайте, здесь — Африка!

— Наказывайте, а на работу мы не пойдем.

Видя, что с ним говорим только мы — пятерка, стоящая отдельно от других, капитан приказал нам следовать за ним.

Дойдя до барака, в котором помещалась охрана, капитан еще раз приказал итти на работу. Мы отказались. Манжен был окончательно взбешен. Он дрожащими руками открыл дверь комнаты, которая служила вместо гауптвахты, и введя нас туда, запер дверь на ключ. Но эта мера не подействовала на стоявших солдат: от работы они отказались.

Часов в шесть вечера в лагерь приехали два верховых. Они привезли унтер-офицеру письмо от капитана. Видимо исполняя приказание Манжена, унтер-офицер вывел нас из барака и передал верховым. Нам разрешили взять с собой шинели и показали на дорогу. Мы пошли. Один верховой ехал впереди, второй сзади. Все пятеро шли молча. В полночь мы пришли в какой-то лагерь с бараками, похожими на наши. В них помещались негры. Усталых, измученных нас поместили в арестантскую с железными решетками.

Рано утром, когда все негры были отправлены на работу, нас вывели на улицу и под конвоем вооруженного капрала направили в противоположную сторону от арестного помещения.

За лагерем, метрах в двухстах, было видно какое-то громадное колесо.

Подойдя к нему, мы начали рассматривать, что это за

штука. Это было большое деревянное колесо, очень похожее по устройству на мельничное.

Вокруг него с наружной стороны были устроены ступени. Колесо было подвешено на двух железных высоких столбах, так что нижняя часть его находилась метров на семь от поверхности земли. К одному из столбов была приделана лестница, которая верхней своей частью доходила до небольшой площадки, находящейся на самом верху столба.

Капрал поднялся на площадку и приказал нам следовать за ним. Когда мы влезли, он велел перейти с площадки на одну из ступеней колеса. Ступеньки были длинные, около двух метров, и мы свободно вся пятерка уместились на одной. Пока мы устраивались, недоумевая, к чему все эти фокусы, капрал спустился по лестнице вниз и нажал незаметный рычаг. Площадка и лестница постепенно опустились, а громадное колесо начало тихо вертеться. Мы опускались к земле. Еще минута и мы слетели бы с огромной высоты. Необходимо было переступать вперед, со ступеньки на ступеньку. И тогда мы поняли, что это было за колесо. На нем французское начальство заставляло нежелающих работать негров в продолжение десяти часов без перерыва переступать со ступеньки на ступеньку до изнеможения.

Когда капрал увидел, что мы догадались о том, что надо делать, чтобы не упасть, он увеличил ход колеса. Ровно десять часов продолжало крутиться колесо, и все это время мы, не имея ни одной минуты отдыха, топтались на одном месте. Последний час ноги отказывались работать, они были как налитые свинцом и с большим трудом поднимались вверх на очередную ступеньку.

На следующий день хождение продолжалось. Колесо так же без останова прокрутилось десять часов. Мы еле дотащились до арестного помещения.

Издевательство продолжалось пять дней. На шестой, несмотря на все угрозы, итти на колесо мы категорически отказались.

Рассвирепевший капитан и здесь нашел «выход». Он приказал охранникам отвести нас в другое место — к чанам смерти.

Метрах в пятнадцати от колеса на земле лежали чугунные решетки, которые покрывали собою цементные чаны, врытые в землю. Нас подвели к этим чанам и, дав каждому в руки по ведру, спустили каждого в отдельный чан, закрыв сверху чугунной решеткой, запиравшейся на замок. Цементные чаны были вышиной в два метра, а шириной

метра в полтора. На дне чана было сделано отверстие; такое же отверстие находилось в стенке чана, на расстоянии одного метра и семидесяти пяти сантиметров ото дна.

Очутившись в этом прохладном цементном чане, я несколько обрадован был наказанием, особенно после ужасного мытарства на колесе. Поставив ведро на пол вверх дном, я сел на него и закурил, удивляясь, зачем нам выдали пустые ведра.

Прошло минут пятнадцать могильной тишины. Вдруг где-то под землей послышался отдаленный шум, который с каждой секундой становился все слышней и слышней. Я насторожился, прислушиваясь к шуму. Через несколько томительных секунд из нижнего отверстия в чан хлынула вода. Своим неожиданным появлением она перепугала меньшевиков. Вода быстро прибывала, начала заливать вначале головки сапог, потом голенища...

Еще раз убедившись, что чугунная тяжелая крышка чана заперта на замок, я стал ломать себе голову над тем, как избавиться от неожиданной холодной ванны.

Посмотрев на верхнее отверстие и на плавающее в воде ведро, мне стало ясно, что нужно делать. Я схватил ведро и с молниеносной быстротой начал прибывающую из нижнего отверстия воду отливать в верхнее. Подача воды в чан была так рассчитана, что человек даже при усиленной работе ведром не мог бы успеть ее отлить. Нельзя было остановиться ни на одну минуту.

Десять часов, не разгибая спины, продолжалась эта отливка воды из цементного чана. Пот с лица лил градом, от него была мокрая гимнастерка. Я едва смог выбраться наверх.

Кое-как мы добрались до арестного помещения и, только успев переступить порог, все сразу грохнулись на грязную солому и тут же заснули.

На следующий день работа в чанах повторилась. К полдню измученный Андрей Карпов начал кричать о помощи. Он не мог больше отливать воду, руки и ноги свело судорогой. Скоро крики превратились в отчаянный вопль. Кроме нас четырех, его никто не слышал.

Мы знали, что он погибает, но что могли сделать мы, когда сами были заперты, как дикие звери, и не переставая должны были отливать воду, чтобы не захлебнуться.

Вечером французская охрана, выпуская нас из чанов, вынула посиневший и скрюченный труп Андрея Карпова. Мы глядели на товарища и плакали. Французские охранники сняли каски. Пользуясь отсутствием офицеров, они

рассказали нам, что такие случаи здесь не редки среди арестованных негров.

О смерти Карпова доложили капитану Манжен. Он дал распоряжение зарыть труп Карпова без всяких церемоний. Русским солдатам при погребении Карпова присутствовать не разрешили, и где был похоронен Андрей, — осталось тайной.

Прошло десять дней пребывания в негритянском лагере. За это время мы стали совсем не похожи на себя. Вместо здоровых людей, были теперь какие-то скелеты с выпяченными глазами, осунувшимися до неузнаваемости лицами и с трясущимися руками и ногами. Мы с ужасом думали о завтрашнем дне, который не обещал ничего нового, кроме все того же чана, ведра, воды и чугунной крышки смерти.

Станкевич Владимир до того ослаб, что совершенно не надеялся на свои силы. Уходя к чану, он со слезами на глазах прощался с нами и просил, что если нам удастся отсюда вернуться домой, — написать о его необычайной смерти старухе-матери, у которой он был единственным сыном.

В один из вечеров в арестное помещение пришел капитан Манжен и предложил нам или оставаться здесь и продолжать отливать воду или записаться добровольцами и ехать во Францию на передовые позиции.

Выхода не было и мы записались «добровольцами» в батальон смерти, который, по словам капитана, формировался во Франции из фельтенцев.

За день едва добрались до своего лагеря. Встретивший нас французский унтер-офицер был удивлен нашим видом. Он всплеснул руками и широко открытыми глазами смотрел на живые трупы. Потом не выдержал, заплакал и ушел в свой барак.

Дня через три после возвращения из негритянского лагеря, собрав свои пожитки и крепко пожав руки товарищам, а также унтер-офицеру и всем остальным французам-охранникам, мы вышли из лагеря пешком в сопровождении одного верхового француза. Придя в город Оран, мы встретили там других русских солдат, которые также записались «добровольцами» в батальон смерти и ехали во Францию. Всего собралось в городе человек пятьдесят. Из них ни одного не было действительно добровольца. Каждый почему-либо был вынужден ехать на фронт.

Вскоре мы сели на пароход и отправились в Марсель.

Во время пути солдаты строили планы. Одни решали пойти на фронт, чтобы в первую же ночь уйти в плен.

Другие предполагали сбежать по дороге и пробраться в Испанию. Третьи хотели просто скрыться внутри Франции и прожить где-либо в лесу. Четвертые стремились удрать в Швейцарию. Но воевать охотников не было; каждый старался найти какой-либо путь, чтобы как можно скорее пробраться в Россию, домой.

Собравшись небольшими компаниями человек по пять-шесть, солдаты делились своими переживаниями в Африке. К нашей четверке присоединились еще несколько человек, побывавших в других африканских лагерях. Усевшись в полутемном трюме на пол, мы вспоминали родные села и деревни. Каждого из нас очень интересовало настоящее положение в России. За время пребывания в Африке мы не видели ни одной газеты.

— Нет уж, наверное, не придется нам увидеть родную деревню, — сказал один солдат. — Судьба наша несчастная!..

— Брось ты... — возразил Оченин. — Всякая судьба от самого себя зависит. Если рот разинешь, обязательно жук влетит, а если зубы крепко сожмешь, и комар не пролезет.

— Царь захотел воевать и воюет, а мы умираем.

— Он взял у Франции снаряды, а расплатился нами-дураками. А были б немного поумнее, не поехали бы сюда. Пусть сам царь со своими офицерами воюет. Народу война не нужна.

— Это резонно, — согласился солдат.

За ночь мы хорошо выспались. Поднявшись, начали завтракать. С большой жадностью пили сладкое кофе, ели сыр и жареный картофель. Моряки потихоньку дали немного виноградного вина, и завтрак у нас получился праздничным.

Моряков интересовало отношение их офицеров к русским солдатам в Африке. Когда мы рассказывали им все подробно, они возмущались, трясли кулаками. Моряки советовали нам на фронт не ходить. Они уверяли нас, что скоро кончится война. Они сообщили новости из России. Там уже Советское правительство, которое отказывается от продолжения войны. Услышав такое сообщение, солдаты были очень довольны. Эти новости сразу у всех подняли дух и желание отстаивать свое требование — возвращения в Россию.

В Марселе судно стояло три дня. Шла разгрузка привезенных из Африки продуктов. Русских солдат на берег не высадили. Моряки передали, что нас повезут дальше, в Тулон.

СНОВА ВО ФРАНЦИИ

По прибытии в Тулонский лагерь, который находился за городом и был обнесен в несколько рядов колючей проволокой, мы встретили здесь своих земляков, прибывших сюда раньше из Африки и с острова Эльдекса. Все земляки также по разным причинам были записаны в батальон смерти и приехали сюда для отправки в лагерь Курно, что недалеко от города Бордо.

В лагере мы прожили три дня. За это время нас никуда не выпускали, как не выпускали и тех русских, которые приехали сюда за несколько дней раньше. На четвертый день весь наш отряд отправили на железнодорожную станцию. Мы разместились в пассажирских вагонах. В каждом вагоне было по два проводника из французских солдат.

По выезде из Тулона как-то сразу стало заметно изменение отношений к солдатам как со стороны охраны, так и со стороны сопровождавшего отряд французского офицера. На станциях разрешали выходить из вагонов, заходить в вокзалы и в магазины за покупками продуктов, если кто имел деньги. Кормили в дороге лучше, чем в Тулоне; выдали бесплатно по пятьдесят штук сигарет и по две коробки спичек.

Поздно вечером приехали на станцию Марсель, где был выдан нам горячий хороший ужин. По окончании ужина офицер проходил по вагонам и спрашивал: все ли наелись? Солдаты отвечали, что сыты доотвала... По уходе офицера в каждом вагоне начали укладываться спать. Проснулись только часов в десять утра. Поезд уже далеко находился от Марселя. Примерно через час поезд подошел к большой станции, где солдаты получили завтрак. В это время и было замечено наше исчезновение. Но солдаты решили молчать...

Еще будучи в Тулонском лагере, я, Макаров, Оченин и Станкевич решили бежать во что бы то ни стало, при первой же возможности. Мы строили всевозможные планы побега и в конце концов решили, что бежать надо во время пути, не доезжая до лагеря Курно. Поэтому, как только сели в вагон и поезд тронулся, мы надели на себя чистое белье, сменили брюки и гимнастерки, надели те, которые берегли для поездки в Россию. Сапоги и шинели у нас были хорошие, мало поношенные.

Во время стоянки поезда в Марселе, после сытного ужина, в вагонах раздался всеобщий храп. Пользуясь этим, мы стали потихоньку, без шума одеваться. Вышли никем не замеченные. Вагоны стояли в тупике, в плохо освещен-

ном месте. Мы пролезли под стоявшими товарными вагонами в несколько рядов и пошли в противоположную сторону от громадного и яркого Марсельского вокзала. Переходя пути и подлезая под стоящие вагоны, мы дошли в конце концов до последнего железнодорожного пути и, перебравшись через каменную стенку, которая отделяла станцию от города, очутились в темной и узкой улице.

Ночь была темная и очень холодная, несмотря на январь. Проходя по улице, мы часто встречали французов. В эти времена почти во всех городах Франции можно было встретить русских солдат, так как после ля-куртинского расстрела очень много русских было оставлено внутри Франции на разных работах. Ля-куртинцы работали всюду — и в городах и в селах, — поэтому встретить русских в Марселе не было ничего удивительного, и встречающиеся нам французы не обращали на нас никакого внимания.

Не прошли мы и двух кварталов, свернули в другую улицу, как у одного уличного фонаря идущий навстречу нам человек по-русски спросил:

— Вы — русские?

Мы от неожиданного вопроса опешили и остановились, не зная — отвечать или молчать. Незнакомец повторил свой вопрос.

Мы ответили:

— Да, русские...

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, земляки! — неожиданно весело проговорил незнакомец.

— Я тоже из России, поляк Войцеховский, но живу здесь, в Марселе, более двадцати лет. Пойдемте ко мне в гости!..

Мы не заставили себя долго упрашивать и пошли обратно за ним.

Войдя в свою квартиру, которая состояла из двух небольших комнат и кухни, Войцеховский познакомил нас, четверых, со своей женой, тоже полькой, и дочкой с мужем—французом. Жена Войцеховского говорила по-русски неплохо, дочка немного понимала, а зять ни одного слова не знал. Зятю было на вид лет тридцать; он был очень бледен и худ, как и все болеющие туберкулезом.

Хозяин предложил нам раздеться и сейчас же усадил всех за стол. Время было часов двенадцать ночи. Хозяйка подала ужин, и все сели кушать.

— Я работаю на литейном заводе слесарем, — рассказывал Войцеховский, — дочь работает на швейной фабрике, зять — чертежником на нашем заводе, а старуха дома

хозяйничает... И все-таки мы еле-еле тянем. До войны было хорошо жить, мы себе ни в чем не отказывали, всегда были сыты, но теперь стало очень плохо. Если эта проклятая война протянется еще год, то... — Войцеховский не договорил, махнув рукой. — А теперь, дорогие гости, расскажите, как вы попали в Марсель, по какому делу и на долго ли?

Мы переглянулись друг с другом, как бы спрашивая, что надо отвечать.. Хозяин заметил наше смущение...

— Да вы не стесняйтесь, здесь люди свои.

— Мы из ля-Куртина, — сказал Станкевич.

— По какому же делу прибыли сюда? — спросил снова хозяин.

Мы молчали.

— Да что вы, друзья мои, русский язык забыли во Франции? Или вы, может быть, думаете, что в жандармское управление попали? Нет, нет...

Войцеховский был так добродушен, что ему нельзя было что-то солгать. Ему так и хотелось рассказать всю правду. Но мы все еще не решались быть откровенными. После всего пережитого каждый из нас стал до того осторожным, что всякое слово говорил, хорошо обдумавши.

— У меня вы будьте как дома, — сказал хозяин. — А если надо в чем помочь, к вашим услугам. Что могу, все сделаю.

Станкевич в кратких словах объяснил все Войцеховскому, сказав, что теперь мы стремимся попасть в Испанию, а оттуда в Россию.

Выслушав рассказ Станкевича с большим вниманием, Войцеховский заметил:

— Да, ваш путь не легок... Но впереди еще тяжелее.

Помолчав минуты две, хозяин спросил:

— Деньги у вас есть?

— Нет ни гроша, — за всех откровенно ответил Станкевич.

— Это осложняет положение...

Ужин закончился и дочь с мужем ушли спать в другую комнату. Когда вслед за дочерью ушла и жена, Войцеховский сказал:

— Мой совет — в Испанию вам бежать не следует. Вас могут вернуть во Францию. Пробирайтесь лучше в Швейцарию. Согласно существующим в Швейцарии законам оттуда не выдают никого из перешедших границу. А в отношении расстояния — в Швейцарию, пожалуй, будет ближе, чем в Испанию. Да и границу здесь лучше перейти. Альпийские

горы густо покрыты лесом, в нем легче скрыться от пограничной охраны. Кроме того, из Швейцарии вам ближе до России...

Разговор наш закончился далеко за полночь. Мы совместно выработали план побега из Франции и часа в три утра легли спать. Рано утром Войцеховский вышел из квартиры с большим узлом. В нем было четыре русских шинели, гимнастерки и четверо военных брюк. Ноша была нелегкая, но Войцеховский, несмотря на свои пятьдесят пять лет, не чувствовал тяжести.

Возвратившись домой, хозяин перетряс весь свой гардероб, а также гардероб зятя и кое-как сумел одеть нас, чтобы хоть не стыдно было сидеть дома при женщинах.

Выкрасив наше обмундирование в черный цвет, Войцеховский снес его знакомому торговцу старым платьем и выменял на ботинки, рабочие блузы, пальто и кепи. Кроме того, торговец дал ему в придачу семьдесят пять франков.

Утром, одевшись в гражданское платье, плотно позавтракав в последний раз с гостеприимным хозяином и поблагодарив его и хозяйку за радушный приют, мы вышли на улицу.

ВПЕРЕД В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Ярко светит полуденное солнце, далеко раскидывая теплые лучи. Блестят на солнце, протянувшись на тысячи километров, железнодорожные рельсы. Тихо и ясно кругом. Лишь легкий зимний ветерок иногда налетит на высокую железнодорожную насыпь и подымет с нее пыль, да временами промчится товарный или пассажирский поезд в ту или другую сторону, разрезая воздух могучим гудком. И опять воцаряется тишина...

По обеим сторонам железной дороги раскинулись хлебородные поля, но на них не видно ни одного человека. Все, что было засеяно весной, убрано осенью, и поля лежат отдыхая... Несмотря на январь снега нигде нет. В южных частях Франции снега почти никогда не бывает.

Мы идем вдоль железнодорожных рельс. Идем налегке и, сами не замечая того, широко и свободно, по-военному, машем руками, одновременно опуская на землю ноги. Когда солнце начало опускаться к закату, мы сошли с железнодорожного полотна и сели на землю под растущим около насыпи деревом. Отдохнув минут десять — пятнадцать и покурив, вынули из карманов пальто хлеб и сыр и начали закусывать. Молчавшие всю дорогу, мы постепенно разговорились.

— Много ли отмахали от Марселя? — спросил Оченин.

Макаров прожевал сыр, подумал и ответил:

— По-моему, километров тридцать, не меньше, — мы здорово шагали.

— Володя, в кепке и пальто ты настоящий французский мастеровой, и усы как у француза, тебя Занкевич не узнает, что ты русский солдат, — проговорил Макаров, обращаясь к Станкевичу.

— А ты что думаешь, мне особенно хочется, чтобы меня Занкевич или какая подобная сволочь узнала? — ответил Станкевич. — Я хотел бы, чтоб меня до самой России никто не узнал!

— Ну, довольно отдыхать, прем дальше, может быть на следующей станции удастся на какой-либо товарный забраться, — сказал Оченин.

Мы поднялись и снова тронулись молча в путь. Придя ночью на небольшую станцию, мы заметили стоявший товарный поезд. Устроили маленький совет. Решили сесть на тормоза по два человека, а в случае кто будет замечен и ссажен, то должны сходить и остальные.

Набрав воды, поезд пошел. Вдруг мы заметили порожний с открытой дверью вагон. План моментально меняется, и все мы бросаемся в догонку за порожним вагоном. Подталкивая друг друга, трое быстро взбираются в вагон, а последний был втащен за руки. Мы закрыли дверь вагона и с удовольствием растянулись на полу. Первое время было как-то жутко. На остановках мы осторожно заглядывали в дверную щель и прислушивались, не осматривают ли вагоны, но потом успокоились, осмелели и, доев запас хлеба и сыра, крепко заснули, утомленные дневным пятидесятикилометровым переходом от города Марселя.

Мы проснулись утром. Было уже совсем светло. Поезд подходил к городу Лиону. За ночь мы проехали километров триста.

— На улице-то день! Все мы проспали и пропали! — сказал Оченин. — Теперь нам отсюда выбраться незаметно не удастся. Нас обязательно арестуют. Проспали, черти!..

В открытую дверь вагона стали видны заводские и фабричные трубы Лиона. Мы приготовились, договорившись, что как только поезд убавит ходу, то сейчас же по очереди прыгать, не доезжая до станции. Поезд влетел в сотни перепутанных рельс, сворачивал со стрелки на стрелку и, замедляя ход, вошел в гущу товарных вагонов.

— Прыгай! — крикнул Макаров.

Оченин прыгнул, не сдержался, упал, но тут же встал. За Ченины прыгнул я, выбрав свободное, ничем не завален-

ное место. Последним выскочил Станкевич. Пробитая еще на фронте нога хотя и зажила, но иногда страшно мешала Станкевичу. Прыгая, он упал неловко и зашиб раненую ногу. Лежал на песке и не мог встать. Макаров бросился к нему на помощь. Станкевич встал, постоял минуту и, подергав ногой из стороны в сторону, проговорил:

— Пойдем, Гриша. Пройдет. У меня так часто бывает.

Отряхнув с себя песок и грязь, оглядываясь по сторонам, мы пошли в город. Зашли в самую дешевую столовую, пообедали, купили на дорогу хлеба и табаку и отправились пешком по железнодорожному пути, который вел на восток. За день отшагали километров пятьдесят. Сесть опять на поезд, несмотря на неоднократные попытки, не удалось. Всю ночь продежурили на одной небольшой станции, но также безрезультатно. Проходившие поезда останавливались редко, а те, которые задерживались, тщательно охранялись.

Перед рассветом, уснув немного на сложенных в штабеля досках, мы снова тронулись дальше.

Придя к вечеру на станцию, мы чувствовали себя голодными и чрезмерно уставшими. Итти дальше не могли. Решили непременно сесть в поезд. Прождав часов до двенадцати ночи, нам наконец удалось сесть на тормоза товарного поезда. Ночь была холодная. Дул сильный, пронзительный северный ветер. Несмотря на то что всем хотелось спать, целую ночь пришлось трястись на тормозах.

Так продвигались мы несколько суток: днем шли пешком, а ночью — с поездом... Хлеба у нас давно уже не было. Просить стеснялись. Нас мучил голод. А тут еще стало холоднее. Бесснежный юг был отсюда далеко. Мы зябли.

Приехав в город Безансон, мы решили во чтобы то ни стало достать хлеба. Мы пошли на базар. Ходили, присматривались, кое-что брали у торговцев и пробовали. Но это нас не удовлетворяло. Опустевшие за двое суток желудки нестерпимо требовали не пробы, а основательной закладки. К тому же надо было сделать некоторые запасы еды, потому что приближалась граница, Альпийские горы, через которые нам надлежало перевалить. Но многого достать не удалось, и мы пришли на вокзал полуголодными.

На дворе темнело, в вокзале было много народа, и мы решили проспать здесь на скамьях ожидания. После двух бессонных ночей мы спали отменно до самого утра. Повременив, мы снова пошли на рынок, надеясь достать продуктов для предстоящего перехода через Альпы.

День был хотя и холодный, но солнечный; людей на рынке было очень много. Обойдя несколько раз рынок, мы

ни до чего не дотронулись, хотя соблазнительного было много. И опять пустыми вернулись на вокзал, рассчитывая попасть на какой-либо поезд, идущий к швейцарской границе.

В это время подошел пассажирский поезд. Стоявший в стороне Оченин оглянулся и, забыв всякую осторожность, вскрикнул:

— Ребята! Наши русские приехали!

Действительно из вагонов выбегали русские солдаты. Мы кинулись к ним.

— Товарищи, вы куда едете? — спросил Макаров стоявших у вагона солдат. Они были немало удивлены, услышав от француза чистый русский язык. Несмотря на это они быстро ответили:

— Едем на работу.

— Возьмите нас с собой,— проговорил Оченин.

— А сколько вас?

— Вот все здесь — четверо, — ответил Оченин.

— Лезьте живо, чтоб никто не видел, — сказал один солдат.

Через минуту мы были в вагоне. Наше появление удивило всех солдат. Все смотрели на нас, недоумевая, что надо французам в их вагоне. Вошедший за нами солдат сказал:

— Не удивляйтесь, один из них говорит по-русски, вот мы и пригласили их к себе в вагон.

Солдаты сразу обступили нас. Каждому хотелось скорее узнать, который же из французов говорит по-русски? А мы все молчали, обрадованные неожиданной встречей со своими земляками. Паровоз дал отходный свисток, и поезд тронулся.

— Ну, теперь здорово, землячки! — весело проговорил Оченин. — Вы считаете нас французами, но мы такие же солдаты, как и вы... из второго полка.

— Как из второго полка? — спросил солдат, стоявший рядом с Оченином.

— Очень просто, — ответил Макаров. — Мы из...

Но Макарову не дал договорить раздавшийся с верхней полки крик: — Гриша! — Лежавший на полке солдат как бомба слетел сверху и бросился обнимать Макарова. Это был Петров, друг и товарищ Макарова. Они крепко обнялись. Вскоре прибежали солдаты из другого конца вагона. Среди них было несколько солдат из бывшей первой роты, которые также узнали нас. Радости не было конца.

Когда волнение от неожиданной встречи немного улеглось, приступили к расспросам. Петров оказался старшим вагона. Он сейчас же распорядился накормить нас. Пока

мы ели, он рассказал, что эта партия в двести человек работала небольшими группами на разных французских фермах. Теперь полевые работы закончены, и сейчас их перегоняют на лесоразработки, на станцию ля-Жу, где уже работает много русских.

Всем вагоном было решено и нас включить в список, а в случае каких-либо разговоров в ля-Жу, поддерживать нас и всеми средствами стараться доказать начальству, что все мы едем из одного места. Петров сейчас же подписал внизу списка четыре новых фамилии, — и все было в порядке. В вагоне оказалось не мало запасных шинелей, гимнастерок, брюк и сапог. Солдаты наперебой предлагали нам запасное обмундирование. Через полчаса все четверо снова были русскими солдатами. Штатскую одежду выбросили из вагона, чтобы не было никаких подозрений.

Вечером приехали на станцию ля-Жу. Сопровождавший русских солдат французский офицер Дюбуа выстроил прибывший отряд и повел его в лагерь. Прибывших ожидал хороший ужин. В приготовленных бараках были койки, матрацы и по два одеяла на человека.

На следующее утро, после завтрака, в бараки пришел поручик Бушико. Он приказал выстроить вновь прибывших. Французский офицер передал Бушико, что доставлено двести человек. Но когда стали проверять по спискам, то оказалось двести четыре. Бушико решил показать себя начальником. Убедившись еще раз, что в строю действительно двести четыре человека, он сделал французскому офицеру замечание, упрекая его в том, что он не знает, сколько прибыло с ним людей. Офицер так смутился, что не нашел даже слов в свое оправдание.

Нас разбили на десятки и на сотни. Одну сотню оставили при лагере, а вторую отправили вглубь леса, километров за пять, где также были лесопильные заводы и бараки, в которых жили канадцы, негры и русские. Я и Макаров остались в первой группе, а Станкевич и Оченин были зачислены в другую. Но все мы, как унтер-офицеры, были назначены десятниками и на следующий же день приступили к своим новым обязанностям. Так никто и не узнал из начальства, что мы «сверхштатные», приставшие в дороге.

Однажды, придя в барак, Бушико сообщил солдатам, что скоро прибудет большая партия нового обмундирования. Это сообщение не особенно обрадовало солдат. Оно говорило о том, что скоро выбраться отсюда нам не удастся.

— Обмундирования нам не надо, господин капитан, — заговорили солдаты, — вот как бы поскорее поехать домой — это другое дело.

— Сейчас об отправке в Россию говорить не приходится, — категорически заявил Бушико. — В настоящее время на французском фронте идут усиленные бои, союзники решили нанести немцам окончательное поражение, и все силы брошены на фронт. Несмотря на то что новое русское правительство изменило союзникам и воевать с Германией не хочет, союзники и без России до весны разобьют германскую армию, а потом через Германию пройдут в Россию, посчитаются с большевиками — изменниками родины.

— В Россию приедем, увидим, кто прав, кто виноват. Если Керенский прав, за ним пойдем, а если Ленин прав, то за ним... На месте, господин капитан, нам виднее будет, — дружно отвечали солдаты.

— Видно и отсюда, чего добиваются большевики, раз изменили союзникам, — настаивал Бушико.

— Вам может быть и видно, а нам пока нет, мы народ темный, издалека не видим, а дома как-нибудь размозгуем за кем итти!

— Говорят, Ленин приказ издал: всю помещичью землю мужикам отдают, паши, сколько хочешь. А Керенский почему-то приказа такого не написал, — не сдавались солдаты. — Нет уж, повоевали, хватит!..

ПОДГОТОВКА К ПОБЕГУ

В воскресенье Оченин и Станкевич пришли навестить меня и Макарова. Мы отправились в деревню посидеть в кафе. Время было дообеденное, и в кафе народу было немного. Французы посещали кафе по вечерам, а русские и канадцы — обыкновенно после обеда.

Поделившись впечатлениями о своем житье-бытье на новом месте, мы заговорили снова о побеге в Швейцарию. Это решение не давало нам покоя. За время пребывания в ля-Жу каждый из нас старался получить какие-либо сведения о дорогах к границе, о переходе через Альпийские горы и об условиях охраны границы французскими и швейцарскими пограничниками.

Собранные за это время сведения мало сулили надежд на благополучный побег. Поэтому было решено переговорить с Андреем Крыловым, который уже пытался бежать, но неудачно. Он знает дороги и тропы в Альпах.

Переговорив, мы решили, что я и Макаров пригласим в следующее воскресенье с собою в кафе Крылкова. Оченин и Станкевич будут нас ждать.

В условленный день я, Макаров и Крылков пошли в деревню в кафе. Там ожидали нас Оченин и Станкевич. По-

следний рассказал нерадостную новость: у него открылась старая рана на ноге, которая с каждым днем становится все хуже и хуже, — очень мешает ему во время ходьбы.

Сначала были самые невинные разговоры, а потом незаметно перешли к разговору о Швейцарии. Осторожно Крылкова спросили о неудачном его побеге. Он оказался словоохотливым и поведал нам все свои похождения: где и как он шел, как попался в руки пограничников. Подвыпивши, Крылков сказал, что скоро он снова пойдет в Альпы. Но на этот раз он собирается итти один. Он уверял, что одному можно пройти лучше и незаметнее.

На вопрос Оченина, не возьмет ли он его с собою, Крылков ответил отрицательно. На этом разговор о Швейцарии был закончен; мы вскоре разошлись.

Общаясь с солдатами других национальностей, изредка заглядывая в газеты, мы знали о положении в России несколько больше, чем наши лагерники. Поэтому всей четверкой мы старались рассказать им, что знали... Солдатам такие беседы нравились. Они слушали жадно и все тесней сближались с нами. Это заметили капитан Бушико и его помощник Дюбуа. Они стали больше обращать на нас внимания. Старались быть дружными. При встречах вели разговоры о России, пытаясь узнать наши симпатии, взгляды. Мы догадались, в чем дело, — поняли заигрывание офицеров и держали, как говорится, ушки на макушке. Скрытый побег из Африки все еще не давал нам покоя.

Иногда офицеры вызывали к себе меня и Макарова, угощали вином, сигаретами. Они старались узнать через нас о настроении солдат. Изредка Бушико старался завести разговор о фронте и спрашивал у нас, как мы смотрим на это. Мы отвечали, что солдаты на фронт не пойдут.

— А если бы вы начали их уговаривать? — вдруг спрашивал Бушико. — Они послушают вас?..

— Кажется, нет. — Мы понимали, чего хотел от нас капитан. Да он и сам не скрывал своих намерений. Однажды, он прямо сказал:

— Если вы сумеете уговорить солдат пойти на фронт, вы будете за это произведены в офицеры.

Капитан хотел за офицерские чины сделать нас предателями.

ВТОРОЙ ПОБЕГ КРЫЛКОВА

В конце февраля Крылков исчез. Все были уверены, что он снова решил попытать счастья — пробраться в Швейцарию. На этот раз он ушел один. Четыре дня о нем

ничего не было известно. На пятый Андрей Крылков был приведен французскими пограничниками. Он был весь ободран и измучен. Видно, попытка к побегу стоила ему не мало трудов.

Бушико посадил его на десять суток под арест на хлеб и воду.

Неудачи Крылкова сильно подействовали на нас. При встречах мы долго обсуждали, как быть. Но несмотря на все предполагаемые трудности и на неудачные побеги Крылкова, мы все же решили продолжать приготовления и попытаться уйти в Швейцарию. К тому же, поделившись своими планами с некоторыми товарищами, мы встретили немало желающих бежать вместе с нами.

Наконец подготовка была закончена. Нам очень помогли канадские шоферы и денщики. Через заведующего оружейным складом они достали для нас девятнадцать автоматических браунингов, двадцать два военных складных ножа. Ножи были с длинными и прочными лезвиями и скорее походили на небольшие кинжалы. Нашли консервов несколько банок. Все это мы спрятали до подходящего времени в лесу.

Обстоятельства складывались в нашу пользу. Капитан Бушико, вслед за подпоручиком Дюбуа, переехал в город Салинс, где он поместился со своим денщиком Безуглым в одной богатой гостинице. Каждую субботу вечером Макаров отвозил ему сведения о произведенных за неделю работах. Переговорив с товарищами, мы наметили днем побега воскресенье, когда в лагере не было ни Бушико, ни Дюбуа. Только жалели об одном: оставался Станкевич; у него так разболелась рана, что он не мог даже свободно передвигаться. Со слезами на глазах он заранее прощался с нами, желая всем нам счастливо добраться до Швейцарии.

Наша группа состояла из двадцати одного человека. Все мы ждали с нетерпением воскресенья.

Неожиданно Макаров заболел триппом. В первую же ночь температура повысилась до сорока градусов. Он лежал в бреду. Пришлось отправить его в госпиталь. А в субботу, в неурочный день, приехал Бушико. Взяв у канадских офицеров автомобиль, он завернул в канцелярию. Тут он узнал о болезни Макарова. Вызвал меня, посадил в автомобиль и направился в госпиталь. С Макаровым был сильный бред. Выйдя из госпиталя, Бушико приказал шоферу ехать во вторую группу. Во время пути из первой группы во вторую Бушико не проговорил ни одного слова, несмотря на свою словоохотливость.

Эта непредвиденная поездка беспокоила меня. Я решил, что, видимо, что-то случилось, и готовился ко всяким неожиданностям. Приехав во вторую группу, Бушико разыскал Оченина и Станкевича. Идя по лагерю и разговаривая о работе, мы незаметно миновали бараки и очутились в лесу. Бушико предложил всем троим встать под густой сосной и приготовил свой фотографический аппарат, с которым он никогда не расставался. Мы, признаться, были очень рады получить бесплатные фотографические карточки, тем более что аппарат Бушико был очень хороший и карточки всегда выходили удачные.

Мы выстроились под сосной, наведенный Бушико аппарат щелкнул. После того как лица нас троих были запечатлены на пленке, капитан повесил аппарат на плечо, закурил сигарету и, обращаясь к нам, сказал:

— А теперь можно с вами поговорить, господа беглецы! Снимок с вас есть, удрать вам вторично не удастся. Это вам не Африка. Вы теперь находитесь в руках не у какого-либо ротозея, а у капитана Бушико!

При этих словах у нас затряслись руки и ноги. Кто ему передал, что мы были в Африке и бежали? Мы готовы были броситься на Бушико и раздавить его вместе с аппаратом голыми руками.

Заметив наш испуг, Бушико торжествовал.

— Что, голубчики? Вы хотели провести капитана Бушико? Нет, этого не бывать! На свете еще не родился такой человек... Недаром меня Керенский направил во Францию, — он знал, кого посылал!.. Жаль, что я поздно сюда приехал, я бы показал вам Куртинскую республику!

Мы стояли молча. В голове проносилось множество мыслей. Все наши планы побега сразу рухнули, и вместо трепетного ожидания воскресенья, теперь нужно было ожидать того страшного часа, в который нас вновь посадят в арестантский вагон и отправят в Африку. Невольно вспомнились чортово колесо, чаны смерти, крики товарища Андрея Карпова, и злое лицо капитана Манжен.

А Бушико не унимался.

— Да, придется вам прогуляться снова в Африку, там, наверное, вас еще не совсем забыли и ждут с большим нетерпением.

Капитан стоял против нас, расставив широко кривые ноги и подпирая руки в бока. Он жевал дымящуюся сигарету и нахально обшаривал нас взглядом.

— Я считал вас порядочными людьми и храбрыми солдатами, я доверил вам хорошие должности и поручил очень важную работу — воздействовать на темных солдат

и вывести их на верную дорогу... А вы сами оказались преступниками, каторжниками Африки, беглыми. Чем я гарантирован, что вы при побеге из Африки не убили двух-трех, а может быть и больше охранников?

— Господин капитан, разрешите сказать несколько слов, — первым заговорил Оченин. — Вы не ошиблись в том, что мы порядочные люди и храбрые солдаты. Но вы ошиблись в другом! Вы назвали нас преступниками. Вы даже предполагаете, что мы во время побега могли убить охранников.

— А разве нет?.. Чем вы докажете?

— Выслушайте меня, господин капитан, до конца и вы поверите, что я говорю только правду.

— Хорошо, хорошо, продолжай, я слушаю, — сказал Бушико. Оченин продолжал.

— Мы никакого преступления не сделали. Нас в Африку отправляли не на каторгу, а на работу. Поэтому нам незачем было оттуда убегать, да еще убивать своих охранников. Мы в Африке записались добровольцами в батальон смерти и хотели итти на фронт. Вернулись в Тулон. По дороге, на станции Лион, мы вышли из вагона. Там стоял второй поезд с русскими солдатами, идущий сюда к вам. Второпях мы ошибочно сели в него.

По приезде в ля-Жу нас это очень беспокоило, и мы не раз хотели пойти к вам, господин капитан, и рассказать всю правду. Но когда мы увидели ваше хорошее и внимательное отношение к солдатам, нам не захотелось расставаться с вами как с хорошим начальником. Мы решили подождать еще некоторое время.

Потом мы получили от вас задание — уговорить солдат итти на фронт. Решили выполнить ваше задание, а потом уже и сознаться. Мы надеялись в течение недели уговорить солдат и от лица всех просить вас, господин капитан, быть командиром вновь организованной боевой воинской части. Мы надеялись, что вы в этом нам не откажете и будете таким же чутким и внимательным, как и в данное время. — Оченин сделал паузу и договорил: — Вот все, что я вам хотел сказать, господин капитан. Мои слова — одна правда. Стоящие товарищи могут это подтвердить. А когда поправится Макаров, вы можете и его спросить, — он вам скажет то же самое.

Меня удивила такая неожиданная и ловко произнесенная речь Оченина. Доля правды, перемешанная с выдумкой, подслащенная умелой похвалой личных качеств капитана, которых за ним не имелось, видимо, доставили Бушико большое и приятное удовольствие. Он сразу пере-

менился. Его постоянно мокрые подслеповатые глаза радостно заблестели каким-то особым огоньком. Грозная поза исчезла, и Бушико стал опять таким же, как и раньше, незаметным.

— Хорошо, — проговорил капитан, — я вам верю. Но я запрошу кое-кого... чтобы подтвердили.

— Хорошо, — ответил Оченин, — запросите Африку, капитана Манжен, а также запросите русский лагерь под Бордо, где формируется батальон смерти, и вам оттуда ответят, что мы действительно состоим в списках батальона.

— Вот это мне и нужно. Если это верно...

— Ручаемся головами! — проговорили мы все трое, перебив снова капитана.

После этих слов Бушико размяк еще более.

— Я требую от вас, чтобы через десять дней все приготовления к отправке на фронт были закончены. Я остаюсь к вам таким же, каким и был до сих пор. Просьбу вашу я также принимаю и возьму на себя командование отрядом. Вас произведут в офицеры, и вы будете моими ближайшими помощниками. Довольны?

— Покорнейше благодарим, господин капитан! — гаркнули мы по старой привычке.

На этом все объяснения, чуть не окончившиеся трагедией, были закончены. Оченин и Станкевич пошли в барак, а Бушико и я сели в машину и поехали обратно в первую группу. Во время пути Бушико рассказал мне, что он получил анонимное письмо, в котором было описано, как четыре «африканца» попали в ля-Жу. В письме или не было указано, как «африканцы» присоединились к русскому поезду, или Бушико просто об этом умолчал. Оченин солгал вместо города Безансона, он назвал город Лион.

ПОБЕГ ОТЛОЖЕН

Вечером после отъезда Бушико в Салинс, Оченин и Станкевич передали своим товарищам по второй группе, что побег в назначенное воскресенье не состоится. С писарем Ананченко мы пошли проведать Макарова. Он еще ничего не знал, что произошло сегодня в лесу. Хотелось ему рассказать обо всем, тем более, что Бушико мог потребовать от него объяснения. А если оно будет непохожим на историю, сочиненную Очениным, хорошего мало. Но несмотря на все попытки, нам увидеть Макарова не удалось. Дежурный по госпиталю канадец только сообщил, что больной чувствует себя очень плохо.

В понедельник утром Бушико опять приехал в ля-Жу. Зайдя в канцелярию, он приказал Ананченко составить ведомости на выдачу солдатам денег за работу, проставляя каждому ежедневно десять часов с оплатой три франка семьдесят пять сантимов в день.

— А как быть с теми солдатами, которые работают не десять, а восемь часов? — спросил Ананченко.

— Сколько бы они ни работали, а ты проставляй всем без исключения десять.

— А какую же тогда сумму им выдавать, господин капитан? — вновь спросил Ананченко.

— Ты совершенный болван, а еще ротный писарь, — проговорил Бушико. — Выписывай всем по три франка и семьдесят пять сантимов в день, а выдашь ту сумму, которая солдатом заработана. Если он работал десять часов, выплатишь за десять, а если он работал восемь, выплатишь за восемь. Понятно?

— Так точно, господин капитан, — ответил Ананченко и добавил: — А за какую же сумму солдат должен расписаться, если ему причитается три франка в день.

— Видел дураков на свете, но такого, как ты, мне видеть до сих пор не приходилось! — закричал Бушико. — Я же тебе русским языком говорю, козлиная твоя голова, выписывай всем по три франка семьдесят пять сантимов ежедневно. За эту сумму и должен каждый солдат расписаться. А получит столько, сколько он действительно заработал. Если он работал восемь часов, то выдашь ему три франка, если работал четыре, выдашь полтора франка. Если же он болел и на работу не выходил, то ничего не выдавай, а расписываться он все равно должен за три франка и семьдесят пять сантимов. Понятно?

— Так точно, господин капитан! Тогда лишние деньги окажутся...

— Лишние деньги будешь сдавать мне, а я их буду пересылать обратно в Безансон как излишек. Понятно?

— Никак нет, господин капитан, не понятно. По ведомости будет копейка в копейку или сантим в сантим, а на самом деле будет излишек. Я такой бухгалтерии никогда не видел. Это наверно французская, господин капитан?..

— Да, болван, это русско-французская, — проговорил Бушико. — Если напутаешь, то пойдешь в лес пилить сосны, а на твое место возьму другого!

После этого Бушико вышел из канцелярии и уехал к полковнику Кольдену. Оставшись один, Ананченко долго вычислял на бумаге, сколько же должно остаться денег за неделю, применяя «русско-французскую» бухгалтерию?

Оказалось, что в месяц излишек будет составлять 11420 франков.

Во вторник Макарову получшело, температура упала до 38 градусов. Посетившему госпиталь русскому фельдшеру было разрешено навестить больного. За пять дней Макаров стал неузнаваемым. Однако, не стерпев, фельдшер осторожно, чтобы не расстроить больного, намекнул на новость, которую товарищи просили передать Макарову. Сообщение обеспокоило Макарова. Он боялся больше всего за то, чтобы не помешали их побегу.

— Передай Станкевичу, — сказал Макаров фельдшеру, — чтобы он также готовился. Ему оставаться здесь нельзя, Бушико все зло вымести на нем одном.

Через день Макаров получил свою одежду и, выйдя из лазарета, потихоньку пошел в канцелярию. Там он был радостно встречен целой группой собравшихся товарищей. Все находящиеся в это время в канцелярии солдаты состояли в группе, готовящейся к побегу. Они пришли узнать, как будут обстоять дела в дальнейшем, и на какое время отложен побег.

С приходом Макарова разговор о побеге возобновился, и после долгих споров было вновь решено бежать в первое же воскресенье, несмотря на протесты Оченина и фельдшера, которые принимали все меры к тому, чтобы уговорить Макарова отложить побег на неделю, в продолжение которой они советовали ему хорошенько отдохнуть и поправиться после болезни. Макаров с ними не хотел соглашаться и настоял на своем. Когда вопрос о дне побега был решен, Макаров, обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

— Завтра утром я еду в Салинс, к Бушико. Вернусь в шесть часов утра в воскресенье. В субботу ночью вы должны все приготовить к побегу.

Ананченко необходимо предупредить всех старших сотен, чтобы они пришли в канцелярию за получением денег не позже семи часов утра в воскресенье. Завтра вечером заготовить на каждую сотню расписки, — надо утром быстрее отпустить старших сотен. Передайте от меня Станкевичу, пусть он дурака не валяет, собирается без всяких разговоров, — сказал Макаров, обращаясь к Оченину. — Объясните ему, что он пропадет в тюрьме или в ссылке после нашего побега, если он только останется здесь.

— Будь покоен, уговорим Володьку, пойдет!.. — ответил Оченин.

В одиннадцать часов дня Макаров уехал в Салинс, к Бушико. Он потом рассказывал, что, приехав, он капитана не застал в номере. Бушико вернулся только вечером. Узнав,

что его ждет Макаров, он попросил его к себе. Войдя в комнату начальника, Макаров заметил, что Бушико куда-то спешит. Он был уже одет в новый китель и ходил быстро по комнате, позвякивая шпорами. Поздоровавшись на ходу с Макаровым, капитан, опрыскивая себя духами, проговорил:

— Я очень тороплюсь... Вон на письменном столе возьми деньги и проверь. Оставишь расписку и можешь ехать обратно, когда найдешь нужным. Я вернусь только завтра утром. Ну, а как твое здоровье?

— Пока еще плохо, господин капитан, — ответил Макаров, передавая ему написанную расписку в получении денег.

Как видно, Бушико был в хорошем настроении. Он даже не напомнил Макарову об анонимном письме.

Взяв расписку и положив ее в карман, Бушико пожелал Макарову спокойной ночи и вышел. В десять часов вечера денщик Безуглый, предупредив Макарова, также ушел из гостиницы, сказав, что он придет часа в два ночи.

Оставшись один, Макаров вынул из кармана двадцать пять листов бумаги и, взяв штамп и печать начальника отряда, заготовил двадцать пять бланков. Убрав бланки в карман вместе с полученными деньгами, а штамп и печать в письменный стол, Макаров прилег на кушетку. Сон его был очень тревожный. Он часто просыпался. Взглянув в последний раз на часы (было четыре часа утра), Макаров стал одеваться. Одевшись и проверив содержимое карманов, он тихо вышел из комнаты.

Около семи часов Макаров был в ля-Жу. Войдя в канцелярию, он увидел там всех старших сотен, которые ждали получения денег. В несколько минут деньги по сотням были выданы, расписки оформлены и подшиты Ананченко к делу. Старшие сотен разошлись по своим баракам. После ухода их Оченин сообщил Макарову, что все готово, все предупреждены, а к девяти часам придут ребята из второй группы вместе со Станкевичем, который без лишних уговоров согласился бежать.

Позавтракав, Макаров запер дверь канцелярии на ключ и, вынув из кармана привезенные бланки, сказал фельдшеру:

— Садись и пиши пермиссионы (отпуска).

Фельдшер хорошо и быстро написал по-французски двадцать два пермиссиона, в каждом из которых говорилось, что такой-то русский солдат отпускается в город Понтарле сроком на двое суток. Внизу пермиссиона Мака-

ров подписывал, также по-французски, фамилию капитана Бушико.

В девять часов все были в сборе. Солдаты незаметно заходили в канцелярию и получали пермиссионы. В десять часов, купив с предъявлением пропусков в железнодорожной кассе билеты до станции Понтарле и обратно, чтобы меньше было подозрений, группа русских в числе двадцати двух человек села в вагон поезда, идущего на Понтарле, к швейцарской границе.

Выйдя после проверки пермиссионов из вокзала, вся группа наша направилась в город. Здесь солдаты разбились на несколько маленьких партий — по три, четыре человека — и пошли по улицам, не теряя друг друга из вида. Купив на дорогу все необходимое из съестного, а главное сигареты и табак, мы снова собрались вместе и пошли обедать. Деньги были у всех.

Часа в два мы вышли за город, к восточной стороне, где сейчас же начиналось подножие Альпийских гор. День был серый; снег шел крупными хлопьями и закрывал глаза. На окраине города людей было мало; каждый француз старался в такую погоду сидеть дома. Только встретились двое. Они шли от Альпийских гор. Чтобы рассеять всякое подозрение у встретившихся, мы остановили их и, угощая хорошими сигаретами, спросили, далеко ли до самой высокой вершины, и с какой стороны к ней лучше подойти? Мы рекомендовались туристами, любителями гор.

Французы подробно рассказали нам об Альпах и добавили, что самая высокая вершина — это Монблан, но он находится очень далеко и добраться до него трудно. Чтобы видеть Монблан, надо потерять несколько дней и иметь с собою хороших проводников-альпинистов.

Поговорив еще несколько минут с французами и еще раз с ними покурив, мы со смехом и шутками, бросая друг в друга комья снега, простились с встретившимися и пошли потихоньку в горы.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Альпийские горы от самого подножья и до вершин густо покрыты лесом. В горах растут и сосны-великаны и другие столетние деревья. Некоторые места гор покрыты частым низкорослым кустарником, по которому только с большими трудностями может пробраться человек. Поднявшись на несколько метров в гору, мы почувствовали наверху сильный пронзительный ветер, совсем незаметный внизу. Мокрый снег продолжал итти все сильней и силь-

ней. Целыми ворохами сваливался он с густых деревьев, засыпая всех с ног до головы.

Не обращая на это внимания, мы быстро шли в горы, стараясь как можно дальше уйти в Альпы до наступления темноты. Но чем выше поднимались, тем итти становилось труднее. Совершенно не зная Альпийских гор, даже не читавши о них до этого ни одной книжки, мы шли наугад, придерживаясь курса на восток. Есть ли в Альпах дорога или тропинки, — никто из нас не знал. Поэтому мы шли прямиком, увязая по брюхо в мокрый и рыхлый снег. Чтобы не упасть в темную как ночь пропасть, мы цеплялись за кусты.

Горный ветер свистел и ревел подобно раненому зверю. Верхушки высоких деревьев жутко шумели, раскачиваясь из стороны в сторону. Наступала темнота. Итти стало очень трудно, а в некоторых местах—опасно для жизни. В зимнюю ночь в лесу, да еще с густо падающим снегом, темнота становится так сильна, что в двух шагах совершенно не видно стоящего человека. Мокрые шинели давили плечи и спины беглецов. По горячему телу пробегали ручейки пота. Итти дальше было нельзя. Каждый неосторожный шаг грозил смертью. Да к этому времени мы очень утомились. У Макарова поднялась температура, а на ноге Станкевича открылась рана.

Было решено сделать привал до утра или до того момента, когда перестанет итти снег, и светлое небо даст возможность ориентироваться и постепенно продвигаться вперед. Для привала пришлось отступить назад и укрыться под нависшей над пропастью громадной скалой. На наше счастье площадка под скалой была ровная и порядочного размера. Сбросив с себя тяжелые шинели, беглецы начали дружно утаптывать мокрый снег. Выровняв площадку, мы решили с помощью мягкого и липкого снега возвести стену, которая закрыла бы площадку с южной стороны от ветра. Получалось нечто вроде шалаша. Под скалой стало тихо.

Принесли сухих сучьев. Вскоре запылал костер. Несколько человек стояли снаружи «дома» и наблюдали, виден ли со стороны пылающий костер. Результаты наблюдения были неожиданны. Снеговая стена так хорошо была выложена, что огонь снаружи совершенно был не виден. Это очень обрадовало всех.

Заделав последний проход, мы по очереди грелись у костра и сушили промокшую одежду. Только Макаров и Станкевич бессменно лежали возле огня, закусывая хлебом с канадскими мясными консервами. Предусмотрительно

купленным в Понтарле вином мы окончательно согрелись. Немного отлегла и усталость. Выставив дежурных, мы завернулись в просохшие шинели, палатки и заснули у костра. Дежурили по два человека. В обязанности дежурных входило постепенно подбрасывать в костер дрова и прислушиваться ко всякому шороху в горах. Люди сменялись каждый час.

Мартовская ночь в горах еще очень длинная и за ночь всем беглецам удалось хорошо отдохнуть и выспаться. Перед рассветом, позавтракав и потушив костер, мы снова продолжали путь. Снег прекратился, ветер утих, и ясное тихое утро сулило надежды на благополучное путешествие. Снег был очень глубок, итти по нему было тяжело. К обеду вся группа вынуждена была остановиться на отдых. Но задерживаться надолго нельзя было, и через час мы снова тронулись, держа все время курс на восток. У нас был компас, подаренный канадцами.

В этот день остановку на ночлег пришлось сделать раньше, потому что Макаров до того ослаб, что не мог совершенно двинуться с места. У него опухло горло, ему трудно было дышать. Приходилось даже нести его на развернутой палатке. Но итти с тяжелой ношей по глубоким сугробам, придерживаясь одной рукой за кусты, было невозможно. Поэтому и остановились на ночлег раньше времени.

Такой удобной площадки, как в первую ночь, не могли найти. Остановились под густыми деревьями, под которыми было сравнительно тихо и тепло. Развести костер на открытом месте не решились, боясь того как бы огнем не привлечь к себе пограничную охрану. Ночь без костра показалась в несколько раз длиннее.

Макаров всю ночь не спал. Он сидел, прислонившись к дереву. Я и Оченин сели по обеим сторонам, поддерживая Макарова от падения своими плечами. Фельдшер предложил ему выпить кружку вина с аспирином. После этого он почувствовал себя несколько лучше и попросил есть. Перед выходом фельдшер смазал горло Макарова иодом и хорошо забинтовал шею. Со Станкевичем фельдшеру также не мало было хлопот. Он на каждой остановке тщательно смазывал рану и вновь накладывал бинт.

После третьей ночевки в путь тронулись без завтрака. Карманы у всех были пусты. Но шли бодро, — мы были уверены, что сегодня обязательно должны дойти до швейцарской границы, где надеялись на хороший обед и отдых. Однако наступил и четвертый день, а границы все еще не было. Если считать по прямой, от города Понтарле до границы тридцать километров. По хорошей дороге перейти

это расстояние можно было бы часов в пять. А мы отмерили плохо-бедно километров шестьдесят, но духа Швейцарии еще не слышали.

Мы шли гуськом, след в след. Впереди — Оченин, за ним я, после меня Макаров, за ним — Станкевич, фельдшер. Во время обхода одной очень крутой скалы фельдшер, наблюдая за идущим впереди Макаровым, сорвался вместе с кустом, за который он держался, и полетел в пропасть. Все уже считали его погибшим, как минут через пять снизу раздался тихий крик. Услышав крик фельдшера, Оченин, я и еще несколько человек начали осторожно спускаться вниз. Оказывается, пролетев метров десять, фельдшер счастливо задержался, — он зацепился ремнем фельдшерской сумки за острый выступ скалы. Ремень до того оказался прочным, что выдержал тяжесть висящего человека.

ВСТРЕЧА С ФРАНЦУЗСКИМИ ПОГРАНИЧНИКАМИ

Голод давал себя чувствовать. Всем страшно хотелось есть. Оченин разделил остатки хлеба и сыра между Макаровым и Станкевичем. Но несмотря на ощущаемый голод мы продолжали всю ночь продвигаться вперед. Каждый хотел как можно скорее добраться до жилья, а поэтому усталость как-то чувствовалась меньше.

Ночь кончалась, наступал рассвет. Люди были сильно измучены. В особенности двое больных... Они еле-еле волочили ноги. Макаров до того ослаб, что двигался все время поддерживаемый товарищами. Сильный Оченин шел неизменно впереди, прокладывая собою путь в снежных сугробах. Итти первым — это очень трудно... Пробираться по его следам было несравненно легче. Некоторые товарищи хотели его заменить, но он отказался.

Пройдя по густому лесу метров пятьдесят, Оченин остановился и спрятался за большое дерево. Он что-то осторожно смотрел вперед, подавая рукой знак итти тише. Когда мы подтянулись к нему, он указал рукой вперед, где были ясно видны четыре койки, стоящие под густым деревом. На койках лежали люди в военной французской форме и, как видно, крепко спали.

Мы присели в снег и думали, что дальше делать. Расстояние до спящих французских пограничников было метров сорок. Некоторые предлагали: подойти как можно ближе и открыть по ним стрельбу из имеющихся револьверов. Другие советовали: осторожно отступить назад и обойти в ту или другую сторону.

Оченин ни с одним предложением не согласился. Он

предложил свой план, который сводился к следующему. Четыре человека, которые себя хорошо чувствуют, должны осторожно подобраться к пограничникам, и если удастся, то быстрым налетом отобрать у них винтовки. Остальные товарищи должны быть на всякий случай на-чеку. План Оченина был принят. Желающих итти разоружать пограничников нашлось больше чем следовало. Оченин взял с собою меня и еще двух человек. Остальных взять отказался.

Перед выходом он объяснил: револьверы держать в руках, но спрятанными в карманы; стрельбы без его команды или знака ни в коем случае не открывать; стараться без шума отобрать винтовки.

Мы крались подобно кошкам. Не было слышно ни одного звука. Каждый шаг делался медленно и тихо. Спящие пограничники не шевелились. Мы приближались и приближались. Волнение у всех увеличивалось. Когда до спящих оставалось всего метра три, Оченин, идущий впереди, остановился и подал знак. Мы начали осторожно выходить влево, на одну с ним линию. Затем Оченин махнул левой рукой, и четыре человека как пантеры бросились на спящих. Винтовки были в наших руках. Проснувшиеся французы поднялись на койках и встретили наведенные на них дула. Они сразу не могли понять, в чем дело, и растерянно смотрели на нас, не произнося ни слова. В этот момент оставшиеся в засаде восемнадцать человек подбежали к нам.

Наконец пограничники пришли в себя, и один из них проговорил:

— Что такое?.. Русские солдаты?

— Да, товарищ, русские солдаты, — отвечал Оченин.

Французы встали с коек и подняли руки вверх. Это были старые, лет по пятидесяти, солдаты, которые на фронт не отправлялись, а занимали разные охраны — как внутри страны на гарнизонной охране, так и на границах нейтральных соседних государств.

Оченин передал мне винтовку, а сам подошел к французам и начал отстегивать у них пояса с патронташами. Французы не сопротивлялись. По их лицам казалось, что они не особенно удивлены своим разоружением и пленением в родной стране неожиданно появившимся «неприятелем».

После отбора патронных сумок французы начали спокойно складывать свои легкие походные железные койки. Прикрепив к ранцам, они закинули их за спины. Под деревьями, под которыми спали беспечные пограничники, было очень мало снега, — его задерживали густые сучья и вершины сосен. Снег покрывал деревья сплошным белым шатром.

Переговоры начал вести фельдшер, — он лучше всех говорил по-французски. Пограничники рассказали нам, что они охранники, высланные сюда из форпоста. Он находится за десять километров, на запад. Мы узнали даже, что граница со стороны французов охраняется слабо, а со стороны Швейцарии еще слабее. Поэтому встреча с пограничной охраной в Альпах — большая редкость. По словам охранников, до границы осталось километров шесть, но путь очень труден: чтобы пройти в Швейцарию, нужно переплыть горную, быструю, хотя и нешироку, речку.

Французы оказались очень хорошими стариками; они угостили нас хлебом, сыром и вином. Кроме того, они согласились проводить нас до границы с условием, что мы вернем им отобранные винтовки.

Путь, по которому вели нас французы, был им хорошо знаком; он был самым коротким, но и самым трудным для перехода. С восьми часов утра до одиннадцати мы шли без отдыха. Больные чувствовали себя немного лучше, и частых остановок не требовалось. В одиннадцать часов сделали привал. Теперь, по словам французов, до реки было не больше одного километра. Отсюда был уже слышен шум бежавшей воды.

Последний километр был самый трудный. Пришлось итти по очень крутой горе. Лес крупный, кустарника, за который можно было бы цепляться, мало. Опасные скаты приходилось или далеко обходить, где это возможно, или ползти на животе, придерживаясь друг за друга. В одном месте пришлось даже использовать все имеющиеся у французов веревки, а также порвать несколько палаток, чтобы надвязать веревки.

Наконец в ущелье показалась река. Она до того была быстра, что несла вместе с водой и крупные камни. С большим трудом спустились мы к ней. Сделали маленькую передышку, решая, как можно перебраться через речку. А больше всех беспокоились за Макарова и Станкевича. Без посторонней помощи они переплыть бурную реку ни в коем случае не могли.

Французские пограничники считали свою миссию покончennой и попросили вернуть им винтовки. Фельдшер ответил, что винтовки пока не дадим, — вы можете открыть стрельбу. Французы удивились. Они сказали, что им и в голову не могло притти это. Наоборот, они считали себя счастливыми, что смогли оказать помощь русским солдатам, стремящимся к себе на родину, к своим родным и близким, от которых их оторвала на несколько лет ужасная война.

— Мы тоже бедные солдаты, мы тоже рабочие и крестьяне, — говорили французы.

Французы говорили правду. Но Оченин все же не выдал им винтовки. Он вернул их несколько позже, вынув, однако, затворы для большей безопасности. Через фельдшера он объяснил, что затворы перебросит через реку после переправы. Охранники успокоились.

Связав четыре веревки, Оченин сбросил с себя шинель и, взяв один конец в зубы, бросился в холодную воду бурлящей и пенистой речки. Двадцать лет жизни на Волге выработали из Оченина хорошего пловца; он без особого труда переплыл быструю речку и выбрался на другом берегу. Вода ручьями стекала с Оченина, но это его как будто бы совершенно не беспокоило. Он сейчас же привязал конец веревки к дереву и предложил проделать то же самое на другом берегу. Веревка оказалась туго натянутой.

Четыре человека, умеющие хорошо плавать, также сбросив шинели, подошли к самой речке, подведя с собою Макарова. Положив его на разостланную палатку, четверо вошли в воду. Каждый из них одной рукой держал палатку с лежащим на ней товарищем, а другой плыл. Макаров что есть силы перехватывался руками за веревку, помогая пловцам передвигаться вперед. Таким способом они переплыли три четверти речки. Но в последний момент силы оставили Макарова, руки свело от холода, и он обессиленно оторвался от веревки.

Сопровождавшие его или растерялись или сами были сильно измучены, только они не бросились на помощь к Макарову, а крепко вцепились в натянутую веревку, повиснув на одном месте. Оставшиеся на берегу товарищи также несколько растерялись. Они закричали:

— Макаров тонет!

Не растерялся только один Оченин, который зорко наблюдал за переправой больного товарища. В одну секунду он был снова в речке и сильными взмахами рук быстро догнал Макарова, уже терявшего сознание, сбросил с его головы фуражку и, схватив утопающего за волосы, поплыл с ним к берегу. Течение сильно относило Оченина, но он все же постепенно приближался к берегу. Отдохнув на веревке, четверо, сопровождавшие Макарова, добрались до берега и пустились бежать на помощь Оченину, который в этот момент, выбиваясь из последних сил, подтаскивал к берегу почти полумертвого Макарова. Восемь рук подхватили их и вынесли на берег. Через несколько минут, после необходимой в таких случаях помощи, Макаров пришел в себя.

Переправа таким же способом Станкевича прошла благополучно. После него перебрались и все остальные. Французские пограничники отвязали от дерева конец веревки, связали оставленные русскими шинели и часть палаток. Получился большой тюк, который не так легко оказалось перетащить. Его тянули человек десять. Но все прошло благополучно, и мы получили свои мокрые шинели. Закончив переправу, Оченин перебросил французам веревку, а потом один за одним винтовочные затворы.

Пограничники, сняв фуражки, долго махали ими, прощаясь, пока мы не скрылись в лесу.

НА ШВЕЙЦАРСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Простившись с французами-пограничниками, мы быстро пошли в гору. Мокрая одежда давала себя чувствовать: в ней было итти и холодно, и неудобно. День клонился к вечеру. Чувствовался мороз. Оченин попрежнему шел впереди, с ним рядом шел Макаров, которого Оченин поддерживал за одну, а я за другую руку. Местность на швейцарской стороне была более ровная, в полчаса было пройдено километра два или больше. Потом вышли на дорогу, ведущую с севера на юг. Путь по дороге был несравненно легче, и вся наша группа, не обращая внимания на мокрую одежду и белье, зашагала весело и быстро.

Начался спуск, итти было совсем легко. Минут через сорок пять в наступившей темноте, около дороги, показался первый домик, за ним — второй, третий...

Огня в окнах не было видно. Мы прошли дальше. Вскоре показался и освещенный домик. Оченин постучал. Вышедшая девушка проговорила:

— Войдите.

Оченин спросил по-французски:

— Виноват, барышня, здесь французская деревня?

— Нет, здесь Швейцария, — ответила молодая девушка.

В доме оказался еще молодой человек, одетый в штатское платье. Он оказался очень любезным и изъявил желание довести нас до кафе.

Войдя в небольшой зал, мы нашли там много людей, сидящих за столиками. При нашем появлении они спросили:

— Русские дезертиры?

Услышав от нас утвердительный ответ, они захлопали в ладоши.

Усевшись за столы, мы ждали официанта или хозяина кафе. Но к нам почему-то никто не подходил. Попросить

же пока еще стеснялись, приглядываясь к сидящим вокруг швейцарцам. Прошло несколько минут, и к нам вдруг подошли сразу два официанта, да еще в сопровождении самого хозяина. Официанты на двух больших подносах принесли белый хлеб, стаканы и кастрюли с горячим молоком.

Поздоровавшись, хозяин сказал, что он из уважения решил самостоятельно подать горячее молоко с коньяком, — это самое лучшее средство после голодного перехода через Альпы и переправы через речку. Нас всех удивила догадливость хозяина. Видимо, он нас встречал не первых...

Все поданное официантами быстро было уничтожено, но сыт никто не был. Убирая посуду, хозяин сказал:

— Теперь вы можете заказать, что вам будет угодно, а пока заказанное готовят, я советую выпить вам еще стаканчика по два моей прекрасной и полезной для вас смеси.

Мы согласились с предложением любезного хозяина. Уходя от нас, он, как бы мимоходом, спросил:

— Я надеюсь, деньги у вас есть?

— Денег много, — ответил фельдшер.

Вскоре мы совсем повеселели. К нам подсели швейцарцы, стали расспрашивать, как и где мы шли через Альпы, сколько дней блудили в горах. Они угощали нас сигарами и поздравляли с благополучным переходом границы. Они говорили, что плыть через речку в такой мороз действительно могут только русские люди.

ВСТРЕЧА С ЖАНДАРМАМИ

Во время нашего ужина в кафе вошли два жандарма и сели в стороне за свободный столик. Как только мы расплатились, к нам сию же минуту подошли жандармы и предложили следовать за ними. После хорошего ужина очень не хотелось выходить из теплого помещения на улицу. Но делать было нечего, пришлось подчиниться. Забрав с собой все еще мокрые шинели, мы вышли из кафе и пошли за жандармами.

Мы по крутой дороге спускались более полчаса. Остановились около большого двухэтажного здания. Оно оказалось жандармским отделением пограничной охраны. Нас ввели в большую комнату-канцелярию. Находящиеся в ней жандармы сию же минуту приступили к тщательному обыску. Взяли, все что было у нас, даже документы. После этого поместили в небольшие комнаты по два человека в каждой.

Комнаты были похожи на номера плохой гостиницы.

В них стояли две железных койки с матрацами, одеялами, простынями и подушками. Кроме коек, было два стула, маленький столик, и на стене висело небольшое зеркало.

Я был с Макаровым. Быстро раздевшись и потушив свет, мы легли спать. Пять дней ходьбы по крутым горам и четыре ночи ночлега на открытом холодном воздухе дали себя чувствовать. Мы уснули моментально. Утром шестнадцатого марта нас подняли в восемь часов. Как только мы привели себя в порядок, всех повели в столовую, а затем к врачу на медицинский осмотр.

В полдень в сопровождении двух жандармов нас отправили на железнодорожную станцию, посадили в отдельный вагон и отправили в город Нефшатель, в тюрьму. Такого оборота дела мы никак не ожидали. На все вопросы: долго ли нас намерены здесь держать, — охрана отвечала, что не знает.

Только на пятнадцатый день мы были освобождены и отправлены в город Фрибург. Там нас поместили в казарме, где в это время было уже человек сто ранее прибывших из Франции солдат. Мы были встречены с радостью. В казарме нашлись товарищи. Начались бесконечные расспросы о знакомых и земляках.

В Фрибурге прожили дней десять; в город не отпускали; гулять разрешали возле казармы. Вскоре в Фрибург начали приезжать какие-то люди, хорошо говорившие по-русски, набирали себе нужное количество рабочих. Небольшими партиями, человек по тридцать, по сорок, русские были отправлены в разные места. Многие поехали на торфоразработки, осушку болот, устройство шоссейных дорог, каналов. На заводы не брали ни одного человека.

МЕСТЕЧКО РЕЙНАХ

Приехавший в Фрибург представитель одной фирмы отрекомендовался русским солдатом, пробывшим несколько лет в германском плену. В 1917 году он из Германии бежал в Швейцарию и поступил на работу в одну фирму, правление которой находится в местечке Рейнах кантона Аргас.

По прибытии в Фрибург он взял себе на выбор тридцать три человека, на которых и подписал договор с капитаном, который являлся начальником казармы и всех русских, прибывших из Франции.

В одну из групп были включены я, Макаров и Оченин. Всего нас было тридцать три человека. Нашу группу отправляли в Рейнах. Сопровождавший нас представитель фирмы объявил, что он прикрепляется к русскому отряду в каче-

стве переводчика, и все распоряжения будут передаваться через него. Приехав на место и вооружившись железными лопатами, мы приступили к работе, — проводили новые шоссейные дороги.

За десять часов работы нам платили семь с половиной франков, а старикам-швейцарцам, местным жителям, — десять франков, хотя они делали вдвое меньше, чем наши русские солдаты. А продукты мы получали скудные, по карточкам. Нам нехватало.

Проработав две недели, мы стали просить переводчика, чтобы он добился от хозяина фирмы прибавки. Хозяин отказал. Мы настаивали на своем. Тогда он заявил: если еще раз услышит от русских какое-либо заявление о недовольстве работой в его фирме, он вынужден будет совершенно отказаться от русских и направит их обратно в Фрибург.

Вечером в общежитии мы устроили собрание. Решили послать Макарова в Берн, к русскому консулу, надеясь через него добиться помощи. Кое-как собрали пятьдесят франков на дорогу. Но лучше бы и не посылать его. Приехав в Берн, Макаров разыскал русское консульство. Войдя в приемную, он попросил швейцара доложить консулу о том, что русский солдат просит его принять по важному и неотложному делу. Через пять минут швейцар вернулся и спросил: откуда Макаров прибыл в Швейцарию? Макаров ответил: из Франции. Швейцар ушел вторично. А выйдя, заявил, что консул принять не может.

— Почему? — спросил Макаров.

— Этого я не знаю. Его превосходительство так сказал...

— Что это за превосходительство! — сердито сказал Макаров.

— Вы здесь не кричите. Его превосходительство не любит шума.

— Доложи своему превосходительству, что я до тех пор не уйду, пока он меня не примет, — заявил Макаров.

Но все попытки Макарова ни к чему не привели. Тогда он написал записку и с трудом уговорил швейцара снести ее консулу. Через несколько минут он принес ответ. На записке Макарова было написано: «С дезертирами не разговариваю и не принимаю».

Макаров хлопнул дверью и вышел из консульства. Проходя по улице, он увидел над одной дверью вывеску: «Комитет помощи русским военнопленным, бежавшим из Германии и Австрии». Макаров зашел в здание. Здесь он встретил самого председателя комитета.

От него узнал, что комитет оказывает помощь только тем русским солдатам, которые прибывают в Швейцарию

из германского и австрийского плена. Бежавшим же из Франции комитет по распоряжению русского консула помощи не оказывает.

В конце беседы он сообщил большую новость: в Берн приехала русская Советская миссия во главе с полпредом. Миссия пока находится на окраине города, в небольшой вилле. Полпред ведет переговоры с президентом швейцарской республики и на-днях будет принимать консульство от старого царского консула.

Эта новость обрадовала Макарова. Он решил остаться в Берне еще на один день, чтобы увидеть первого советского полпреда. Узнав адрес, он поехал в полпредство. У входа увидел дежурившего, как и в консульстве, швейцара. Но этот был в обыкновенном гражданском костюме, а не в ливрее, как у царского консула. Встретили Макарова хорошо, полпред выслушал его внимательно, обещал помочь, выслать человека для ознакомления с условиями нашей работы. Через несколько дней в Рейнах приехал работник полпредства. Он привез на каждого пленного по триста франков. Добился заключения договора между нами и хозяином, у которого мы работали в Рейнахе на строительстве дорог.

Мы зажили намного лучше, а главное стали чувствовать себя свободнее, уверенные в том, что Советское полпредство всегда окажет нам помощь, нужную поддержку.

РАДОСТНЫЕ ВЕСТИ

В конце июня в швейцарской газете было объявлено, что Ленин ведет переговоры с германским правительством о разрешении проезда через Германию русских солдат, бежавших из Франции и находящихся в Швейцарии. Прочитав об этом, русские солдаты торжествовали. Они были уверены, что если Советское правительство принимает меры к возвращению их в Россию, то вопрос скоро разрешится. Каждый уже мечтал о том, как он приедет в родную деревню, в которой считают его давно погибшим где-то за тридевять земель. Все были полны надежд, что благодаря заботе о них Ленина они скоро снова увидят своих родных, знакомых и друзей.

В самом конце июня Рамзайер—наш новый переводчик—пришел в наше общежитие и объявил, что завтра утром все должны быть готовы к отъезду в город Шафгаузен, находящийся на швейцарско-германской границе. Вечером были получены все заработанные деньги, и ночью мы стали собираться к отъезду.

Рано утром все тридцать три человека со всем своим багажом, приобретенным в Швейцарии, вышли из общежития и направились к железнодорожной станции. Нас провожало очень много рейнахских рабочих и работниц табачных и сигарных фабрик. Перед отъездом нам старались пожать крепко руки и пожелать счастливого пути до родины. При отходе поезда несколько рабочих, махая фуражками, закричали:

— Да здравствует Ленин!

Под веселые крики поезд отошел от станции Рейнах и пошел по направлению к Цюриху, Шафгаузену. Швейцария — не Россия, Швейцария — маленькая страна, которую можно в одни сутки проехать от границы до границы.

Прибыв на станцию Шафгаузен, мы высадились и направились в специально отведенный барак, который находился недалеко от вокзала, на берегу реки Рейн. В бараке не было ни коек, ни соломы. Мы расположились на голом полу. В этот день в Шафгаузен прибыло человек триста. Остальные — человек двести — должны прибыть на следующий день. Прибывшие находились под охраной швейцарских жандармов. Ночь была холодная, с Рейна дул сильный ветер.

Утром прибыли последние группы. После завтрака всех русских вывели на окраину города, где был произведен тщательный обыск. При обыске жандармы отбирали золотые монеты и уплачивали стоимость их русскими царскими кредитными билетами, потерявшими не только цену, но и хождение в Советской России. Солдаты отказывались от этих бумажек. По окончании обыска все русские были направлены к вокзалу. У вокзала нас ожидали: представитель Советского полпредства, председатель комитета помощи русским военнопленным и переводчики других групп.

Вскоре прибыл германский поезд под военной охраной с германским капитаном во главе. Представитель швейцарского правительства передал всех отъезжающих по акту представителю Советского полпредства, а последний передал нас, также по акту, германскому капитану. После оформления передачи капитан приказал проверить и посадить людей в вагоны.

В ГЕРМАНИИ

Проехав несколько станций, поезд остановился недалеко от границы. Здесь нам было предложено взять с собою все имеющиеся вещи и выйти из вагонов на платформу. На вокзальной платформе нас выстроили по четыре чело-

века вряд и по очереди заводили в одну из комнат вокзала.

Производился тщательный осмотр имеющихся вещей. Ни золотые монеты, ни часы, ни кольца немцами не отбирались. Отбирались исключительно карандаши, пишущие ручки, бумага, блокноты, почтовые открытки и альбомы. Если у солдата был кусок туалетного мыла в обложке, то обложку снимали, отбирали, а мыло возвращали владельцу. Так же поступали и с сигаретами: их возвращали, а упаковку отбирали. Никакие просьбы солдат — оставить им снимки Индии, Франции, Африки, карточки товарищей, — во внимание приняты не были. Все было отобрано и сейчас же сожжено.

После осмотра вещей все снова были посажены в вагоны, и поезд двинулся дальше. По Германии ехали около трех суток. За время пути нас кормили очень плохо.

Проехав станцию Вержболово, бывшую границу России с Германией, поезд пошел на Варшаву. Все железнодорожные станции были заняты немецкими войсками.

В Двинске прибывших из Швейцарии пересадили в русский санитарный поезд. В этом поезде солдатам первый раз за все время пути был выдан горячий обед и сладкий чай. Вагоны были отлично оборудованы, сестры Красного креста относились к солдатам хорошо, в особенности к больным. Вся железная дорога до самого Пскова была также занята немецкими войсками, только от Пскова дорога была в руках красногвардейцев. На четвертые сутки мы прибыли в Петроград.

ВСТРЕЧА В ПЕТРОГРАДЕ

Поезд тихо подходил к Финляндскому вокзалу. На платформе был выстроен военный оркестр. Он исполнял «Интернационал». При остановке поезда две шеренги красногвардейцев взяли винтовки на караул. Мы вышли из вагонов и построились вдоль поезда. Один товарищ, встречающий прибывших, сказал приветственную речь. А после этого под звуки военного оркестра мы прошли в вокзал, где нас ждал приготовленный обед. После обеда прибывшие, также в сопровождении военного оркестра, направились в 177 сводный госпиталь. Там мы должны были отдохнуть после полуголодного пути по Германии.

Утром шестого июля в палату госпиталя вошел, вернее вбежал человек, вооруженный с ног до головы. Вбежав, он крикнул:

— Товарищи! В Москве и здесь, в Петрограде, левые

эсеры подняли контрреволюционное восстание. Вместе со свергнутой буржуазией они убили в Москве германского посла — графа Мирбаха. Этим убийством они хотят спровоцировать новую войну между Германией и Россией и сорвать наши мирные переговоры. Они хотят свергнуть рабоче-крестьянскую власть, которая, забрав у капиталистов фабрики и заводы, а у помещиков — землю, передала все это рабочим и крестьянам. Если среди вас есть сторонники Советской власти, желающие участвовать в подавлении контрреволюции, то прошу следовать за мной, — всем будет выдано оружие!

Не успел пришедший закончить свою речь, как его уже окружило большое количество людей, выкрикивая свои фамилии. Через десять минут из госпиталя выходил отряд в сто пятьдесят человек.

Под командой пришедшего он направлялся в арсенал за получением винтовок и патронов. Получив вооружение, бывшие ля-куртинцы влились в отряды рабочих и выступили на Невский проспект, где в это время шла перестрелка. Несмотря на свое небольшое количество отряд ля-куртинцев оказал рабочим Петрограда большую помощь, благодаря тому что все мы были опытными фронтовиками, не один раз понюхавшими пороха.

Выйдя на Невский, отряд разбился на небольшие группы и, рассыпавшись в цепь, открыл сильный огонь вдоль проспекта. Буржуазия стреляла по проходящим из окон с верхних этажей, перевесившись через подоконники. Заметив это, ля-куртинцы подошли ближе к домам, укрывшись под карнизами и в воротах. Они быстро переменили свою тактику и договорились так: продолжать продвигаться вперед цепью вдоль домов и обстреливать окна противоположных домов, в которых будут замечены люди с оружием.

Этот маневр был сделан правильно и быстро дал хорошие результаты. Контрреволюционеры, стреляя в солдат, проходящих под окнами их стороны, не замечали наведенных винтовок с противоположной стороны, и не успев спустить курок револьвера, они падали с третьего или четвертого этажа на тротуар, сраженные меткими пулями ля-куртинцев.

У ЛЕНИНА

Через несколько дней после подавления контрреволюционного восстания эсеров мы были вызваны к коменданту Петрограда. Он выдал каждому из нас по два килограмма хлеба, по полкило селедки, по пятьдесят рублей денег

и бесплатный железнодорожный литер на право проезда до дома.

От коменданта все разошлись по разным вокзалам. Больше всего шли на Октябрьский, откуда направлялись на Москву.

По прибытии поезда в Москву, при выходе из вагонов, мы были встречены каким-то неизвестным человеком в военной форме. Встретивший нас человек был вооружен кавказской в серебряной оправе шашкой и длинным маузером в деревянной кобуре. Обращаясь к нам, он спросил:

— Кто здесь есть из членов куртинских солдатских комитетов?

В первую минуту мы были в замешательстве. Неужели и здесь, в России, дома, нас будут трепать, допрашивать, беспокоить? Поэтому, несмотря на то что среди прибывших было несколько членов комитетов, мы все молчали.

Военный, повторив свой вопрос, улыбаясь добавил:

— Не бойтесь, товарищи, здесь не Франция, а Советская Россия... Говорите: кто есть члены комитетов?..

После этого стало легче на душе, и Макаров, выйдя вперед, сказал:

— Я был председателем ротного комитета первой роты второго полка и членом полкового комитета.

— Вот и хорошо, — сказал военный: — как ваша фамилия?

— Макаров...

— Скажите мне, товарищ Макаров, а кто еще здесь есть из комитетов?

Макаров посмотрел на товарищей и указал на троих.

Это были Оченин, Власов и я. Записав фамилии всех четырех бывших ля-куртинских комитетчиков, военный сказал, чтобы мы следовали за ним, а потом, обратившись к остальным ля-куртинцам, он проговорил:

— До свиданья, товарищи, идите кому куда нужно.

Выйдя из Октябрьского вокзала, военный подвел нас к легковой автомашине и, открыв дверцу, попросил войти. Усадив нас и сев сам в кабинку шофера, военный приказал ему ехать.

Во время бега машины мы немного пришли в себя и начали между собою тихо разговаривать.

— Это ты, Макаров, виноват. Чорт тебя с языком-то вынес, — проговорил Оченин. — Мало нас по Африке да по разным островам таскали. Еще захотелось... Отвезут вот в какую-либо тюрьму и сиди там до моркоткина заговенья, а тут домой скорее хочется, ведь четвертый год не был...

— А я в чем виноват? — спросил Макаров, который и

сам не мало струсил, очутившись в автомашине. — Если бы я не сказал, все равно бы про нас другие сказали, — ведь все знают, что мы за птицы.

— Да ладно тужить, ребята, семь бед — один ответ...

А военный сидел спокойно рядом с шофером. За все время пути он не проговорил ни единого слова и ни разу не посмотрел назад на сидящих в машине перетрусивших ля-куртинцев. Сделав еще несколько поворот, машина остановилась. Выйдя из кабинки и открыв дверь кузова, военный пригласил нас итти за ним. Когда мы вышли из закрытой машины, то оказались на каком-то большом дворе, окруженном высокой каменной стеной. Тогда никто из нас не знал, что мы находились в Кремле.

Военный шел впереди; с тяжелой думой в голове вслед за ним брели мы. Пройдя несколько шагов по двору, военный вошел в старинное и пасмурное на вид каменное здание; мы шли за ним по пятам.

Внутри здания проходили через светлые и темные коридоры, потом миновали несколько больших комнат, в которых за столами сидели люди и что-то писали. В комнатах стучали пишущие машинки, звонили телефоны, а сидящие за столами люди громко разговаривали. В некоторых коридорах, по которым проходили мы со своим проводником, в окнах были вставлены прочные железные решетки. Подойдя к закрытой двери, у которой стояли вооруженные винтовками красноармейцы, военный остановился и, сказав, чтоб мы его ждали, быстро открыл дверь и скрылся за нею.

Он вскоре вернулся и пригласил нас войти. В смежной комнате, в которую мы вошли, было пять человек военных, вооруженных револьверами в кобурах. Из этой комнаты прошли в следующую. Там сидел один человек в штатском костюме и что-то писал. Мы прошли в четвертую комнату. Прямо перед собой увидели большой письменный стол, заваленный газетами, книгами и бумагами. На столе стояли телефоны. Около стола несколько кресел, у стены — диван. За столом сидел человек, нагнувшись над газетой. Голова его была без волос, и череп блестел как хрусталь.

Мы остановились посередине комнаты, недалеко от стола. Сидящий за столом человек кончил читать и поднял голову. Мы увидели перед собой лицо с проницательными глазами. Окинув в один миг всех вошедших взглядом, человек спокойно и мягко сказал:

— Проходите к столу и садитесь.

Опускаясь в мягкое кресло, я посмотрел на сидящего за столом человека и невольно вздрогнул. В один миг

мне представился громадный портрет, который я увидел на Финляндском вокзале в Петрограде.

— Ленин! — прокричал кто-то у меня внутри. — Ленин! — прошептали дрожащие губы.

Я не верил своим глазам и открывал их все больше и больше. Сердце мое билось радостно.

«Вот кого я увидел, — думал я, не спуская широко открытых глаз с Владимира Ильича Ленина. — Вот он, чье имя пугает буржуазию всего мира!»

— Ну, товарищи! — сказал Владимир Ильич: — Расскажите мне, как вы доехали?

Мысли у меня заходили одна за другую, в голове все так перепуталось, что я не мог проговорить ни одного слова.

Макаров сидел тоже с широко открытыми глазами и смотрел на Владимира Ильича.

— Расскажите, как вас били в ля-Куртине и как вам удалось выбраться из Франции?

От этих ласковых слов и от проницательных глаз не только живой, а кажется, что и мертвый заговорить должен. Первый пришел в себя Макаров. Он в кратких словах рассказал Владимиру Ильичу о ля-куртинских событиях и о последствиях расстрела. Владимир Ильич слушал с большим вниманием, иногда записывал что-то в блокнот.

Во время рассказа Макарова мы тоже вышли из оцепенения и почувствовали себя свободно. По окончании рассказа Владимир Ильич спросил Макарова.

— Вы были в первую категорию зачислены после расстрела?

— Да, в первую.

Рассказывая, Макаров ни одного слова не сказал о трех категориях, которые были применены к ля-куртинцам фельтенским начальством. Задавая вопрос Макарову о категориях, Владимир Ильич знал, видимо, раньше о ля-Куртине и вопросом о категориях удивил Макарова.

Закончив делать пометки в блок-ноте, Владимир Ильич сказал:

— Вот вы снова в России. Сегодня поедете в родные деревни. Что вы намерены делать в деревне?

— Сами еще не знаем, — ответили мы.

— Это плохо, — проговорил Владимир Ильич.

Ленин говорил минут пятнадцать. Он говорил о больших трудностях, которые еще придется пережить рабочим и крестьянам. Он говорил, что враг еще очень силен, и с ним предстоит большая тяжелая борьба. Но враги нам не будут страшны, если беднейшее крестьянство пойдет рука

об руку с рабочим классом. В заключение беседы Владимир Ильич пожелал нам так же успешно вести борьбу за интересы рабочего класса и деревенской бедноты, как мы боролись в ля-Куртине с царскими ставленниками.

Простившись, Владимир Ильич крепко пожал нам руки.

Выйдя из Кремля, я невольно подумал: вот он какой, самый главный вожак рабочих и крестьян.

Мне стало стыдно за то, что я раньше не знал ничего о Ленине. Как мне в этот момент хотелось снова оказаться в ля-Куртине и крикнуть всем товарищам: «Вперед, за Ленина! За пролетарскую революцию!» — Дыхание спиралось в груди, слезы каждую минуту готовы были покатиться из глаз по огрубевшим щекам.

Единственное, чем успокаивал я себя, — это было то, что мы, ля-куртинцы, заброшенные за тысячи верст от своей родины, не знающие истинного положения в России, окруженные врагами, не зная Ленина, боролись за дело Ленина.

Я успокаивал себя тем, что маленькая горсточка ля-куртинцев под градом снарядов, без продуктов и воды держалась пять суток, не желая сдаваться своим врагам. Этим поступком ля-куртинцы показывали пример французским рабочим, крестьянам и солдатам, как нужно бороться за дело Ленина, за диктатуру пролетариата, завоевывая себе свободную, светлую и радостную жизнь.

ТЕ, КОТОРЫХ НЕ УКРОТИЛИ...

Из недавнего прошлого

Анри Барбюс

Какие потрясающие кинокадры можно извлечь из современного исторического хаоса! При удачном монтаже легко создать из этих кадров выдающуюся эпопею. Одна из этих эпопей, касающаяся мировой войны, вычерчивается особенно светлыми, красными красками. Это — эпическая поэма сознательности и воли! Ее молчаливый и вместе звенящий образ преследует меня с тех пор, как я побратался с людьми, которые перенесли все муки, - что я собираюсь описывать, и остались в живых.

И прежде всего разрешите мне отметить один кадр, мелькающий на экране, который представляется мне лицом всего мира. Этот кадр доминирует надо всеми остальными.

Большой митинг людей в военной форме. Это — митинг людей, осужденных на смерть. Митинг начался в восемь часов утра. Он кончится в 10 часов. Этот час установлен не военным приказом, а фатальной судьбой. Митинг кончится в 10 часов утра. Толпа солдат окружена красными флагами. Когда все они, отдельными процессиями, явились на место собрания, знамена, которые они высоко держали в руках, подгоняли их вперед, словно паруса.

Ораторы говорят на открытом воздухе, и все они кончают свои речи одним и тем же возгласом:

— Мы хотим вернуться в Россию, и ничего больше!

— Мы желаем принять участие в революции!

Кто-то говорит:

— Нас здесь 11 000 человек!

Некто мягкотелый произносит:

— А не лучше бы уступить и сдаться на милость начальства?

Тогда все остальные кричат:

— Нет!

И в один голос прибавляют:

— Мы умрем под красным знаменем!

Они поют «Марсельезу» и «Интернационал».

Митинг кончается. Музыка играет траурный марш. На горизонте зарождается свистящий грохот, и затем среди солдат начинает извергаться вулкан. Двое музыкантов убиты на месте и падают на землю. Остальные, не заполняя промежутков, оставленных убитыми, продолжают играть. Видно, как в дыму продолжают падать человеческие тела, корчащиеся в предсмертной агонии. Молнии и громовые раскаты доносятся со всех сторон.

Место бойни находится во Франции, в долине Крёз. Убойные — русские солдаты. Убийцы — русские и французские офицеры и солдаты.

А теперь вернемся несколько назад. Не теряя из виду действительности, мы все же несколько парим над ней, а нам нужно начать с самого начала. Удалимся вглубь и подойдем поближе к жалким хижинам, разбросанным по всем углам необъятной русской земли. Заглянем в подмосковную деревянную избу, или же в украинскую низенькую хату, торчком прикурнувшую в конце маленького двора, или в армянскую мазанку, плоскую, как огромная плита, и гнездящуюся в горах, на каменистой равнине, или же в конуру, где еще так недавно проживали рабочие на бакинских нефтяных промыслах.

Крестьяне и рабочие — народ бедный! — беседуют. На стене красуется портрет русского царя. Беседуют о жизни, очень тяжелой и безрадостной. Все это — люди скромные, смиренные, обездоленные. Словно цепями, прикованы они к своему труду. Некоторые из них ищут забвения в кошмаре, порождаемом алкоголем.

Вдруг положение, и без того тяжелое, еще более ухудшается. Господа объявили войну. Бедствия, страдания и лишения увеличиваются. Люди социальных низов, рабочие и крестьяне, ниже прежнего опускают головы, и одинаковые сцены наблюдаются от одного до другого края великой страны.

Перенесемся читатель в другое место. В мгновение ока мы оказываемся в виду пышно освещенного, большого дворца. Пройдем в него. Великолепные галлереи. Блестящая архитектура. Роскошные люстры и сталактиты из золота. Посреди одного зала — большой стол, крытый зеленым сукном. Дипломаты беседуют. Француз говорит русскому:

— Необходимо во что бы то ни стало послать во Францию русских солдат! Война слишком затягивается. Мы испытываем нужду в новых запасах молодых людей. Мы уже навербовали негров, но этого недостаточно. Нам нужны еще русские. Франция одолжила России денег, а даром никто не одалживает!

Эти слова, — которые передаются мной почти текстуально! — господин Палеолог [1] адресует господину Сазонову, царскому министру иностранных дел. Важные русские вельможи соглашаются с диалектикой господина Палеолога и принимают его условия. На бумаге записываются цифры человеческого груза: сорок тысяч русских солдат будут ежемесячно экспортироваться на французский фронт.

В деревенских хижинах и жалких городских лачугах реют лучи надежды: требуются солдаты-волонтеры для отъезда во Францию. Может быть, отец или сын, находящиеся сейчас в войсках, попадут во Францию? Франция! Ведь это — республика!..

Какая мечта: уехать во Францию! Эта мечта подымает дух деревенской молодежи. Она зажигает пламень в сердцах солдат, облаченных в длинные шинели и заключенных в казармах или же окопах, где на пятерых человек приходится по одному ружью.

Вербовка. Волонтеров — масса. Выбирают лучших: высоких ростом, крепких телом и «ученых», то есть таких, которые умеют читать. Из явившихся добровольцев отбирают только пятнадцать человек на сотню. Остальные, отвергнутые, разочарованы и печальны, как люди, проснувшиеся после прекрасного сна. Избранные лихорадочно собираются в дорогу: там их не будут хлестать по щекам и наказывать розгами, как в царской армии! Там каждому дадут отдельное ружье! Волонтеры ослеплены радужными перспективами.

Дорога. Сразу — новый свет. Люди убеждаются в сферической форме земного шара. Огромная Россия! Еще более огромная Сибирь! Отдельные воинские отряды, напоминающие муравейники, собираются воедино, крепко сколачиваются и погружаются на пароходы. Одни прибывают в Марсель через Сибирь и Владивосток. Другие добираются до Бреста через Архангельск. Русские с большой помпой

---

[1] Посол Франции в России в 1914 — 1917 гг.

выгружаются во французском раю. Овации, гимны. Гремит «Марсельеза». Восторженные толпы на улицах. Солдатиков угощают шоколадом и папиросами. Наиболее экспансивные патриотки целуют наиболее красивых русачков.

Первое разочарование. Война, что называется, топчется на месте. Главное командование решает укрепить дисциплину, так как только солдаты повинны в том, что армия не летит от одной победы к другой. Военная субординация[1] должна соблюдаться еще строже, чем в мирное время. Люди превращаются в восковые автоматы. Возрождаются телесные наказания: пощечины и порка розгами. Основание: «русский человек понимает только мордобой!» Впрочем, не только с ними обращаются подобным образом, и доказательство налицо: многочисленных сенегальцев, угрозами или заманчивыми посулами оторванных от родных, экзотических очагов, воспитывают и укрощают палкой. Само собой разумеется, что в ушах все еще звенят отрывки «Марсельезы», а в глазах мелькают такие же отрывки из «Прав человека и гражданина». Но музыка есть не больше и не меньше, как одна из чудеснейших форм ветра, а права человека написаны на ширме, которая крепко стоит между правителями и толпой.

Иногда слышится вопрос:

— А где же эта самая демократическая Франция?

Ответ:

— Не знаем! Но создается впечатление, что мы не находимся во Франции!

Положение ухудшается...

В солдатской массе наблюдается кое-какое брожение. Чувствуется «скверный дух» в стадии образования. В «сферах» — смущение и легкий испуг. Верховное командование, в согласии с властями, создает провокационные выходки, которые позволяют ему принять кое-какие энергичные меры. Одна из этих провокаций, связанная с именем Вининга, агента-провокатора при русском посольстве, заканчивается убийством полковника Краузе, на которого однажды вечером набрасывается толпа возбужденных или просто подкупленных солдат. Но главным образом она заканчивается тем, к чему, собственно говоря, сводились все старания: к крайним мерам репрессий. Расстреливают восемь солдат.

---

[1] Подчиненность.

абсолютно невинных и непричастных к убийству полковника Краузе. Это — уже не эра разочарования. Вернее, это эра ужаса и самых зверских притеснений.

Вдруг великая весть распространяется среди экспедиционного корпуса, разобравшегося, наконец, в истинном положении вещей. В той пропасти, где русские солдаты очутились, благодаря тирадам и миражам продажных вербовщиков, ползут слухи: в России революция!

Февральская революция!..

Разумеется, что эта новость не сообщается официально. Напротив, власть имущие делают все от них зависящее, для того чтобы скрыть правду. Но мало-по-малу, вначале очень робко и слабо, правда начинает просачиваться. Какой-нибудь солдатик, сидя в углу, читает цидульку. Товарищи его, в свою очередь, читают жалкие, уродливые письма, профильтрованные русской цензурой. Солдатик вдруг вскакивает с места, издает бурное восклицание и начинает размахивать бумагой. Он привлекает всеобщее внимание и вокруг него образуется толпа.

— В России революция! (Цензура дала маху и пропустила в одном письме такую крамольную весть.)

Появляется офицер, вырывает бумажку, с остервенением топчет ее ногами. Выходит, потом возвращается, подбирает скомканную бумагу и кладет ее в карман. Пытается объяснить, что «все это — газетные сплетни. Борзописцы, печатающиеся ежедневно в бульварных листках, — звонари, и ничего больше, и надо совершенно потерять голову, для того чтобы верить им». Ввиду того что, вообще говоря, слова офицера не совсем лишены основания (и солдаты успели уже убедиться в продажности газетных писак!), кое-кто среди них колеблется. Но, тем не менее, правда пробивается наружу, ибо она сильнее, чем ложь и обман. В конце концов, весь русский корпус уже знает о том, что нет царя ни в Москве ни в Петрограде. Все издают глубокий вздох облегчения. Эти люди, заброшенные на чужбину, просветляются революцией.

После того начинается борьба между офицерами, желающими скрыть или же переделать сведения о социальном и политическом перевороте в царской России, и солдатами, которые хотят знать всю правду. Солдаты принимают, наконец, определенное решение. После контакта с другими частями своего же корпуса 1-й полк 1-й бригады собирает-

ся на митинг в погребе какого-то стеклянного завода. Слышится единодушный крик.

— Мы хотим вернуться в Россию. Нам здесь нечего больше делать!

Этот крик выражает волю подавляющего числа русских солдат на французском фронте. Решение солдат доводится до сведения полковника Нечволодова. Этот бравый офицер не привык к тому, чтобы его подчиненные так выражались и чтобы подобным образом проявляли свою волю. И он падает в обморок, когда делегаты полка объявляют ему, что люди хотят вернуться домой. Он валится без чувств на землю. Его подымают.

Крики: «Мы хотим вернуться на родину!» — ширятся и растут с каждым днем. Вот почему командование решает бросить русские части в бой и тем самым совершить военную диверсию, полезную со всех точек зрения. Когда солдат находится на передовой позиции, он силой вещей с оружием в руках защищает свою жизнь и убивает для того, чтобы его самого не убили. Ему некогда думать о других вещах, и он волей-неволей забывает про свои утопии. К тому же бои образуют пустоты в солдатской массе, что влечет за собой ослабление «скверного духа».

Словом, 1-ю бригаду русского экспедиционного корпуса бросают на штурм форта Бремона. Русские проходят 26 линий проволочных заграждений и занимают все поселки, расположенные у подножья этого форта. Самого форта они не могут взять, потому что французские подкрепления не поспевают во время (это было заранее решено). В результате русские вынуждены отступить и теряют при этом 70 процентов своего боевого состава, то есть больше двух третей. Оставшиеся в живых после того рассеиваются по периферии для того, чтобы воспрепятствовать распространению того же самого «скверного духа» в войсках.

С тех пор начинается открытая борьба между солдатами и офицерами. Число солдат, предъявляющих все более и более решительные и настойчивые требования, растет. Вместе с тем растет в силе и их клич:

— Мы не желаем дольше оставаться здесь! Мы хотим вернуться в Россию, где, по крайней мере, бьются за нечто справедливое и достойное человека, где воюют за освобождение угнетаемых и эксплоатируемых!

Офицеры, которые всеми способами — угрозами, просьбами, шантажом, насилием, притеснениями, провокацией и

интригами — пытаются усмирить своих подчиненных, входят в соглашение с французскими властями. Солдаты вдруг сделались страшно сознательными, это и тревожит начальство, которое старается превратить их в прежних слепых рабов капиталистического и империалистического «порядка», созданного палачами и паразитами.

Солдаты организуются и избирают Советы. Намечается связь между отдельными революционными ячейками всех русских частей. Офицеры пробуют противодействовать этому движению и переделывать сущность, смысл и работу Советов. Здесь драма и комедия переплетаются самым причудливым образом. Французы играют свою роль этой трагикомедии. После Февральской революции издается постановление, согласно которому русские войска, расположенные на французском фронте, подчиняются не русским, а французским законам. Но права солдата-гражданина находятся в полном противоречии с французскими законами...

Ввиду того что никак не удается урезонить и успокоить русских волонтеров, которые узнали про все подробности политического переворота в России и настаивают на репатриации [1], 1-ю и 2-ю бригады переводят в маленький городок департамента Крёз — ля-Куртин. Русские регулярно собираются на митинги, которые организуются между палатками, и на которых они с прежней энергией и с возрастающей определенностью выставляют свои простые и естественные требования. Эти требования звучат как заглушенный, но мощный крик, как однообразный мотив грозной мольбы, которая объединяет всех солдат в одну общую массу. Они ни в чем не желают уступить...

20 июня 1917 года генерал Лукомский издает приказ, согласно которому обе бригады, расположенные в ля-Куртине, должны возобновить свои военные упражнения. Те отказываются.

Прибегают к крайней мере: войска разделяют. Их механически разрубают пополам. Тех, кто сдается без всяких условий, переводят в ля-Курно и Фельтен, где устраиваются попойки и кутежи, заканчивающиеся скандалами и побоищами. Неукротимых, сознательных оставляют в ля-Куртине, и они объявляются бунтовщиками. Их 11 000 человек. Это — крепкий блок, человеческая монолитная гора. Исключительные меры соблазна отрывают от этой горы маленькую песчинку в 70 человек. Остальные подчиняются суро-

---

[1] Возвращение на родину.

вой, четкой дисциплине, не допускающей ни малейшего уклонения в сторону, ни единого послабления. Они запрещают употребление алкоголя. Поразительный контраст создается между сознательными и прямодушными «бунтовщиками» ля-Куртина и лакеями, которые сознательно вернулись в состояние рабства и важничают в ля-Курно. Ля-куртинский Совет снова и снова требует от эмиссаров [1] империализма:

— Отправьте нас в Россию. Мы клянемся, что выполним наш воинский долг на родине!..

Некий Ворков приезжает из Петрограда специально затем, чтобы проповедывать солдатам пассивное повиновение. Тот же ответ! Является поп и начинает уговаривать своим медоточивым, елейным голосом.

— Раскайтесь и исповедуйтесь в великих прегрешениях своих!

Его гонят прочь.

— Можете убить нас, но не победить!

Быстро пройдем мимо целого муравейника подставных лиц: шпионов, доносчиков, провокаторов, из коих каждый тянет свою веревочку и проводит свою личную политику в этом грязном деле. Солдаты из ля-Куртина все больше и больше походят на окопавшуюся на бранном поле рать, которую окружили со всех сторон, и которая ни за что не хочет сдаться.

Им говорят:

— Вы позорите военный мундир!

Они отвечают:

— Мы знаем лишь честь человеческой личности!

Им говорят:

— Вы обманули нас! Вы — изменники!

Они отвечают:

— Нас обманули! Мы — жертвы!..

Надо понять моральную высоту этого пассивного восстания и вдуматься в сопутствующий ему глубокий внутренний кризис.

Русские солдаты долго колебались, много спорили. Несмотря на то что слова «русская революция» жгли их сознание, и что сердца их были переполнены, как никогда до сих пор, они не разрешали себе действий, на которые их толкали те или иные импульсы [2], и не поступали, как фанатики, которые окончательно потеряли власть над собой. Их

---

[1] Агентов.

[2] Побуждения.

никоим образом нельзя было бы обвинить в агрессивных действиях.

Их основная мысль сводилась к следующему:

— Ввиду полного переворота, совершившегося в нашей стране, мы имеем полное право располагать собой так, как нам это угодно. Состоявшееся соглашение потеряло свою силу, потому что те люди, пред которыми мы обязались — и которые обманули нас самым возмутительным образом!— сброшены со своих высоких постов. Наши старые господа полетели вверх тормашками, и от их былого величия ничего не осталось. Наша судьба радикально изменилась одновременно с тем, как раскрылись наши глаза. Мы не продались навсегда. Мы — не скот, который может быть куплен на убой любым мясником. Мы не желаем погибать потому только, что Николай II позарился на Константинополь и вместе с тем нуждался во французском золоте. Нам нет дела до того, что английский империализм желает сохранить свое владычество на морях, и что немецкий империализм стремится сломить эту гегемонию. Нас не касается, что Соединенные Штаты хотят заграбастать как можно больше денег, и что о том же мечтают все металлургические, шерстяные, свиные и всякие другие некоронованные, но всемогущие короли мира. Мы имеем полное право аннулировать сделку, согласно которой нас продали вместе с потрохами, и стремимся к тому, чтобы восстановить попранную справедливость!

Основная же мысль офицеров была такова:

— Революция? Браво! Да здравствует свобода! Но необходимо все же, чтобы вы продолжали войну на пользу и преуспеяние правительств Англии, Франции и Италии. Если вы не будете больше воевать, то, во-первых, окажетесь изменниками, во-вторых, вонзите нож в спину революции, а, в-третьих, французская артиллерия научит вас уму-разуму, отправив кое-кого на тот свет.

Как все здоровые духом и рассудительные люди, которые желают знать и выполнять свои прямые обязанности, русские солдаты долго спорили между собой, — но об этом я уже говорил. Я подчеркиваю, что они спорили во время штурма форта Бремона не из трусости, не под влиянием страха, а только потому, что хотели уразуметь истинный смысл своих действий и поступать вполне обдуманно. И вот вам доказательство: неокончательно убежденные и плохо осведомленные об истинном положении вещей, они не позволили себе принять окончательное решение и заключили свои дебаты следующим заявлением: «Мы пойдем в

бой! Мы выполним все то, что офицеры прикажут нам».

И стройными рядами пошли на бойню...

А теперь после вынужденного отступления, снова вернемся в те дворцы, которые уже знакомы нам. Французские власти начинают побаиваться этих бесстрашных бунтовщиков, которые признают себя только солдатами революции. Подобные примеры очень заразительны: отмечены уже 17 случаев восстания во французских войсках. «Серая скотинка» чувствует запашок капиталистической войны, и это не нравится ей. Надо принять своевременные меры и предупредить события. Французские власти говорят русским военачальникам:

— Уберите их в Россию или же укротите тут на месте, а мы поможем вам.

Но там Керенский еще больше самих французов боится этих идейных солдат. Этот «вождь» революции постоянно и систематически боится революции. Он мало заботится о том, чтобы поскорее репатриировать своих земляков-революционеров. Согласно своему обыкновению он виляет, а затем, в виде ответа, посылает подкрепление 2-й бригаде, смертельно враждебно настроенной против 1-й.

Если бы подняться, скажем, на аэроплане над ля-Куртином, то мы могли бы в то время увидеть кольцо русских войск, находившихся под главным командованием генерала Беляева. Кольцо это — двойное. Первое: три пехотных батальона, три пулеметных роты и четыре батареи: русские солдаты и французские орудия. Второе: французские войска: 19-й, 78-й, 82-й и 105-й пехотные полки, кавалерия и артиллерия. 14 сентября объявляется последний ультиматум генерала Беляева. Он отвергается. Тогда из ля-Куртина эвакуируется все гражданское население. Надвигается заранее приготовленная, обдуманная проза, готовится организованный катаклизм [1].

И вот тут-то мы непосредственно подходим к митингу людей, осужденных на смерть. Живо припомним все фразы этой живой картины или кинокадра, как я называл его вначале. Начинается обстрел. Двое музыкантов падают замертво. Всего — восемь человек убитых. Весь ля-Куртин окружен траншеями. Производится систематическая атака на этих 11 000 человек, которые лишены каких бы то ни

---

[1] Переворот, событие.

было средств защиты, которые решили пожертвовать жизнью, но не идеалами. Эта атака длится пятеро суток и сопровождается всеми характерными ужасами войны, в том числе и индивидуальными убийствами, совершаемыми офицерами, которые не руководятся никакими другими мотивами, кроме ярости, садизма и грабежа. Много сотен убитых, еще больше — раненых. 800 человек исчезают бесследно. Из 11 000 человек остается только 8000. Нельзя с полной точностью установить число убитых, потому что их хоронят ночью, тайком и предусмотрительно уничтожают все следы могил. До сих пор неизвестно, не ступает ли теперь над ними человеческая нога!

Оставшихся в живых погружают в темные, зловонные, грязные клетки, находящиеся в пароходных трюмах. Непокорных русских солдат экспортируют [1] в Африку.

В то же самое время другие русские солдаты находятся в Салониках. Они переживают точно такую же эпопею, как и их земляки на французском фронте. Но в Салониках русские страдают как сторонники Октябрьской революции, второй, настоящей. Не той, что опрокинула старый мир, а иной, которая вознеслась над руинами и начала строить новый мир.

Русские солдаты в Салониках заявили то же самое:

— Хватит с нас подчиняться приказам французских царистов и русских нео-царистов. Мы не хотим марать наших рук в крови, которая льется во славу золотого тельца или же для благополучия рабовладельцев всех сортов и мастей. Наше место — у нас дома, в России, где сейчас идет война за освобождение человечества!

Они подвергаются всем мукам, всем лишениям, какие только можно вообразить. Их терзают, пытаются уморить их жаждой, их убивают группами и поодиночке, но они не сдаются, не уступают, и те из них, которые выжили, присоединяются к другим непокорным землякам, поджидающим их в Африке.

В Африке. Люди тают от зноя. Их гонят из одного лагеря в другой, и каждый день в отдельности — потрясающий этап в хождении этих страдальцев по мукам. Но если изменилась окружающая обстановка, то кое-что другое в них самих нисколько не изменилось: их решение!

Не быть больше соучастниками империалистов. Служить

---

[1] Вывозят.

новой России! Вот их девиз, и этому девизу они служат верой и правдой.

В сферах приходят, наконец, к определенному решению. После долгих стараний, попыток и размышлений и ввиду серьезных последствий, которыми чревато это серьезное дело, власти постановляют: репатриировать[1] русских солдат. Но то, что, казалось, должно было бы явиться концом их крестных мук, превратилось в начало другой Голгофы[2]. Русских солдат послали в армию генерала Деникина, белогвардейца, бандита, оплачиваемого и вооружаемого Англией и Францией на предмет свержения рабоче-крестьянского правительства. Солдат дрессируют в известном направлении, но они протестуют и выходят из повиновения. Их наказывают через десятого, и невиданные и неслыханные по жестокости сцены характеризуют эту стадию беспримерной эпопеи. Число их уменьшается видимо на-глаз. Уменьшается? Какое значение это имеет? Все они попрежнему, как один человек.

Но на сей раз на сцену выступают так называемые исторические законы, которые играют свою роль и делают свои великие поправки. Деникин разбит революцией. Тульские рабочие оказывают столь мощное сопротивление, что белогвардейские банды вынуждены повернуть вспять, отпрянуть назад и убежать к Черному морю и даже в Париж.

И отныне маленькая горсточка русских солдат остается победоносной вершительницей дальнейших дел. Они становятся, наконец, настоящими солдатами революции. Они выполняют теперь то положительное дело, которое провидели, когда в первый раз отказались служить целям народных палачей. Их непреклонное упорство дало ощутительные результаты. Эти простые, бесхитростные люди, из которых я кое-кого знаю лично, с первой же минуты и с безупречным здравым смыслом осудили западную псевдодемократию с ее скрытым буржуазно-лицемерным царизмом, с ее свободами на бумаге. С самого же начала они швырнули архаическую «марсельезу» в лицо подлинным виновникам беспримерного интернационального разбоя. В своем кровавом продвижении вдоль ада старого мира, в своем стихийном стремлении к идеалу они отдали свою волю, они отдали свою плоть и кровь во имя благоденствия всех народов на свете. Напрягши все силы, они нача-

---

[1] Возвратить на родину.

[2] То есть страдания.

ли строить новую жизнь и прежде всего круто повернулись спиной ко всем шарлатанам, которые прикрываются именем цивилизации, права, республики и морального прогресса, ко всем паяцам, которые поныне подвизаются на министерских подмостках и в женевском мюзик-холле.

Литературно-художественный сборник „Красная панорама“.
Ленинград. Июнь, 1928 г.
Статья печатается с некоторыми сокращениями.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства

Часть первая

Первые шаги 5
В учебной команде 8
Смотр 13
Мучения начались 18
Жизнь полка на „Сантае“ 25
Снова издевательства 28
Цейлон-Джибути 31
Вино 36
В Марселе 42
На фронт 46
Издевательства продолжаются 48
В боях 54
На отдыхе 55
Форт Бремон 58
Революция в России 66
Первое мая 68

Часть вторая

Лагерь ля-Куртин 73
Приезд представителя временного правительства 77
Приезд второго представителя 81
Раскол в дивизии 86
Ля-Куртин без начальства 88
Ловушка Котовича 90
На помощь товарищам 91
Расстрел ля-Куртина 95
В плену у Занкевича 102
Побег из больницы 104
Проверка 105
Отправка в Африку 107
Африка 109
Снова во Франции 118
Вперед в неизвесность 121
Подготовка к потбегу 126
Второй побег Крылкова 127
Побег отложен 131
Переход через Альпы 135
Встреча с французскими пограничниками 138
На швейцарской территории 142
Встреча с жандармами 143
Местечко Рейнах 144
Радостные вести 146
В Германии 147
Встреча в Петрограде 148
У Ленина 149

Анри Барбюс. — Те, которых не укротили 154

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор *Д. Г. Прокофьев.*
Техред *Ф. В. Жуков.*
Корректор *Н. А. Смирнова.*

*

Сдано в набор 28 сентября 1937 г. Подписано к печати 2 декабря 1937 г. Тираж. 5000 экз. Изд. № 65. Инд. X—1-в. Уполн. Ивоблгита № В—1556. Бум. л. $2^9/_{16}$. Печ. л. $10^1/_2$. Учетно-авт. л. 9,67. Формат $84\times108^1/_{32}$. В бум. л. 164 160 зн.

*

Типография издательства Ивановского обкома ВКП(б). Иваново, Типографская, 4. Заказ № 5985.

*

Цена 2 р. 90 к.
Переплет 50 коп.

.; 5. 40 коп.